

Жорж Сименон

Мой друг Мегрэ

<http://book.zehinli.info>

Глава 1

ЛЮБЕЗНЕЙШИЙ М-Р ПАЙК

- Значит, вы стояли на пороге своего кабачка?

- Совершенно верно, комиссар.

Бесполезно было его поправлять. Уже несколько раз Мегрэ пытался ему внушить, что нужно говорить "г-н комиссар". Впрочем, какое это имеет значение?

- Итак, шикарная машина серого цвета на секунду затормозила, и из нее буквально вылетел человек. Так вы сказали?

- Да, комиссар.

- Чтобы попасть в кафе, ему пришлось проскочить мимо вас, и он даже слегка вас задел. А над дверью висит светящаяся неоновая вывеска.

- Она фиолетовая, комиссар.

- Ну и что?

- Да так, ничего.

- Выходит, потому, что вывеска фиолетовая, вы не можете опознать человека, который секундой позже, раздвинув плюшевую портьеру, выстрелил в вашего бармена?

Хозяина кабачка звали Караччи или Караччини (Мегрэ путал его имя и всякий раз должен был заглядывать в дело). Он был маленького роста, на высоких каблуках, с головой корсиканца (все они немного похожи на Наполеона), а на руке носил перстень с огромным бриллиантом.

Допрос длился с восьми утра, а уже пробило одиннадцать. Вернее, началось это в полночь, так как все задержанные в кафе на улице Фонтен, где произошло убийство бармена, провели ночь в предварилке. Несколько инспекторов, среди них Жанвье и Торранс, уже допрашивали этого Караччи или Караччини, но ничего из него не вытянули.

Хотя был май, лил холодный дождь, лил, не переставая, уже четвертый или пятый день, лил так, что крыши, подоконники, зонтики поблескивали, как вода в Сене, которую Мегрэ видел из своего кабинета всякий раз, когда наклонял голову.

М-р Пайк не шевелился. Он по-прежнему сидел на стуле в уголке, такой чопорный, словно находился в зале ожидания, и это начинало раздражать. Он медленно переводил взгляд с

комиссара на маленького корсиканца, потом снова на комиссара, и невозможно было угадать, о чем думает этот английский чиновник и думает ли вообще.

- Вы понимаете, Караччи, что ваше упорство может вам дорого обойтись, что ваше заведение могут прикрыть?

Корсиканец не испугался. Он бросал на Мегрэ понимающие взгляды, улыбался, поглаживал пальцем, на котором блестел перстень, черные ниточки усов.

- Я никогда не нарушал правил, комиссар. Можете спросить у своего коллеги Приоле.

Несмотря на то что речь шла об убийстве, дело это было подследственно комиссару Приоле, начальнику отдела светской жизни, поскольку произошло оно в специфической среде. К сожалению, Приоле уехал в Юру, на похороны какого-то родственника.

- Словом, отказываетесь отвечать?

- Вовсе не отказываюсь, комиссар.

Мегрэ нахмурился и, тяжело ступая, направился к двери.

- Люка, поработай с ним еще немножко.

Ах, этот взгляд, устремленный на него англичанином!

Хоть м-р Пайк и был самым симпатичным человеком на свете, Мегрэ иногда ловил себя на том, что ненавидит его. Точно так же было и с его шурином Мутоном. Раз в год, весной, Мутон заявлялся в Париж вместе с женой, которая приходилась родной сестрой г-же Мегрэ.

Мутон тоже был самый симпатичный человек, он никому не причинил зла. Что же касается его жены, она была на редкость приятная особа. Переступив порог квартиры супругов Мегрэ на бульваре Ришар-Ленуар, она сразу же требовала фартук и начинала помогать по хозяйству. Первый день все шло превосходно. Второй тоже проходил почти так же превосходно.

- Завтра мы уезжаем, - заявляли Мутоны.

- Ни за что! Ни за что! - возражала г-жа Мегрэ. - Почему так скоро?

- Потому что мы в конце концов вам надоедим.

- Никогда в жизни!

Мегрэ убежденно вторил жене:

- Никогда в жизни!

На третий день комиссар был уже не прочь, чтобы непредвиденная работа помешала ему обедать дома. Но, как на грех, с тех пор как свояченица вышла замуж за Мутон и супруги стали ежегодно наезжать в Париж, за время их пребывания ни разу не подвернулось ни одного из таких дел, которые заставляли комиссара дни и ночи проводить у себя в кабинете.

На пятый день супруги Мегрэ начинали обмениваться страдальческими взглядами, а Мутоны оставались у них больше недели, всегда милые, любезные, предупредительные, такие скромные, что приходилось укорять себя за ненависть к ним.

Точно так же было и с м-ром Пайком. Правда, прошло еще только три дня с тех пор, как англичанин повсюду следовал по пятам за комиссаром.

Однажды во время отпуска кто-то из супругов Мегрэ невзначай сказал Мутонам:

- Почему бы вам весной не приехать на недельку в Париж? У нас есть комната для гостей, которая всегда пустует.

И они приехали.

Аналогичная история произошла несколько недель назад, когда префект парижской полиции нанес визит лорд-мэру Лондона. Гостю предложили посетить знаменитый Скотленд-Ярд, и префект был приятно поражен, узнав, что высшие чиновники английской полиции слышали о Мегрэ и интересуются методами его работы.

- Почему бы вам не приехать и не посмотреть, как он работает? - предложил этот любезный человек.

И его поймали на слове. В Париж был послан инспектор Пайк, который вот уже три дня повсюду следовал за Мегрэ, скромный, незаметный до предела. Но комиссару было от этого не легче - англичанин ни на минуту не оставлял его одного.

Ему было не меньше тридцати пяти - сорока лет, но выглядел он так молодо, что легко мог сойти за серьезного студента. Англичанин, бесспорно, был умен, быть может, даже обладал острым умом. Он смотрел, слушал, размышлял. Размышлял так, что вам казалось, вы слышите его размышления. И это становилось утомительным.

У Мегрэ было такое ощущение, словно к нему приставили соглядатая. Все жесты комиссара, все его слова просеивались через башку невозмутимого англичанина.

Но, как назло, за все три дня ничего интересного не подворачивалось. Сплошная рутина. Одна бумажная волокита. Скучные допросы, вроде допроса Караччи.

Пайк и Мегрэ уже стали понимать друг друга без слов. Например, в тот момент, когда хозяйина ночного кабака увели в инспекторскую, плотно закрыв за ним дверь, глаза англичанина недвусмысленно вопрошали:

"Небольшая "обработка"?"

Вероятно, да. С такими людьми, как Караччи, деликатностью не возьмешь. А что тут такого? Это не имело никакого значения. Дело интереса не представляло. Если бармена убили, значит, он либо нечестно вел игру, либо принадлежал к соперничающей шайке.

Время от времени эти молодчики сводили счеты, убирали кого-нибудь с дороги. Ну что ж, одним меньше!

Будет ли Караччи говорить или не даст показаний - не важно. Рано или поздно кто-нибудь все равно попадет на удочку, вероятно осведомитель. Интересно, есть ли в Англии осведомители?

- Алло!.. Да... Это я... Кто просит?.. Леша?.. Понятия не имею... Откуда, вы говорите, он звонит?.. Из Поркероля?.. Давайте его сюда.

Взгляд англичанина по-прежнему был устремлен на Мегрэ, как око Божие на Каина.

- Алло!.. Очень плохо слышу!.. Леша?.. Да... Хорошо... Это я понял... Поркероль... Это тоже понял...

Приложив трубку к уху, Мегрэ смотрел, как по оконным стеклам стекают струйки дождя, и думал, что там, на Поркероле, маленьким островке в Средиземном море на широте Йера и Тулона, сейчас, наверное, сияет солнце. Он там никогда не был, но ему много рассказывали об этих краях. С острова ему звонили впервые, и он подумал, что телефонный кабель, должно быть, проходит под морем.

- Да... Как вы сказали?.. Блондин... Небольшого роста... В Люсоне?.. Что-то припоминаю...

Он познакомился с неким инспектором Леша очень давно, в Вандее, когда был послан на несколько месяцев в Люсон, где нужно было расследовать запутанные административные дела.

- Теперь вы служите в оперативной бригаде в Драгиньяне? Так... А звоните мне из Поркероля?

На линии не прекращался треск. Время от времени доносились голоса перекликающихся друг с другом телефонисток:

- Алло!.. Париж... Алло!.. Париж... Париж...

- Алло!.. Тулон... Вы Тулон, милая? Алло!.. Тулон...

Может быть, по другую сторону Ла-Манша телефоны действуют исправнее? Невозмутимый м-р Пайк не сводил с него глаз, не пропускал ни одного слова, а Мегрэ для приличия вертел в руках карандаш.

- Алло!.. Знаю ли я некоего Марселена?.. Какого Марселена?.. Как?.. Кто он?.. Рыбак?.. Нельзя ли пояснее, Леша. Никак не пойму, что вы мне говорите... Какой-то тип, который живет в лодке?.. Так... Дальше...

Утверждает, что он мой друг?.. Что?.. Утверждал?.. Вот что! Его уже нет в живых!.. Убили прошлой ночью?.. Но ко мне это никакого отношения не имеет, милый Леша... Это не мой сектор... Он говорил обо мне весь вечер?.. И по-вашему, выходит, из-за этого его и убили?

Мегрэ положил карандаш и свободной рукой попытался поднести спичку к трубке.

- Записываю, - продолжал Мегрэ. - Да... Марсель... Уже не Марселей?.. Как вам угодно. Значит, как пишется?.. Поль-Артюр-Катрин... Да... Понял... Пако...

Отпечатки пальцев выслали?.. Что?.. Письмо от меня?..

Вы уверены?.. Бумага с грифом?.. А какой гриф?.. Пивная на площади Терн?.. Очень возможно... Что же я там ему написал?

Если бы м-р Пайк не сидел рядом и не смотрел на него так упорно!

- Записываю... Читайте... "Жинетта завтра уезжает в санаторий. Она вас целует. Сердечный привет". Подписано "Мегрэ"?.. Нет, не обязательно подлог... Я что-то начинаю припоминать... Сейчас поднимусь в картотеку...

Приехать к вам?.. Но ведь вы же прекрасно понимаете: это не мое дело...

Он уже собирался повесить трубку, но не удержался и, рискуя удивить м-ра Пайка, задал вопрос:

- А у вас там солнце?.. Мистраль?.. Но все же солнечно?.. Ладно... Если что-нибудь узнаю, сообщу... Договорились...

М-р Пайк почти не задавал вопросов, но зато так смотрел на Мегрэ, что комиссару пришлось заговорить самому.

- Вы знаете остров Поркероль? - спросил он, раскурив наконец трубку. - Утверждают, что там очень красиво, не хуже, чем на Капри или островах Греции.

Сегодня ночью на Поркероле убит человек, но это не мой сектор. У него в лодке нашли мое письмо.

- А оно действительно от вас?

- Вероятно. Имя Жинетта мне что-то неясно напоминает. Подниметесь со мной?

М-р Пайк знал уже все помещения уголовной полиции. Один за другим они поднялись на чердак, где хранятся карточки всех, кто когда-либо имел дело с правосудием. Присутствие англичанина вызывало у Мегрэ почти что комплекс неполноценности, и ему стало вдруг стыдно перед бородатым сотрудником в сером халате, который сосал конфеты, пахнувшие фиалками.

- Скажите, Ланглуа... Кстати, жена ваша поправилась?

- Болела у меня, господин Мегрэ, не жена, а теща...

- Да, да, простите. Сделали ей операцию?

- Да. Вчера она уже вернулась домой.

- Не посмотрите, Ланглуа, нет ли у вас сведений о некоем Марселе Пако?

Может быть, в Лондоне погода лучше? А тут дождь барабанит по крыше, стекает по желобам.

- Марсель? - переспросил служащий, взобравшись на лестницу.

- Он самый, дайте-ка мне его досье.

Кроме отпечатков пальцев, к учетной карточке были прикреплены две фотографии, одна анфас, другая в профиль. Снимали Пако без воротничка, без галстука, при резком свете, в отделе идентификации.

"Пако, Марсель. Жозеф, Этьен. Родился в Гавре, моряк..."

Нахмутив брови, Мегрэ уставился на фотографию, пытаясь что-то припомнить. На снимках Пако было лет тридцать пять. Он был худ, выглядел плохо. Кровоподтек под правым глазом, казалось, свидетельствовал, что, прежде чем попасть в руки фотографов, он был подвергнут серьезному допросу.

Затем следовал довольно длинный список приводов.

В Гавре, в семнадцать лет - драка и поножовщина. Год спустя - Бордо, снова драка и поножовщина, да еще пьяный дебош в общественном месте. Оказал сопротивление полиции. Снова драка и поножовщина в каком-то значном месте в Марселе.

Мегрэ держал карточку так, чтобы одновременно с ним ее мог читать и английский коллега. А тот, казалось, всем видом говорил: "Все это есть и у нас, по ту сторону Ла-Манша".

"Бродяжничество со специальной целью..."

Бывает ли у англичан такое? Это означает, что Марсель Пако занимался сутенерством. И, как полагается, был за это послан в африканские войска для прохождения военной службы.

"Драка и поножовщина в Нанте..."

"Драка и поножовщина в Тулоне..."

- Вот задира, - сказал Мегрэ м-ру Пайку.

Дальше пошло сложнее.

"Париж. Кража с приманкой".

Тут уж англичанин поинтересовался:

- А что это означает?

Поди объясни этому джентльмену, представителю нации, которая слывет самой целомудренной во всем мире.

- Ну, как вам сказать. Это особый вид кражи. Кража, совершенная при особых обстоятельствах. Мужчина сопровождает незнакомую женщину в более или менее подозрительную гостиницу, а потом выясняется, что у него пропал бумажник. У девицы почти всегда есть соучастник.

- Понятно.

В досье Марселя Пако имелось три соучастия в подобных кражах, и всякий раз упоминалась девица по имени Жинетта.

Дальше дело становилось еще серьезнее. Речь уже шла о ножевой ране, которую Пако нанес какому-то строптивому господину.

- Я полагаю, это то, что вы называете темной личностью, - вставил м-р Пайк, который настолько отчетливо выговаривал французские слова, что они начинали принимать иронический смысл.

- Вспомнил... Точно... Я ему писал, вспоминаю, - выпалил вдруг Мегрэ. - Интересно, как все это происходит у вас?

- Весьма корректно.

- Я в этом не сомневался. А вот мы не всегда с ними Церемонимся. Но удивительно, что они очень редко нас за это ненавидят. Понимают, что такова наша профессия. И так, от допроса к допросу, мы постепенно знакомимся.

- Марсель называл вас своим другом?

- Да. И я уверен, что говорил он это вполне искренне. Особенно ясно помню девушку - о ней мне напоминает почтовая бумага с грифом. Если представится случай, я свожу вас в эту пивную на площади Терн. Там очень уютно, а кислая капуста просто великолепна. Кстати, вы любите кислую капусту?

- Иногда не отказываюсь, - без энтузиазма ответил англичанин.

- В середине дня и вечером в пивной всегда можно видеть несколько девиц за круглым столиком. Там подвизалась и Жинетта. Бретонка из деревни близ Сен-Мало, она приехала в Париж и начала с того, что нанялась служанкой к мяснику. Пако она обожала, а тот просто плакал, говоря о ней. Вас это удивляет?

М-ра Пайка ничто не удивляло. Лицо его не выражало никаких чувств.

- Я случайно им немного помог. Жинетта была чахоточная, но ни за что не хотела лечиться, чтобы не разлучаться со своим Марселем. Когда его посадили в тюрьму, я решил поговорить с одним из своих друзей, врачом-фтизиатром, и тот устроил ее в санаторий в Савойю. Вот и все.

- Об этом вы и написали Пако?

- Да. Именно об этом. Пако в то время сидел во Френе <одна из тюрем Парижа>, и мне некогда было к нему съездить.

Мегрэ вернул Ланглуа карточку и вышел на лестницу.

- Не пойти ли нам позавтракать?

Это тоже было проблемой, почти делом чести. Пригласить м-ра Пайка в какой-нибудь роскошный ресторан? Но тогда у коллеги с другой стороны Ла-Манша может создаться впечатление, что французская полиция тратит лучшие часы дня на пирушки. С другой стороны, если выбрать дешевый, Мегрэ могут обвинить в скупости.

То же самое и с аперитивами. Пить их или не пить?

- Вы собираетесь съездить на Поркероль?

Может быть, м-ру Пайку захотелось прокатиться на Юг?

- Это от меня не зависит. Официально за пределами Парижа и департамента Сены мне делать нечего.

Небо было сырое, противного серого цвета, и даже слово "мистраль" звучало соблазнительно.

- Вы любите потроха?

Комиссар повел англичанина в один из ресторанчиков Центрального рынка и угостил его потрохами по-нормандски.

- Такие дни мы называем пустыми.

- Мы тоже.

Что мог о нем подумать представитель Скотленд-Ярда? Он приехал, чтобы изучить "методы Мегрэ", а у Мегрэ не было никаких методов. Он увидел толстого увальня, который мог служить прототипом французского чиновника. И сколько времени он будет так ходить за ним следом?

В два часа они вернулись на набережную Орфевр.

Караччи по-прежнему был там. Он сидел в каморке, похожей на стеклянную клетку, в которой свидетели ждали допроса. Это означало, что из него до сих пор ничего не удалось вытянуть и скоро его начнут допрашивать снова.

- Он что-нибудь ел? - спросил м-р Пайк.

- Не знаю. Возможно. Иногда им приносят сэндвичи.

- А иногда не приносят?

- Бывает и так. Иногда дают попоститься, чтобы помочь им поскорее вспомнить.

- Господин комиссар, вас вызывает начальник.

- Вы позволите, мистер Пайк? - спросил Мегрэ.

Хоть в этом повезло. Не потащится же англичанин за ним в кабинет начальника.

- Входите, Мегрэ. Мне только что звонили из Драгиньяна.

- Догадываюсь, о чем идет речь.
- Да, Леша уже с нами связался. Много у вас сейчас работы?
- Не слишком. Не считая моего гостя...
- Он вам порядком надоел?
- Мистер Пайк самый корректный человек на свете.
- Вы припоминаете некоего Пако?
- Вспомнил, когда ознакомился с его карточкой.
- Не правда ли, любопытная история?
- Я знаю лишь то, о чем мне говорил по телефону Леша, а ему так хотелось объяснить все получше, что я не слишком много понял.

- Звонил главный комиссар и долго со мной разговаривал. Он настаивает, чтобы вы туда выехали. По его мнению, Пако убили из-за вас.

- Из-за меня?

- Другого объяснения убийству он не находит. Вот уже много лет, как Пако, известный под именем Марселена, жил на Поркероле в своей лодке. Там он стал довольно популярной личностью. Насколько я понял из слов комиссара, Пако скорее был бродягой, чем рыбаком. Зимой бездельничал, летом возил туристов на рыбную ловлю. Никто не был заинтересован в его смерти.

У него не было врагов. Он ни с кем не ссорился. У него ничего не украли. Впрочем, и красть-то было нечего.

- Каким образом он был убит?

- Как раз этот вопрос больше всего интересует комиссара.

Начальник полиции посмотрел на заметки, сделанные им во время телефонного разговора.

- Этих мест я не знаю, а потому мне трудно точно себе представить... Позавчера вечером...

- А я понял, что это случилось вчера.

- Нет. Позавчера. Несколько человек собрались в "Ноевом ковчеге". Это, как видно, гостиница или кафе.

В это время года там бывают только завсегдатаи. Все друг друга знают. Был там и Марселей. Шел более или менее общий разговор, и Пако заговорил о вас.

- Почему?

- Понятия не имею. О знаменитых людях всегда охотно говорят. Марселей утверждал, что вы были его другом. Может быть, кто-нибудь высказал сомнение насчет ваших профессиональных качеств? Во всяком случае, он защищал вас с необыкновенным пылом.

- Он был пьян?

- Он всегда был более или менее пьян. Дул сильный мистраль; насколько я понял, это имеет какое-то значение. В частности, из-за мистраля Пако, вместо того чтобы, как обычно, ночевать в лодке, направился к хижине возле парка, где рыбаки складывают свои сети. На следующее утро его нашли мертвым с несколькими пулями в голове. Неизвестный стрелял в упор и выпустил в него всю обойму. Не удовольствовавшись этим, он ударил жертву по лицу тяжелым предметом. Похоже, что убийца был в неистовстве.

Мегрэ поглядел на Сену сквозь завесу дождя и подумал, что на Средиземном море сейчас сияет солнце.

- Буавер, главный комиссар, - славный малый. Я был когда-то с ним знаком. Он не из тех, кто порет горячку.

Он только что прибыл на место преступления, но сегодня же вечером должен уехать. Он согласен с Леша, что именно разговор о вас был причиной всей драмы. Он даже склонен думать, что стрелявший в Пако в некотором роде целился в вас. Понимаете? Человек ненавидит вас настолько, что готов напасть на любого, кто защищает вас и называет своим другом.

- А на Поркероле есть такие люди?

- Это-то больше всего и смущает комиссара. На острове все друг друга знают. Никто не может ни высадиться там, ни уехать оттуда незамеченным. До сих пор никого ни в чем нельзя было заподозрить, или уж пришлось бы подозревать всех подряд. Что вы об этом думаете?

- Думаю, что мистер Пайк не прочь прокатиться на Юг.

- А вы?

- И я бы не прочь, если бы можно было ехать одному.

- Итак, когда вы едете?

- Ночным поездом.

- Вместе с мистером Пайком?

- Да. Вместе с мистером Пайком.

***

Может быть, англичанин думал, что французская полиция обладает мощными автомобилями, чтобы доставлять своих сотрудников на место преступления?

Во всяком случае, он должен был предполагать, что комиссары уголовной полиции пользуются для этого неограниченными средствами. Правильно ли поступил Мегрэ? Будь он один, он удовольствовался бы плацкартой. Приехав на Лионский вокзал, он колебался, но все же в последний момент взял два места в спальном вагоне.

Вагон был роскошный. В коридоре они увидели шикарных пассажиров с внушительным багажом. Нарядная толпа с букетами цветов провожала какую-то кинозвезду.

- Это "Голубой экспресс", - пробормотал Мегрэ, словно извиняясь.

Если бы он мог знать, что думает его коллега! В довершение всего они вынуждены были раздеться на глазах друг друга. А завтра утром им предстояло разделить крошечную уборную.

- В общем, - сказал м-р Пайк, уже в пижаме и накинутом сверху халате, - в общем, можно считать, что следствие начинается.

Что он, собственно говоря, хотел этим сказать? Французский язык англичанина был настолько точен, что всегда хотелось искать в его словах некий скрытый смысл.

- Да, начинается.

- Вы скопировали карточку Марселена?

- Нет. Признаться, даже не подумал об этом.

- Вы справились, где теперь эта женщина; если не ошибаюсь, ее, кажется, звали Жинеттой?

- Нет.

Был ли упрек во взгляде, брошенном на него м-ром Пайком?

- Вы запаслись бланком постановления на арест?

Тоже нет. Взял только удостоверение на право ведения следствия, чтобы иметь возможность вызывать и допрашивать нужных мне людей.

- Вы знаете остров Поркероль?

- Ни разу там не бывал. Я плохо знаю Юг. Как-то мне пришлось вести следствие в Канне и Антибе, но у меня сохранилась в памяти только ужасающая жара.

Меня там все время клонило ко сну.

- Вы не любите Средиземное море?

- В принципе мне не нравятся те места, где я теряю вкус к работе.

- Это потому, что вы любите работать, не так ли?

- Не знаю.

Это была правда. С одной стороны, всякий раз, как начиналось очередное дело, Мегрэ проклинал его за то, что оно нарушает установившийся порядок его жизни.

С другой стороны, стоило ему несколько дней остаться без работы, как комиссар становился угрюмым, даже, пожалуй, начинал тосковать.

- Вы хорошо спите в поезде? - спросил м-р Пайк.

- Я везде хорошо сплю.

- Стук колес не помогает вашим размышлениям?

- Я, знаете ли, мало размышляю.

Мегрэ раздражало, что купе наполнилось дымом от его трубки, тем более что англичанин не курил.

- В общем, вы еще не знаете, с какого конца начать?

- Понятия не имею. Даже не знаю, есть ли там какой-нибудь конец, за который можно ухватиться.

- Благодарю вас.

Чувствовалось, что м-р Пайк не пропускает даже самых незначительных слов, сказанных Мегрэ, что он фиксирует их в мозгу в определенном порядке, чтобы впоследствии ими воспользоваться. Можно было представить, как он вернется в Скотленд-Ярд, соберет сослуживцев (может быть, даже у школьной доски) и произнесет своим четким голосом:

- Так вот, расследование комиссара Мегрэ...

А что, если его ждет провал? Если эта история окажется одной из тех, когда приходится топтаться на месте, а правда выясняется только лет через десять, и то совершенно случайно? Что, если это обычное дело, и Леша встретит их завтра на перроне словами:

- Все в порядке. Пьяница, который убил Пако, арестован. Он сознался.

Если...

Г-жа Мегрэ не положила халат в чемодан мужа. Она не захотела дать ему старый, который был похож на монашескую рясу. В ночной рубашке комиссар чувствовал себя неловко.

- Хотите "ночной колпак"? - предложил м-р Пайк, протягивая ему серебряный флакон и стопку.
- Так мы называем последнюю рюмку виски, которую выпиваем перед сном.

Мегрэ выпил. Правда, он не любил пить перед сном.

Может быть, м-р Пайк также не любил кальвадос, который комиссар заставлял его глотать в течение трех дней.

Он заснул и чувствовал сквозь сон, что храпит. А проснувшись, увидел оливковые деревья, окаймлявшие Рону, и понял, что они проехали Авиньон.

Сияло солнце, над рекой расстился легкий туман.

Англичанин, свежевыбритый, корректный с головы до ног, стоял в коридоре, прильнув лицом к окну. В уборной было так чисто, словно ею никто не пользовался.

Там слегка пахло лавандой.

Мегрэ, еще не понимая, в каком настроении он проснулся, проворчал, разыскивая в чемодане свою бритву:

- Теперь только бы не оказаться идиотом.

Может быть, эта грубость была его реакцией на безупречную корректность м-ра Пайка.

Глава 2

КЛИЕНТЫ "КОВЧЕГА"

В общем, первый раунд прошел вполне прилично.

Это не значит, что они соревновались друг с другом, во всяком случае на профессиональном поприще. Если м-р Пайк и участвовал в полицейской деятельности Мегрэ, то лишь в качестве зрителя.

И все-таки Мегрэ подумал: "Именно первый раунд".

Когда, например, он подошел к английскому инспектору в коридоре пульмановского вагона, м-р Пайк, захваченный врасплох, попытался, конечно, скрыть свое восхищение. То ли из простой стыдливости - сотруднику Скотленд-Ярда не пристало любоваться восходом солнца над одним из прекраснейших пейзажей мира, то ли англичанин считал неприличным выражать восхищение при посторонних.

Мегрэ, не раздумывая, мысленно засчитал очко в свою пользу.

В вагоне-ресторане м-р Пайк тоже зачел себе очко, и справедливо. Это был пустяк: он просто слегка поморщился, когда подали яичницу с беконом, которая в его стране была бесспорно лучше.

Вы не бывали на Средиземном море, мистер Пайк?

- Я обычно провожу отпуск в Суссексе. Впрочем, однажды ездил в Египет. Море было серое, бурное, и почти в течение всего времени шел дождь.

Мегрэ, который в глубине души не очень любил Юг, сейчас испытывал непреодолимое желание защитить его.

Сомнительное очко: метрдотель, который узнал комиссара, - наверное, он где-то его уже обслуживал, - заискивающим тоном предложил сразу после первого завтрака:

- Рюмочку спиртного, как обычно?

А как раз накануне инспектор заметил вскользь, словно не придавая этому значения, что английский джентльмен никогда не пьет крепких напитков до наступления вечера.

По прибытии в Йер Мегрэ занес на свой счет бесспорное очко. Пальмы у вокзала стояли неподвижно, замерев на солнце, горячем, как в Сахаре. Можно было подумать, что в то утро открывается какой-то большой базар, ярмарка или праздник: телеги, грузовички, тяжелые машины были похожи на движущиеся пирамиды из ранних овощей, фруктов и цветов.

У м-ра Пайка, так же как у Мегрэ,хватило дух. Они словно попали в другой мир и стеснялись своей темной одежды, в которой еще накануне вечером ходили под дождем по улицам Парижа. Надо было бы, как инспектор Леша, надеть костюм цвета резеды, рубашку с открытым воротом. Мегрэ не сразу узнал его: он помнил только фамилию и плохо представлял себе внешность инспектора. Леша, который прокладывал себе путь сквозь толпу носильщиков, с виду походил на мальчишку: маленький, худощавый, без шляпы, в легких летних туфлях.

- Сюда, шеф!

Было ли и это очком в пользу Мегрэ? Ведь если этот чертов м-р Пайк учитывает все, то невозможно узнать, что он записывает в столбике хороших отметок и что регистрирует как плохое. Официально Леша полагалось бы назвать Мегрэ г-ном комиссаром, потому что он не был

у него в прямом подчинении. Но во Франции немного нашлось бы полицейских, которые устояли бы перед искушением с дружеской фамильярностью назвать его просто шефом.

- Мистер Пайк, вы уже заочно знакомы с инспектором Леша. Леша, это мистер Пайк из Скотленд-Ярда.

- Они тоже интересуются этим делом?

Леша был настолько поглощен историей с Марселеном, что нисколько не удивился бы, если бы ее сочли делом международного значения.

- Мистер Пайк приехал во Францию, чтобы изучать наши методы работы.

Пока они выбирались из толпы, Мегрэ удивлялся, почему это Леша идет как-то странно, боком, вывертывая себе шею.

- Пошли быстрее, - сказал он. - Моя машина у входа.

Это была маленькая служебная машина. Только усевшись в нее, инспектор облегченно вздохнул.

- По-моему, вам надо быть настороже. Все того мнения, что на вас точат зубы.

Значит, несколько секунд назад, в толпе, этот крошечный Леша готовился защищать Мегрэ!

- Поедем на остров сейчас же? У вас нет никаких дел в И ере?

И они покатили.

Местность была плоская, пустынная, дорога обсажена тамариском, кое-где высились пальмы, потом справа показались белые солончаки. Все было настолько непривычно, словно они перенеслись в Африку, - небо голубое, как фарфор, воздух совершенно неподвижный.

- А что же мистраль? - спросил Мегрэ с чуть заметной иронией.

- Вчера вечером вдруг прекратился. Пора уже было.

Он дул девять дней подряд, а этого достаточно, чтобы любого довести до белого каления.

Мегрэ был настроен скептически. Северяне, а Север начинается в окрестностях Лиона, никогда не принимают мистраль всерьез. Так что равнодушие, проявленное м-ром Пайком, тоже было вполне извинительным.

- С острова никто не уезжал. Вы можете допросить всех, кто находился на нем, когда убили Марселена.

Рыбаки в ту ночь не выходили в море из-за шторма.

Но один миноносец из Тулона и несколько подводных лодок маневрировали на рейде острова. Я звонил в адмиралтейство. Ответ был совершенно определенный.

Ни одно судно не пересекало фарватер.

- Следовательно, убийца все еще на острове?

- Там увидите.

Леша играл роль старожилы, знающего и остров, и его обитателей. Мегрэ был здесь новичком, а это всегда довольно неприятная роль. После получаса езды машина остановилась на скалистом мысу, где не было ничего, кроме гостиницы в провансальском стиле и нескольких рыбацких домиков, выкрашенных в розовый и светло-голубой цвет.

Это было очко в пользу Франции, потому что все разинули рты от восхищения. Море было невероятно синего цвета, какой обычно приходится видеть только на открытках, а на горизонте, среди радужных далей, лениво раскинулся остров с очень зелеными холмами, с красными и желтыми скалами.

У конца дощатых мостков ждала рыбацья лодка, выкрашенная в светло-зеленый цвет, с белым бортиком.

- Это наша лодка. Я попросил Габриэля привезти меня и подождать вас. Почтовый катер "Баклан" бывает здесь только в восемь утра и в пять вечера. Фамилия Габриэля - Галли. Я вам объясню. Здесь есть Галли и есть Морены. Почти все на острове носят одну из этих двух фамилий.

Леша тащил чемоданы гостей, которые в его руках казались очень большими. Мотор был уже запущен. Все это представлялось немного нереальным; не верилось, что они приехали сюда для того, чтобы заниматься расследованием убийства.

- Я не предложил вам посмотреть труп. Он в Йере.

Вскрытие произведено вчера утром.

Между мысом Жьен и Поркеролем примерно три мили. По мере того как они продвигались по шелковистой воде, контуры острова становились резче, яснее проступали мысы, бухты, старые форты, утонувшие в зелени, и, как раз посередине, маленькая группа светлых домов и белая колокольня церкви, словно выстроенные ребенком из кубиков.

- Как по-вашему, смогу я достать купальный костюм? - обратился к Леша англичанин.

Мегрэ не подумал об этом; перегнувшись через борт, он разглядывал морское дно, скользившее под лодкой.

Глубина достигала, по крайней мере, десяти метров, но вода в то утро была настолько прозрачна, что малейшие подробности подводного пейзажа просматривались без труда. И это был настоящий пейзаж - с равнинами, покрытыми зеленью, со скалистыми холмами, с ущельями и пропастями, между которыми, словно стада, проплывали стаи рыб.

Немного смущенный, как будто его застали за детской игрой, Мегрэ посмотрел на м-ра Пайка, но тут же поставил себе еще одно очко: инспектор Скотленд-Ярда, не менее взволнованный, чем он, тоже не отрывал глаз от морского дна.

***

Когда приезжаешь куда-нибудь впервые, трудно сразу представить себе, где что расположено. Сначала все кажется необычным. Гавань была крошечной, с молот слева, со скалистым мысом, покрытым зонтичными соснами, - справа. В глубине - красные крыши, белые и розовые дома среди пальм, мимоз и тамарисков.

Видел ли Мегрэ когда-нибудь мимозы, кроме как в корзинках маленьких продавщиц в Париже? Он уже не помнил, цвели ли они, когда он несколько лет назад вел следствие в Антибе и в Канне.

На молу их ждала горстка людей. Были также рыбаки в лодках, выкрашенных, словно елочные игрушки.

Люди смотрели, как Мегрэ и Пайк сходили на берег. Может быть, эти люди образовали какие-то группы? Только позже Мегрэ стал обращать внимание на такие подробности. Например, один человек, одетый в белое, с белой фуражкой на голове, поздоровался с ним, поднеся руку к виску, а комиссар не узнал его.

Это Шарло! - шепнул ему на ухо Леша.

В тот момент это имя ничего не сказал Мегрэ.

Какой-то великан с босыми ногами, не говоря ни слова, сложил багаж на тачку и повез ее на деревенскую площадь.

Мегрэ, Пайк и Леша пошли за ним. А вслед им направились местные жители; все это время царил какое-то необычное молчание.

Площадь была обширна и пуста; вокруг росли эвкалипты, стояли разноцветные дома, а повыше - маленькая желтая церковь с белой колокольней. Кое-где виднелись кафе с тенистыми террасами.

Я мог бы оставить за вами комнаты в "Гранд-отеле". Он уже две недели как открылся. Но подумал, что вам лучше остановиться в "Ноевом ковчеге". Я вам объясню.

Набралось уже много такого, что требовало объяснений. Терраса "Ковчег", выходящая на площадь, была побольше, чем у других кафе; ее ограничивали каменная стенка и зеленые растения. Внутри оказалось прохладно, немного темновато, но приятно; в нос сразу ударил запах кухни и белого вина.

Еще один человек в наряде повара, но без колпака на голове. Он приближался с протянутой рукой, с сияющей улыбкой на лице.

- Счастлив принять вас, господин Мегрэ. Я отвел вам лучшую комнату. Выпьете нашего белого вина?

Леша подсказал:

- Это Поль, хозяин.

Пол был вымощен красными плитками. Бар - такой, какие бывают в бистро. Белое вино - холодное, зеленоватое, вкусное.

- Ваше здоровье, господин Мегрэ. Я не смел надеяться, что буду когда-нибудь иметь честь принять вас у себя.

Поль и не подумал о том, что этим он был обязан преступлению. Никто, казалось, не вспоминал о смерти Марселена. Группы людей, которые Мегрэ только что видел возле мола, были теперь уже на площади и незаметно приближались к "Ноеву ковчегу". Несколько человек даже усаживались на террасе.

В общем, интересовал их главным образом приезд Мегрэ, живого Мегрэ, словно он был кинозвездой.

Достаточно ли уверенно он держится? Быть может, у полицейских Скотленд-Ярда больше самоуверенности уже в самом начале расследования? М-р Пайк смотрел на все и не произносил ни слова.

- Я хотел бы немного освежиться, - вздохнул наконец Мегрэ, после того как выпил два стакана белого.

- Жожо, покажи господину Мегрэ его комнату! Ваш друг тоже поднимется, господин комиссар?

Жожо оказалась молоденькой чернявой служанкой, одетой в черное, с широкой улыбкой и маленькими остроконечными грудями.

Весь дом пропах провансальской рыбной похлебкой и шафраном. На верхнюю площадку лестницы, выложенную, как и пол в кафе, красными плитками, выходили только три-четыре комнаты, и комиссару действительно отвели лучшую из них, одно окно которой выходило на площадь, а другое на море. Может быть, следовало предложить ее м-ру Пайку? Теперь поздно.

Ему уже указали на другую дверь.

- Вам ничего не нужно, господин Мегрэ? Ванная в конце коридора. Кажется, есть горячая вода.

Леша следовал за ним. Это было естественно. Это было нормально. Однако Мегрэ не пригласил его в комнату. Ему казалось, что это было бы неучтиво по отношению к английскому коллеге. Тот мог подумать, что от него что-то скрывают, что его не допускают до "всего" следствия.

- Я спущусь через несколько минут, Леша.

Комиссару хотелось найти какие-нибудь любезные слова для инспектора, который так заботливо все для него устроил. Мегрэ, кажется, припоминал теперь, что в Люсоне много говорили о его жене. Стоя в дверях, он спросил сердечным тоном:

- А как поживает очаровательная госпожа Леша?

Но бедный малый пробормотал в ответ:

- Вы разве не знали? Она от меня ушла. Вот уже восемь лет, как ушла.

Промах! Комиссар вдруг вспомнил: в Люсоне потому так много и говорили о г-же Леша, что она отчаянно изменяла мужу.

У себя в номере он только снял пиджак, умылся, почистил зубы, потянулся, стоя перед окном, затем несколько минут полежал на кровати, как бы проверяя пружины матраца. Обстановка была старомодная, приятная.

Вкусный запах южной кухни проникал в комнату, как и во все уголки дома. Он подумал, не спуститься ли без пиджака, потому что было жарко, но решил, что тогда он будет слишком похож на отдыхающего.

Когда он появился внизу, у бара сидело несколько человек, главным образом мужчины в рыбацкой одежде. Леша ждал его на пороге.

- Хотите немного прогуляться, шеф?

- Подождем мистера Пайка.

- Он уже вышел.

- Где же он?

- В воде. Поль одолжил ему купальный костюм.

Они машинально направились к порту.

- По-моему, шеф, вам надо быть очень осторожным.

Тот, кто убил Марселена, затаил на вас злобу и попытается отомстить.

- Подождем, пока мистер Пайк выйдет из воды.

Леша указал на голову, торчащую на поверхности моря, за лодками:

- Он тоже ведет следствие?

- Наблюдает. Мы не должны выглядеть так, словно договариваемся за его спиной.

- Нам было бы спокойнее в "Гранд-отеле". Он только что открылся, и там никого нет. Но дело в том, что на острове привыкли собираться у Поля. Оттуда все и началось, потому что там Марселей говорил о вас, утверждая, что вы его друг.

- Подождем мистера Пайка.

- Вы хотите вести допросы при нем?

- Придется.

Леша поморщился, но не посмел возражать.

- Куда вы думаете вызывать людей? Здесь есть только мэрия. Там всего один зал со скамьями, знаменами, которые вывешиваются Четырнадцатого июля <День взятия Бастилии, национальный праздник Франции>, и бюстом Республики. Мэр - хозяин мелочной лавки возле "Ноева ковчега".

М-р Пайк спокойно шел к берегу, разбрызгивая воду, сверкавшую на солнце.

- Вода чудесная, - сказал он.

- Если хотите, мы подождем здесь, пока вы переоденетесь.

- Мне и так удобно.

На этот раз очко было в его пользу. Он действительно так же хорошо чувствовал себя в купальных трусах, с капельками воды, катившимися по его худощавому телу, как и в своем черном костюме.

Пайк указал на серую яхту, стоявшую не в порту, а на якоре, в нескольких кабельтовых от берега. На ней виднелся английский флаг.

- Что это за яхта?

Леша объяснил:

- Она называется "Северная звезда". Эта яхта приходит сюда почти каждый год. Она принадлежит миссис Эллен Уилкоккс; так же, по-моему, называется один из сортов виски. Это она владелица фирмы, производящей виски "Уилкоккс".

- Молодая?

- Довольно хорошо сохранилась. Живет на яхте со своим секретарем Филиппом де Морикуром и двумя матросами. На острове есть еще один англичанин, который живет здесь круглый год. Его дом виден отсюда. Вон тот, с минаретом.

М-р Пайк, по-видимому, не был в восторге от того, что встретит здесь соотечественников.

- Это майор Беллэм, но жители острова называют его просто майор, а иногда и Тедди.

- Я полагаю, он майор индийской армии?

- Не знаю.

- А пьет он много?

- Много. Вы увидите его сегодня вечером в "Ковчеге". Вы всех увидите в "Ковчеге", в том числе и миссис Уилкоккс с ее секретарем.

- Они были там, когда Марселей говорил обо мне? - осведомился Мегрэ просто для того, чтобы что-нибудь сказать, потому что на самом деле он еще ничем не заинтересовался.

- Были. Практически тогда, как и каждый вечер, все были в "Ковчеге". Через неделю-другую начнут приезжать туристы, и жизнь пойдет по-другому. Сейчас здесь живут уже не совсем по-зимнему, как бывает, когда местные жители остаются одни на острове, но и то, что называется сезоном, еще не началось.

Пока приехали только те, кто бывает здесь каждый год. Не знаю, понятно ли вам. Многие ездят сюда годами, всех здесь знают. Майор живет на вилле с минаретом уже восемь лет. А рядом вилла господина Эмиля.

Леша нерешительно посмотрел на Мегрэ. Быть может, в присутствии англичанина он тоже испытывал нечто вроде патриотической стыдливости.

- Господин Эмиль?

- Да вы его знаете. Во всяком случае, он-то вас знает. Он живет со своей матерью, старухой Жюстиной, одной из самых знаменитых женщин побережья. Это она владелица "Цветов" в Марселе, "Сирен" в Ницце и еще двух-трех домов в Тулоне, Безье, Авиньоне.

Жюстине уже семьдесят девять. Я думал, она старше, потому что, если верить господину Эмилю, ему шестьдесят пять. Оказывается, он у нее родился, когда ей было четырнадцать. Она сама сказала мне это вчера. Оба живут очень спокойно, никто к ним не ходит. Смотрите! Вон там, видите, господин Эмиль у себя в саду в белом костюме, с колониальным шлемом на голове. У него есть лодочка, как и у всех, но он не ходит на ней дальше места, где кончается мол; там он сидит часами, ловит морских юнkerов.

- А что это такое? - спросил м-р Пайк.

- Морской юнker? Маленькая рыбка, очень красивая, с красными и голубыми плавниками. Жареная довольно вкусна, но это не серьезный лов. Понимаете?

- Понимаю.

Все трое шли по песку, за домами, выходящими фасадом на площадь.

- Здесь есть еще один тип из той же среды. Наверное, мы будем завтракать за соседним с ним столом. Это Шарло. Он поздоровался с вами, шеф, когда мы сходили на берег. Я просил его не уезжать с острова, и он не протестовал. Любопытно, что никто здесь не просил разрешения уехать. Они все очень спокойны.

- А это что за яхта?

Огромная белая яхта, не очень красивая, вся из металла, почти заполняла собой гавань.

- "Алкиона"? Она стоит здесь круглый год. Принадлежит одному заводчику из Лиона, господину Жорги, за весь год он пользуется ею не больше недели. Да и то лишь ходит на ней купаться, один, на расстоянии ружейного выстрела от острова. На борту два матроса-бретонца, живет им неплохо.

Англичанин ожидал, что Мегрэ будет делать себе пометки. Но тот лишь курил трубку, лениво поглядывая вокруг и рассеянно слушая Леша.

- Посмотрите на эту маленькую зеленую лодку рядом с "Алкионой", она такой забавной формы. Каюта крошечная, и все-таки в ней живут двое - мужчина и женщина. Они устроили из паруса тент над палубой и большей частью там и ночуют. Там же готовят пищу, умываются. Эти двое не каждый год живут на острове.

Однажды утром оказалось, что их лодка причалила в том месте, где она стоит сейчас. Мужчину зовут Жеф де Греф, он голландец. Художник. Ему только двадцать четыре. Вы его увидите. Девушку зовут Анна, они не женаты. Я видел их документы. Ей восемнадцать. Она из Остенде. Всегда ходит наполовину голая и даже больше, чем наполовину. Как только наступает вечер, можно видеть, как они оба голышом купаются в конце мола. - Леша не преминул добавить в пику м-ру Пайку:

- Правда, если верить рыбакам, миссис Уилкоккс делает то же самое около своей яхты.

Люди наблюдали за ними издали. Они собирались маленькими группами; вид у них был такой, словно им весь день больше нечего делать.

- Еще пятьдесят метров, и вы увидите лодку Марселена.

Теперь гавань окаймляли не задние стены домов, стоявших на площади, а виллы, большей частью утопавшие в зелени.

- Они пусты, кроме двух, - пояснил Леша.

Сады отделялись от моря каменной стенкой. У каждой виллы имелся свой маленький мол. У одного из таких молов была пришвартована лодка местной работы, длиной около шести метров, остроконечная с обеих сторон.

- Это лодка Марселена.

На палубе грязного суденышка царил беспорядок.

Там виднелось нечто вроде очага, сложенного из больших камней, котел, почерневшие от дыма кастрюльки, пустые бутылки.

- Вы вправду знавали его, шеф? В Париже?

- Да, в Париже.

- Местные жители отказываются верить, что он родился в Гавре. Все убеждены, что он был настоящий южанин. Даже говорил с акцентом. Странный тип! Жил в своей хижине. Время от времени ездил на материк - прошвырнуться, как он говорил, то есть пришвартоваться к молу в Сен-Тропезе или Лаванду. Когда погода была слишком плохая, ночевал вон в той хижине, чуть повыше гавани. Там рыбаки кипятят сети. У него не было никаких потребностей. Мясник время от времени давал ему кусок мяса. Рыбу он ловил мало, только летом, когда брал с собой туристов. Таких, как он, несколько на острове.

- А у вас в Англии есть такие? - спросил Мегрэ м-ра Пайка.

- Нет, у нас слишком холодно. В портах живут только крысы.

- Он пил?

- Только белое вино. Если он работал, помогал кому-нибудь, с ним расплачивались бутылкой белого. Марселей часто выигрывал вино и в шары: он был очень силен в этой игре. В лодке я и нашел письмо.

- Больше не было никаких документов?

- Военный билет, фотография женщины, вот и все.

Странно, что он сохранил ваше письмо, вы не находите?

Мегрэ не находил это таким уж удивительным. Ему хотелось поговорить об этом с м-ром Пайком, но он отложил разговор.

- Хотите осмотреть лачугу? Я запер ее, ключ у меня в кармане; надо будет отдать его рыбакам - он им нужен.

Нет, сейчас он не пойдет в хижину. Мегрэ был голоден. К тому же ему хотелось поскорее увидеть английского коллегу одетым. Несколько вольный костюм последнего стеснял комиссара, хотя он не мог бы точно сказать - почему. Просто он не привык вести расследование в обществе человека в купальных трусах.

Пайк поднялся к себе в комнату, чтобы одеться, и вернулся без галстука, в рубашке с открытым воротом, как и Леша; он успел даже достать себе - конечно, в мелочной лавке мэра - пару синих полотняных туфель.

Рыбаки, которые с удовольствием поболтали бы с ними, пока еще не осмеливались к ним обращаться.

"Ковчег" состоял из двух помещений: кафе, где находился и бар, и зала поменьше, где стояли столики со скатертями в красную клетку. Их столик был уже накрыт. Немного подалее Шарло с озабоченным видом дегустировал морских ежей.

На этот раз он снова поднес руку к виску, глядя на Мегрэ. Потом равнодушно добавил:

- Как поживаете?

Лет пять-шесть назад они провели несколько часов, может быть, целую ночь наедине в кабинете Мегрэ.

Комиссар не мог припомнить фамилию этого человека. Здесь все звали его просто Шарло.

Он занимался всем понемногу: вербовал пополнение для домов терпимости Юга, торговал контрабандным кокаином и другими товарами, имел также какое-то отношение к скачкам, а во время выборов был самым активным из агентов побережья.

Выглядел Шарло очень опрятно, был невозмутимо спокоен, только глаза порой иронически поблескивали.

- Вы любите южную кухню, мистер Пайк?

- Я ее не знаю.

- Хотите попробовать?

- С удовольствием.

Поль, хозяин "Ковчега", предложил:

- Подать вам маленьких птичек для начала? У меня есть жаренные на вертелах.

Это были красногрудки, как неосторожно сообщил Поль, подавая их англичанину, который невольно с жалостью посмотрел на свою тарелку.

- Как видите, комиссар, я вел себя хорошо, - вполголоса обратился к Мегрэ Шарло, не переставая есть. - Я терпеливо ждал вас. Я даже не просил у инспектора разрешения отлучиться.

Наступило довольно продолжительное молчание.

- Я буду в вашем распоряжении, когда скажете. Поль может подтвердить, что в тот вечер я не уходил из "Ковчега".

- Вы что, торопитесь?

- С чем?

- Снять с себя подозрение?

- Я расчищаю почву, вот и все. Стараюсь, как могу, чтобы вам не пришлось слишком долго плавать. Вам придется поплавать. А я плаваю хорошо - я местный.

- Вы знали Марселена?

- Я выпивал с ним раз сто, если вы это имеете в виду. Правда, что вы привезли с собой кого-то из Скотленд-Ярда? - Он цинично оглядел м-ра Пайка, словно какую-то диковину. - Это дело - не для него. И, если вы позволите мне высказать свое мнение, - даже не для вас. Вы знаете, я всегда соблюдаю правила. Мы уже объяснились друг с другом, и ни тот, ни другой не были в обиде. Как бишь зовут того маленького толстенького бригадира, который был тогда у вас в кабинете? Люка!

Как он поживает, этот Люка? Эй, Поль, Жожо!..

И так как никто не отозвался, Шарло направился в кухню и через минуту вернулся с тарелкой, от которой пахло чесночным соусом.

- Я, может быть, мешаю вам беседовать?

- Нисколько.

- А то вам достаточно вежливо попросить меня заткнуться. Мне ровно тридцать четыре года. Точнее говоря, вчера исполнилось тридцать четыре, а это значит, что я Уже неплохо знаю жизнь. Мне случалось объясняться с вашими коллегами в Париже, в Марселе и в других местах. Они не всегда были со мной корректны. Частенько мы не понимали друг друга, но есть одна вещь, которую вам подтвердит каждый: Шарло никогда не был замешан в мокром деле.

Это была правда, если под этим следовало понимать, что он никогда никого не убивал. У него в активе была дюжина приводов, но все за относительно безобидные правонарушения.

- Знаете, почему я прихожу сюда? Конечно, я люблю этот ресторанчик, и мы с Полем приятели. Но есть и другая причина. Посмотрите налево, в угол. На автомат. Он мой, и у меня их еще штук пятьдесят от Марселя до Сен-Рафаэля. Это не совсем по правилам. Время от времени начальство делает вид, что очень сердится, и конфискует у меня один-другой.

Бедный м-р Пайк! Он обязательно хотел доесть маленьких птичек. Теперь он с плохо скрытым страхом принюхивался к мясу под чесночным соусом.

- Вы, наверное, думаете: почему он так много говорит, правда?

- Я пока еще ни о чем не думал.

- А все-таки я вам объясню. Здесь, я хочу сказать, на острове, есть два человека, на которых, как ни крути, свалится все это дело: Эмиль и я. Мы оба понимаем, что к чему. Все очень любезны с нами, видимо, потому, что мы охотно всех угощаем. Но многие перемигиваются. Говорят тихонько:

- Это люди из такой среды!

Или же:

- Посмотри-ка вот на того. Прожженный тип!

И конечно, как только всплывает какое-нибудь дело, считают, что виноваты мы. Я это понял и потому держался тише воды ниже травы. На побережье меня ждут приятели, а я им даже не пытался позвонить. Ваш малыш инспектор, с виду такой хорошенький, глаз с меня не спускает, и ему страсть как хочется засадить меня в тюрьму. Ну так вот! Я просто-напросто скажу, чтобы не дать вам сесть в лужу: это было бы несправедливо. Вот и все. А теперь я к вашим услугам.

Мегрэ поднес ко рту зубочистку, ожидая, пока Шарло выйдет, потом тихонько спросил коллегу из Скотленд-Ярда:

- Вам в Англии тоже случается заводить приятелей среди клиентов?

- У нас они не совсем такие.

- То есть?

- У нас немного таких, как этот господин. Некоторые вещи происходят у нас иначе. Понимаете?

Почему Мегрэ подумал о м-с Уилкоккс и ее молодом секретаре?

- Например, я очень долго поддерживал отношения, ну, скажем, сердечные, со знаменитым вором, специалистом по ювелирным изделиям. Среди воров у нас много специалистов по драгоценностям. Это даже можно считать национальной специальностью наших воров. Они почти всегда люди образованные, окончили лучшие колледжи, бывают в шикарных клубах. Для нас трудность состоит в том же, что и для вас, когда вы имеете дело с такими людьми, как этот субъект или тот, кого он назвал господином Эмилем: их нужно захватить на месте преступления. Четыре года я ходил по пятам за своим вором. Он это знал. Нам часто случалось вместе пить виски в баре. Мы также сыграли с ним не одну партию в шахматы.

- И вы поймали его?

- Ни разу. Кончилось тем, что мы заключили с ним джентльменское соглашение. Вы понимаете этот термин? Я его сильно стеснял, так что в последние годы он ничего не мог предпринять и буквально впал в нищету.

Я, со своей стороны, терял из-за него много времени.

И вот я посоветовал ему уехать в другое место и там применить свои таланты.

Он поехал воровать драгоценности в Нью-Йорк?

- Полагаю, что он в Париже, - спокойно отпарировал м-р Пайк, в свою очередь взяв зубочистку.

Вторая бутылка местного вина, которую Жожо принесла, не дожидаясь заказа, была уже наполовину пуста. Подошел хозяин и предложил:

- Выпьете виноградной водки? После чесночного соуса это обязательно.

В зале было не жарко, почти прохладно, в то время как на площади пекло солнце и гудели мухи.

Шарло, разумеется для пищеварения, начал партию в шары с каким-то рыбаком; полдюжины любителей столпились вокруг.

- Допросы будете вести в мэрии? - спросил малыш Леша, которого, видно, совсем не клонило ко сну.

Мегрэ чуть не спросил: "Какие допросы?"

Но не следовало забывать о м-ре Пайке, который почти с удовольствием глотал виноградную водку.

- Да, в мэрии.

Комиссар предпочел бы пойти вздремнуть.

Глава 3

ГРОБ БЕНУА

Мэр г-н Фелисьен Жаме (его здесь, конечно, звали просто Фелисьен) открыл им дверь мэрии своим ключом.

Уже два раза, видя, как он пересекает площадь, Мегрэ подумал, что Жаме одет как-то необычно, и вдруг понял: необычность заключалась в серой блузе москательщика: кроме других

товаров, Фелисьен продавал также лампы, керосин, оцинкованную проволоку и гвозди. Блуза была у него очень длинная и доходила почти до щиколоток.

Необычность наряда еще усиливалась ермолкой, которую мэ́р носил на голове, - в этом было нечто средневековое, и Мегрэ казалось, что он уже видел его где-то на церковном витраже.

Остановившись на пороге пыльного зала, Мегрэ и м-р Пайк с удивлением посмотрели друг на друга, потом на Леша и, наконец, на Фелисьена. На столе, том самом, которым пользовались во время заседания муниципального совета и выборов, стоял гроб из некрашеного дерева, уже не новый.

- Если вы мне поможете, мы сейчас поставим его обратно в угол, - сказал г-н Жаме самым естественным тоном. - Это муниципальный гроб. По закону, мы обязаны обеспечивать похороны бедняков, но на острове только один плотник, он уже старый и работает медленно. А летом, в жару, покойники не могут ждать.

Он говорил об этом, как о чем-то самом обыденном, а Мегрэ краем глаза следил за представителем Скотленд-Ярда.

- А много у вас бедняков?

- Всего один - старик Бенуа.

- Значит, этот гроб предназначен для него?

- В принципе да. Но в среду, например, в нем перевозили в Йер тело Марселена. Не беспокойтесь. Гроб продезинфицирован.

В комнате стояли только складные стулья, очень удобные.

- Так я пойду, господа?

- Еще минутку. Кто этот Бенуа?

- Вы, наверное, его уже видели или увидите, волосы у него до плеч, густая борода. Да вон он спит на скамейке, там, где играют в шары; посмотрите в окно.

- Он что, очень старый?

- Никто не знает. Да и сам он тоже. Говорит, что ему уже больше ста, но, должно быть, хвастает. У Бенуа нет документов. Даже имя его точно не известно.

Он высадился на остров очень давно, когда Морен Бородач, хозяин кафе на углу, был еще молодым человеком.

- Откуда он прибыл?

- Тоже никто не знает. Наверное, из Италии.

- Он что, юродивый?

- Простите, не понял.

- Он слабоумный?

- Бенуа хитер, как обезьяна. Сейчас он похож на патриарха. Через несколько дней, как только приедут курортники, старик побреет бороду и голову. Он это делает каждый год в одно и то же время. И начнет ловить твердоголовок. Здесь приходилось всему учиться.

- Твердоголовок?

- Твердоголовки - это червяки с очень крупной головой; они водятся в песке, на берегу моря. Рыбаки предпочитают их другой наживке, потому что они крепко сидят на крючке. Их продают очень дорого. Бенуа все лето ловит твердоголовок, бродит почти по пояс в воде. А в молодости он был каменщиком. Это он построил многие дома на острове. Вам больше ничего не нужно, господа?

Мегрэ поспешил открыть окно: здесь, вероятно, проветривали только Четырнадцатого июля, тогда же, когда выносили знамена и стулья.

Комиссар, в сущности, не знал, что он здесь делает.

У него не было никакого желания приступать к допросам. Зачем он согласился, когда инспектор Леша предложил ему это? По слабости характера, из-за м-ра Пайка? Но разве, начиная расследование, не полагается допрашивать людей? Разве не так в Англии? Будут ли его уважать, если он станет бродить по городу, словно ему больше нечего делать?

Однако пока что его интересовал весь остров, а не тот или иной человек в частности. То, к примеру, что сейчас сказал мэр, всколыхнуло в нем целый рой пока еще неясных мыслей. Люди плавали здесь на своих лодчонках взад и вперед вдоль берегов, словно гуляли по бульвару! Это было не похоже на обычное представление о море. Мегрэ казалось, что море здесь очень близко людям.

- Вы хотите, чтобы я приводил их по очереди, шеф?

С кого думаете начать?

Комиссару было все равно.

- Вон молодой де Греф переходит площадь со своей девушкой. Сходить за ним?

На него оказывали давление, и он не смел протестовать. Единственное утешение - его коллега был сейчас таким же вялым, как он сам.

- Эти свидетели, которых вы будете допрашивать, - спросил тот, - вызваны по всем правилам?

- Вовсе нет. Они приходят по доброй воле. Имеют право не отвечать, если не хотят. Чаще всего предпочитают отвечать, но могли бы потребовать присутствия адвоката.

Вероятно, на острове стало известно, что комиссар находится в мэрии, потому что, как и утром, на площади стали группами собираться люди. Вдалеке, под эвкалиптами, Леша оживленно разговаривал с парочкой, которая в конце концов последовала за ним. Возле самых дверей росла мимоза, и ее сладкий запах забавно смешивался с запахом плесени, царившим в комнате.

- Я полагаю, у вас это происходит более торжественно?

- Не всегда. Часто в деревнях или маленьких городках коронер ведет допрос в заднем помещении местной гостиницы.

Волосы де Грефа казались почти белыми, потому что он загорел, словно уроженец Таити. На нем были только светлые шорты и веревочные туфли, в то время как его подруга была завернута в парео <кусок материи, которую обертывают вокруг тела и носят вместо пляжного платья>.

- Вы хотите поговорить со мной? - спросил он недоверчиво.

Чтобы успокоить его, Леша ответил:

- Входите. Комиссар Мегрэ должен допросить всех.

Таков порядок.

Голландец говорил по-французски почти без акцента. В руке он держал сетку для провизии. Наверное, оба они шли за покупками в кооператив, когда их остановил инспектор.

- Вы давно живете на своей лодке?

- Три года. А что?

- Ничего. Мне сказали, что вы художник. Вы продаете свои картины?

- Когда представляется случай.

- А он часто представляется?

- Скорее редко. На прошлой неделе продал одну картину миссис Уилкоккс.

- Вы ее хорошо знаете?

- Я познакомился с ней здесь.

Леша что-то тихо сказал Мегрэ. Он хотел узнать, можно ли ему пойти за г-ном Эмилем, и комиссар утвердительно кивнул головой.

- Что это за дама?

- Миссис Уилкоккс? Она очень забавная.

- Что это значит?

- Ничего. Я мог бы встретить ее на бульваре Монпарнас, потому что она каждую зиму бывает в Париже.

У нас с ней оказались общие знакомые.

- Вы бывали на бульваре Монпарнас?

- Я целый год жил в Париже.

- На своей лодке?

- Мы были пришвартованы у моста Мари.

- Вы богаты?

- У меня нет ни гроша.

- Скажите, сколько лет вашей подруге?

- Восемнадцать с половиной.

Формы ее тела обрисовывались под парео, волосы падали ей на глаза; она была похожа на юную дикарку и сердито смотрела на Мегрэ и м-ра Пайка.

- Вы состоите в браке?

- Нет.

- Ее родители против?

- Они знают, что она живет со мной.

- С каких пор?

- Уже два с половиной года.

- Другими словами, с шестнадцати лет. Ее родители не пытались забрать ее от вас?

- Несколько раз пробовали. Она всякий раз возвращалась ко мне.

- Словом, они отчаялись?

- Они предпочитают больше об этом не думать.

- На какие средства вы жили в Париже?

- Время от времени продавали картины. У меня были друзья.

- Которые одалживали вам деньги?

- Случалось. Иногда я грузил овощи на Центральном рынке. Иногда раздавал рекламные проспекты.

- Вам уже тогда хотелось поехать на Поркероль?

- Я еще не знал о существовании этого острова.

- Куда же вы хотели поехать?

- Куда угодно, лишь бы там было солнце.

- Куда вы все-таки рассчитывали поехать?

- Подальше.

- В Италию?

- Или еще куда-нибудь.

- Вы знали Марселена?

- Он помогал мне конопатить лодку: она протекала.
- Вы были в "Ноевом ковчеге" в ту ночь, когда его убили?
- Мы бывали там почти каждый вечер.
- Что вы там делали?
- Мы с Анной играли в шахматы.
- Могу я узнать профессию вашего отца, господин Де Греф?
- Он судья в Гронингене.
- Вы не знаете, почему был убит Марселей?
- Я не любопытен.
- Он говорил с вами обо мне?
- Если и говорил, то я его не слушал.
- У вас есть револьвер?
- Зачем он мне?
- Вам нечего больше сказать?
- Нечего.
- А вам, мадемуазель?
- Тоже нечего.

В тот момент, когда они уходили, Мегрэ окликнул их:

- Еще один вопрос. Сейчас у вас есть деньги?
- Я же сказал, что продал картину миссис Уилкоккс.
- Вы бывали у нее на яхте?
- Несколько раз.
- Что вы там делали?
- А что делают на яхтах?
- Не знаю.

Тут Греф уронил с оттенком презрения:

- Там пьют. Мы пили. Все?

По-видимому, Леша не пришлось далеко искать г-на Эмиля: они уже стояли в тени, в нескольких шагах от мэрии. Г-н Эмиль казался старше своих шестидесяти пяти и производил впечатление крайне хрупкого человека; он двигался осторожно, словно боясь сломаться.

Говорил тихо, экономя даже крохи энергии.

- Входите, господин Эмиль. Мы уже знакомы, не правда ли?

Сын Жюстины поглядывал на стул, и Мегрэ предложил:

- Можете сесть. Вы знали Марселена?

- Очень хорошо.

- С каких пор?

- Сколько лет - точно сказать не могу. Моя мать должна это помнить лучше. С тех пор как Жинетта работает у нас.

Все замолчали. Странно! Мегрэ и м-р Пайк посмотрели друг на друга. Что сказал м-р Пайк, уезжая из Парижа? Он говорил о Жинетте. Он удивился - с обычной своей скромностью, - почему комиссар не осведомился о том, где она теперь.

Оказывается, не было никакой надобности ни в розысках, ни в хитростях. Очень просто, с первых же слов г-н Эмиль заговорил о той, которую Мегрэ когда-то отправил в санаторий.

- Вы сказали, что она работает у вас? Я полагаю, это значит, в одном из ваших заведений?

- В Ницце.

- Минутку, господин Эмиль. Лет пятнадцать назад я встретил ее в пивной на площади Терн, и она уже тогда была не девчонкой. Если я не ошибаюсь, ей было далеко за тридцать, да и чахотка ее не молодила. Значит, теперь ей должно быть...

- Между сорока и сорока пятью. - И г-н Эмиль добавил совершенно естественным тоном:

- Она заведует "Сиренами" в Ницце.

Лучше было не смотреть на м-ра Пайка, физиономия которого выражала столько иронии, сколько позволяло ему воспитание. Не покраснел ли Мегрэ? Во всяком случае, он сознавал, что был в тот момент в высшей степени смешон.

В конце концов, тогда он поступил как Дон-Кихот.

Засадив Марселена в тюрьму, стал заботиться о Жинетте и, совсем как в популярных романах, "подобрал ее с панели", чтобы поместить в санаторий.

Он прекрасно представлял ее себе: худая до того, что просто не верилось, как мужчины могли соблазнить ее; лихорадочные глаза, усталый рот... Он говорил ей: "Надо лечиться, детка". И она послушно отвечала: "Я бы с радостью, господин комиссар. Вы думаете, для меня это удовольствие?"

С чуть заметным нетерпением Мегрэ снова стал задавать вопросы, глядя на г-на Эмиля:

- Вы уверены, что речь идет о той же самой женщине? В то время она была иссушена чахоткой.

- Она несколько лет лечилась.

- Она по-прежнему жила с Марселеном?

- Что вы, она с ним совсем не виделась. Она очень занята. Только время от времени посылала ему деньги.

Небольшие суммы. Ему много и не нужно было.

Г-н Эмиль вынул из коробочки эвкалиптовую лепешку и с серьезным видом принялся сосать ее.

- Он ездил к ней в Ниццу?

- Не думаю. Там ведь шикарный дом. Вы, наверное, знаете.

- Это из-за нее Марселей приехал на Юг?

- Не знаю. Он был странный малый.

- Жинетта сейчас в Ницце?

- Сегодня утром она звонила нам из Йера. Она узнала о случившемся из газет. И поехала в Йер, чтобы заняться похоронами.

- Вы знаете, где она остановилась?

- В отеле "Пальмы".

- Вы были в "Ковчеге" в тот вечер, когда произошло убийство?

- Я заходил туда выпить чаю.

- Вы ушли раньше Марселена?

- Конечно. Я никогда не ложусь позже десяти.

- Вы не слышали, он говорил обо мне?

- Может быть. Не обратил внимания. Я туговат на ухо.

- В каких вы отношениях с Шарло?

- Знаю его, но не общаюсь с ним.

- Почему?

Г-н Эмиль, по-видимому, пытался объяснить нечто щекотливое.

- Он из другого круга, понимаете?

- Он никогда не работал с вашей матерью?

- Может быть, иногда поставлял ей девушек.

- Он надежный человек?

- Кажется, да.

- А Марселей тоже поставлял вам девушек?

- Нет, он этим не занимался.

- Вы ничего больше не знаете?

- Ничего. Я теперь почти не вмешиваюсь в дела.

Здоровье не позволяет.

Что думал обо всем этом м-р Пайк? Есть ли в Англии подобные гг. Эмили?

- Я, может быть, приду немного поболтать с вашей матерью.

- Милости просим, господин комиссар.

Теперь Леша вошел в сопровождении молодого человека в белых шерстяных брюках, синем двубортном пиджаке и фуражке яхтсмена.

- Господин Филипп де Морикур, - объявил Леша. - Он как раз собирался отчалить на своей лодочке.

- Вы хотели поговорить со мной, господин комиссар? Это, я полагаю, простая формальность?

- Садитесь.

- Это обязательно? Терпеть не могу разговаривать сидя.

- Тогда можете стоять. Вы секретарь миссис Уилкоккс?

- На добровольных началах, разумеется. Считайте, что я ее гость, и мне случается из дружеских чувств исполнять обязанности ее секретаря.

- Миссис Уилкоккс пишет мемуары?

- Нет. Почему вы меня об этом спрашиваете?

- Она сама занимается торговлей виски?

- И не думает.

- Вы ведете ее личную корреспонденцию?

- Не понимаю, к чему вы клоните.

- Ни к чему, господин Морикур.

- Де Морикур.

- Если вам так угодно. Я просто хотел узнать, чем вы там занимаетесь.

- Миссис Уилкоккс уже не так молода, - сказал секретарь.

- Вот именно.

- Не понимаю вас.

- Это не важно. Скажите, господин де Морикур, - сейчас я правильно вас назвал? - где вы познакомились с миссис Уилкоккс?

- Это что, допрос?

- Называйте, как вам угодно.
- Я обязан отвечать?
- Можете подождать, пока я вызову вас официально.
- Вы меня подозреваете?
- Я подозреваю всех вообще и никого в частности.

Молодой человек подумал несколько секунд, бросил свою сигарету в открытую дверь.

- Я встретил ее в казино, в Канне.
- Давно?
- Немного больше года назад.
- Вы играете?
- Прежде играл. Тогда и проиграл все свои деньги.
- У вас их было много?
- По-моему, это нескромный вопрос.
- Вам уже приходилось работать?
- Я состоял при кабинете министра.
- Который, наверное, был другом ваших родителей?
- Откуда вы знаете?
- Вы знакомы с молодым де Грефом?
- Он несколько раз приходил на яхту; мы купили у него картину.
- Вы хотите сказать, что миссис Уилкоккс купила у него картину.
- Вот именно. Прошу прощения.
- Марселей тоже приходил на "Северную звезду"?
- Случалось.
- Его приглашали?
- Это трудно объяснить, господин комиссар. Миссис Уилкоккс очень щедрая особа.
- Я так и думал.
- Ее все интересует, особенно на Средиземном море, которое она обожает: здесь столько живописных типов.

Марселей был, несомненно, одним из таких.

- Его угощали вином?
- Там всех угощают.
- Вы были в "Ковчеге" в ту ночь, когда произошло преступление?
- Мы были вместе с майором.
- Это тоже, вероятно, живописный тип?
- Миссис Уилкоккс была когда-то знакома с ним в Англии. Это светское знакомство.
- Вы пили шампанское?
- Майор пьет только шампанское.
- Вы все трое очень веселились?
- Мы вели себя вполне прилично.
- Марселей присоединился к вашей компании?
- Все более или менее участвовали в разговоре. Вы еще не познакомились с майором Беллэмом?

- Я, конечно, не замедлю доставить себе это удовольствие.
- Это сама щедрость. Когда он приходит в "Ковчег"...
- И часто он там бывает?
- Часто. Я хотел сказать, что он редко упускает случай угостить присутствующих. Каждый подходит чокнуться с ним. Он так давно живет на острове, что знает по именам всех ребяташек.
- Значит, Марселей подошел к вашему столу. Он выпил бокал шампанского?
- Нет. Он терпеть не мог шампанского. Говорил, что оно годится только для барышень. Ему заказали бутылку белого вина.
- Он сел?
- Разумеется.
- За вашим столом сидели и другие? Например, Шарло?
- Ну да.
- Вы знаете его, с позволения сказать, профессию?
- Он не скрывает, что принадлежит к определенной среде. Это тоже тип.
- И в качестве такового его иногда приглашали на яхту?
- Я думаю, господин комиссар, что на яхте побывали все жители острова.
- Даже господин Эмиль?
- Нет, он не был.
- Почему?
- Не знаю. Кажется, нам ни разу не приходилось с ним разговаривать. Он, видимо, любит одиночество.
- И не пьет?
- Нет, не пьет.
- А на яхте пьют много, не так ли?
- Бывает. Я полагаю, это разрешается?
- Марселей сидел за вашим столом, когда он заговорил обо мне?
- Вероятно. Точно не помню. Он, по своему обыкновению, рассказывал разные истории; миссис Уилкокс любила его слушать. Он рассказывал о том, как был на каторге.
- Он никогда не был на каторге.
- В таком случае, он выдумывал.
- Чтобы позабавить миссис Уилкокс? Так, значит, он говорил о каторге. И я тоже фигурировал в этой истории? Он был пьян?
- Он никогда не бывал совсем трезв, особенно по вечерам. Подождите-ка... Он сказал, что был осужден из-за женщины.
- Из-за Жинетты?
- Возможно. Я как будто припоминаю это имя. Вот тут-то, кажется, он и сказал, что вы позаботились о ней.
- Кто-то пробормотал: "Мегрэ такой же шпик, как и все".
- Прошу прощения.
- Не за что. Продолжайте.
- Вот и все. Тут он начал расхваливать вас, утверждая, что вы были его другом, а для него друг - это дело святое. Если не ошибаюсь, Шарло стал дразнить его, и он еще больше разгорячился.
- Можете вы сказать точно, чем все это кончилось?

- Это трудно сказать. Было уже поздно.

- Кто ушел первым?

- Не знаю. Поль закрыл ставни. Он сидел за нашим столом. Мы выпили последнюю бутылку. Кажется, мы вышли вместе.

- Кто?

- Майор распрощался с нами на площади и пошел к себе на виллу. Шарло ночует в "Ковчеге", он остался.

Мы с миссис Уилкокс направились к причалу, где оставили лодку.

- С вами был кто-нибудь из матросов?

- Нет. Обычно мы их оставляем на яхте. Дул сильный мистраль, и море было бурное. Марселей предложил проводить нас.

- Так, значит, он был с вами, когда вы сели в лодку?

- Да. Он остался на берегу. Должно быть, пошел в свою лачугу.

- В общем, миссис Уилкокс и вы - последние, кто видел его живым?

- Кроме убийцы.

- Вам трудно было добраться до яхты?

- Откуда вы знаете?

- Вы сказали, что море было бурное.

- Мы промокли до костей, и в шляпке набралось на двадцать сантиметров воды.

- Вы сразу же легли спать?

- Я приготовил грог, чтобы согреться, а потом мы еще сыграли партию в джин-рамми.

- Простите, не понял.

- Это карточная игра.

- Который был час?

- Около двух. Мы никогда не ложимся рано.

- Вы не видели и не слышали ничего особенного?

- Из-за мистраля ничего не было слышно.

- Сегодня вечером вы придете в "Ковчег"?

- Возможно.

- Благодарю вас.

На минуту Мегрэ и м-р Пайк остались одни, и комиссар посмотрел на коллегу своими большими сонными глазами. У него было такое ощущение, что все это несерьезно, что надо было совсем иначе браться за дело.

Например, он охотно потолкался бы на площади, на ярком солнце, покурил бы трубку, глядя на игроков в шары, которые начали долгую партию; он охотно побродил бы по гавани, посмотрел бы, как рыбаки чинят сети, познакомился бы со всеми Галли и Моренами, о которых упоминал Леша.

- Я полагаю, мистер Пайк, что у вас следствие ведется по всем правилам, не так ли?

- Бывает по-разному. Например, из-за преступления, которое было совершено два года назад возле Брайтона, один мой коллега больше двух месяцев жил в деревенской гостинице, проводя целые дни на рыбной ловле, и каждый вечер пил пиво с местными жителями.

Об этом-то как раз и мечтал Мегрэ, и отказался он от этого именно из-за м-ра Пайка!

Когда вошел Леша, видно было, что он не в духе.

- Майор не захотел прийти, - объявил инспектор. - Он бездельничает у себя в саду. Я сказал, что вы просите его зайти сюда. Майор ответил, что если вы хотите его видеть, то можете сами зайти к нему распить бутылку вина.

- Это его право.

- Кого вы теперь думаете допросить?

- Никого. Я хотел бы, чтобы вы позвонили в Йер.

Наверное, в "Ковчеге" есть телефон? Вызовите Жинетту из отеля "Пальмы". Передайте ей от моего имени, что я был бы рад, если бы она приехала поболтать со мной.

- А где я вас найду?

- Не знаю, право. Наверное, в гавани.

Мегрэ с Пайком медленно пересекли площадь; люди провожали их взглядами. Можно было подумать, что они глядят на комиссара с недоверием; на самом же деле они просто не знали, как подойти к знаменитому Мегрэ. А он, со своей стороны, чувствовал себя "чужаком", как здесь принято говорить. Но он понимал, что нужно совсем немного, чтобы у каждого из них развязался язык, может быть, даже слишком развязался.

- У вас не сложилось впечатления, мистер Пайк, что мы находимся где-то очень далеко? Смотрите! Там видна Франция, до нее двадцать минут на лодке, а обстановка здесь для меня такая непривычная, словно я попал в сердце Африки или Южной Америки.

Ребятишки бросали свои игры, чтобы поглазеть на них. Они дошли до "Гранд-отеля", откуда видна была гавань, и Леша уже догонял их.

- Я не смог дозвониться до Жинетты, - доложил инспектор. - Она уехала.

- Вернулась в Ниццу?

- Вероятно, нет, поскольку она сказала хозяину отеля, что придет завтра утром и успеет на похороны.

Мол, шляпки всех цветов, большая яхта "Северная звезда", загромаждавшая гавань у острого выступа скал...

Люди глядели на приближавшийся к берегу катер.

- Это "Баклан", - проговорил Леша. - Значит, скоро пять часов.

Мальчишка, на фуражке которого было написано золотыми буквами "Гранд-отель", ожидал возможных клиентов, стоя возле тачки, предназначенной для багажа. Белое суденышко приближалось, рассекая воду, и Мегрэ скоро различил на носу ее женский силуэт.

- Наверное, Жинетта спешит встретиться с вами, - сказал инспектор. - Все в Йере уже, должно быть, знают, что вы здесь.

Любопытно было смотреть, как люди в лодке постепенно увеличивались, а контуры их прояснялись, словно на фотоплёнке. Особенно странно было узнать Жинетту в этой толстой, исполненной собственного достоинства женщине, одетой в шелка и размалеванной.

Но в конце концов, разве сам Мегрэ не был стройнее, когда познакомился с ней в пивной на площади Терн, и не испытывала ли она сейчас такое же разочарование, глядя на него с палубы "Баклана"?

Ей помогли сойти на берег. Кроме нее и Батиста, капитана, в лодке были только немой матрос и почтальон. Мальчишка в фуражке с галуном хотел взять ее багаж, но она сказала:

- В "Ноев ковчег"!

Жинетта направилась к Мегрэ и вдруг смутилась, возможно, из-за м-ра Пайка, с которым была не знакома.

- Мне сообщили, что вы здесь. Я подумала, может, вы захотите поговорить со мной. Бедный Марсель!..

Она не называла его Марселем, как другие. Не разыгрывала глубокого горя. Это была теперь зрелая женщина, упитанная и спокойная, с чуть заметной, немного разочарованной улыбкой.

- Вы тоже остановились в "Ковчеге"?

Леша взял ее чемодан. Она, по-видимому, знала остров и шла уверенно, неторопливо, как женщина, страдающая одышкой или не привыкшая к свежему воздуху.

- Если верить газетам, он был убит потому, что говорил о вас. Вы этому верите?

Время от времени она с любопытством и тревогой поглядывала на м-ра Пайка.

- Можете говорить при нем. Это мой приятель, коллега из Англии, он приехал провести со мной несколько дней.

Она с очень светским видом слегка поклонилась человеку из Скотленд-Ярда и вздохнула, взглянув на пополневшую талию комиссара:

- А я изменилась, не правда ли?

Глава 4

ПОМОЛВКА ЖИНЕТТЫ

Забавно было видеть, как она вдруг застыдилась и оправала юбку, потому что лестница была крутая, а Мегрэ поднимался вслед за ней.

Она вошла в "Ковчег", как к себе домой, и спросила самым естественным тоном:

- Найдется для меня комната, Поль?

- Придется тебе занять маленькую, возле ванной.

Потом она повернулась к Мегрэ:

- Вы не хотите подняться на минутку, господин комиссар?

Эти слова прозвучали бы двусмысленно в том доме, которым она управляла в Ницце, но здесь в них не было ничего особенного. Однако она не правильно поняла колебания Мегрэ, который из-за какого-то кокетства продолжал вести дознание, ничего не скрывая от м-ра Пайка. На мгновение на губах ее появилась почти профессиональная улыбка.

- Я ведь не опасна, вы знаете.

Странная вещь! Инспектор Скотленд-Ярда заговорил по-английски, может быть, из деликатности. Он сказал французскому коллеге только одно слово:

- Please.

Первой по лестнице поднималась Жожо с чемоданом.

Юбка у нее была коротенькая, и из-под нее выглядывали розовые трусики, обтягивавшие маленький зад. Видимо, это и побудило Жинетту снова оправить платье.

В номере кроме кровати можно было сесть на стул с соломенным сиденьем - комната была маленькая, полутемная, со слуховым окном. Жинетта сняла шляпу, со вздохом облегчения опустила на край кровати и тут же, сбросив туфли на очень высоких каблуках, растерла наболевшие пальцы ног.

- Вам неприятно, что я попросила вас подняться?

Внизу разговаривать невозможно, а идти куда-нибудь У меня не было сил. Посмотрите, как распухли у меня щиколотки. Можете закурить трубку, господин комиссар. - Жинетте было не по

себе. Чувствовалось, что она говорит для того, чтобы выиграть время. - Вы не очень на меня сердитесь?

Хотя Мегрэ и понял, что она имеет в виду, он, тоже желая выиграть время, ответил:

- За что?

- Я прекрасно знаю, что вы были разочарованы.

А все же я не так уж тут виновата. Благодаря вам я провела в санатории самые счастливые годы своей жизни. Мне ни о чем не надо было заботиться. Там был врач, который немного напоминал вас: он очень хорошо ко мне относился. Приносил книги. Я целые дни читала. До того, как я попала туда, я была совсем необразованная. И когда я чего-нибудь не понимала, он объяснял. У вас нет сигареты? Ну, ничего. К тому же мне лучше не курить.

Я пробыла в санатории пять лет, и мне уже стало казаться, что я проведу там всю жизнь. Мне там понравилось. В противоположность другим, мне не хотелось уходить оттуда.

Когда мне объявили, что я выздоровела и могу уехать, клянусь вам, я скорее испугалась, чем обрадовалась. Оттуда, где мы жили, видна была долина, почти всегда скрытая легкой дымкой, а порой густыми облаками, и я боялась спускаться туда. Я хотела бы остаться в качестве сиделки, но у меня не было необходимых для этого знаний, а чтобы мыть полы или помогать на кухне, не хватало сил.

Что бы я стала делать там, внизу? Я привыкла есть три раза в день. И знала, что у Жюстины мне это будет обеспечено.

- Почему вы приехали сегодня? - спросил Мегрэ довольно холодным тоном.

- Разве я вам сейчас не сказала? Сначала я поехала в Йер. Мне не хотелось, чтобы на похоронах бедного Марселя никто не шел за гробом.

- Вы все еще любили его?

Она немного смутилась.

- Мне кажется, я его по-настоящему любила. Я много говорила с вами о нем, когда вы заботились обо мне после его ареста. Знаете, Марсель был неплохой человек. В сущности, даже наивный, я сказала бы, застенчивый. И как раз потому, что был застенчивый, хотел вести себя, как другие. Но только он перехватывал через край. Там, в горах, я все это поняла.

- И вы его разлюбили?

- Мои чувства к нему изменились. Я видела других людей. Могла сравнивать. Доктор помог мне понять.

- Вы были влюблены в этого доктора?

Она несколько нервно засмеялась.

- Я думаю, что в санатории все более или менее влюблены в своих врачей.

- Марселей вам писал?

- Иногда.

- Он надеялся, что вы опять будете жить вместе?

- Первое время, кажется, да. Потом он тоже изменился. Мы оба изменились, но по-разному. Он очень быстро постарел, почти сразу. Не знаю, видели ли вы его с тех пор. Прежде он хорошо одевался, следил за собой. Был гордый. А потом... с тех пор, как он случайно приехал на побережье...

- Это он устроил вас к Жюстине и Эмилию?

- Нет. Я знала Жюстину понаслышке. Я сама явилась к ней. Она взяла меня на испытательный срок как помощницу, потому что для другого я уже не годилась.

Там, в горах, мне сделали четыре операции, у меня все тело в рубцах.

- Я спросил вас, почему вы приехали сегодня.

Мегрэ неустанно возвращался к этому вопросу.

- Когда я узнала, что это дело ведете вы, я, конечно, подумала, что вы вспомните обо мне и велите меня разыскать. Это, разумеется, потребовало бы времени.

- Если я правильно понял, то с тех пор, как вы вышли из санатория, вы больше не общались с Марселем, но посылали ему деньги?

- Случалось. Я хотела, чтобы он мог иногда доставить себе какое-нибудь удовольствие. Он не показывал виду, но у него бывали трудные времена.

- Он вам это говорил?

- Говорил, что он неудачник, что всегда был неудачником, что не способен даже стать настоящим подлецом.

- Он говорил вам это в Ницце?

- Он никогда не приезжал ко мне в "Сирены". Знал, что это запрещено.

- Значит, здесь?

- Да.

- Вы часто бываете на Поркероле?

- Почти каждый месяц. Жюстина теперь слишком стара, чтобы самой проверять свои заведения, а господин Эмиль никогда не любил разъезжать.

- Вы ночуете здесь, в "Ковчеге"?

- Всегда.

- А почему Жюстина не предоставит вам комнату у себя? У нее же довольно большая вилла.

- Она никогда не позволяет женщинам ночевать под своей крышей.

Он понял, что затронул чувствительное место, но Жинетта все еще не поддавалась.

- Боится за сына? - пошутил он, раскуривая трубку.

- Это может показаться смешным, а между тем это правда. Она всегда заставляла его держаться за ее юбку; поэтому по характеру он и стал скорее похож на девушку, чем на мужчину. Она до сих пор обращается с ним, как с ребенком. Он шагу не смеет ступить без ее разрешения.

- А женщин он любит?

- Скорее боится. Я говорю, вообще. Знаете, у него нет к этому склонности. Здоровьем он никогда не отличался. Он все время лечится, принимает лекарства, читает медицинские книги.

- А еще почему, Жинетта?

- Что?

- Почему вы приехали сюда?

- Так я же вам сказала.

- Нет.

- Я подумала, что вы, наверное, заинтересуетесь господином Эмилем и его матерью.

- А точнее?

- Вы не такой, как другие полицейские, и все же...

Когда случается что-нибудь мерзкое, всегда подозревают людей определенной среды.

- И вы считали нужным мне сказать, что господин Эмиль не имеет отношения к смерти Марселя?

- Я хотела объяснить вам...

- Объяснить что?

- Мы с Марселем остались добрыми друзьями, но о том, чтобы жить вместе, не могло быть и речи. Он об этом больше и не помышлял. Думаю, и не хотел этого.

Понимаете? Он больше не имел никакого отношения к нашей среде. Послушайте, я сейчас видела Шарло...

- Вы его знаете?

- Я несколько раз встречала его здесь. Нам случалось есть за одним столом.

- Вы собирались повидать его сегодня на Поркероле?

- Нет. Клянусь, я говорю правду. Только меня стесняет ваша манера задавать вопросы. Прежде вы мне доверяли. Вы немного жалели меня. А теперь меня больше не за что жалеть, правда? Я теперь даже не чахоточная.

- Вы много зарабатываете?

- Меньше, чем можно было бы думать. Жюстина - страшная скряга. И сын ее тоже. Конечно, я ни в чем не нуждаюсь. Даже немного откладываю, но недостаточно, чтобы жить потом на ренту.

- Вы говорили о Марселе.

- Я уже не помню что!.. Ах да. Как вам объяснить?

Когда вы его знавали, он пытался играть роль закоренелого преступника. Посещал в Париже бары, где можно встретить людей вроде Шарло и даже убийц. Делал вид, что принадлежит к их бандам, а они не принимали его всерьез.

- Значит, он был там на вторых ролях?

- Потом и это прекратилось. Он перестал встречаться с этими людьми, жил на своей лодке или в лачуге.

Много пил. Всегда находил способ достать вина. Денежные переводы от меня тоже ему помогали. Но я знаю, что думают, когда человека вроде него находят убитым.

- Что именно?

- Вы тоже это знаете. Воображают, что это связано с определенной средой, что это сведение счетов или месть. А здесь совсем не то.

- Вы хотели сказать мне именно это, не правда ли?

- Я уже забыла, что хотела сказать. Вы так изменились! Простите, я имею в виду не внешность.

Мегрэ невольно улыбнулся ее смущению.

- Прежде даже у себя в кабинете на набережной Орфевр вы были не похожи на полицейского.

- Вы очень боитесь, чтобы я не заподозрил людей из вашей среды? Уж не влюблены ли вы, случайно, в Шарло?

- Конечно нет. Мне было бы очень трудно влюбиться в кого бы то ни было после всех перенесенных операций. И Шарло интересует меня не больше, чем другие.

- Ну а теперь договаривайте.

- Почему вы думаете, что я не все сказала? Даю честное слово, я не знаю, кто убил бедного Марселя.

- Но вы знаете, кто его не убивал.

- Да.

- Вы знаете, кого я мог бы заподозрить?

- В конце концов, вы все равно узнаете это, не сегодня, так завтра, если не знаете уже сейчас. Я сказала бы вам сразу, если бы вы допрашивали меня не так сухо.

Я должна выйти замуж за господина Эмиля, вот что!

- Когда?

- Когда умрет Жюстина.
- А почему нужно ждать ее смерти?
- Я же вам толковала, она ревнует ко всем женщинам. Из-за нее он не женился, из-за нее, насколько мне известно, у него никогда не было любовницы.
- А все-таки он собирается жениться?
- Потому что страшно боится одиночества. Пока жива мать, он спокоен. Она ухаживает за ним, как за грудным младенцем. Но она недолго протянет. Самое большее - год.
- Это сказал врач?
- У нее рак, а для операции она слишком стара. Что до него, то он всегда воображает, что вот-вот умрет. Несколько раз на дню задыхается, боится шевельнуться, как будто малейшее движение может стать для него роковым.
- Потому он и сделал вам предложение?
- Да. Он вбил себе в голову, что у меня хватит здоровья, чтобы ухаживать за ним. Даже потребовал, чтобы меня осмотрело несколько врачей. Нечего и говорить, что Жюстина об этом ничего не знает, а то бы она давно выставила меня за дверь.
- А Марселей?
- Я сказала ему.
- И как он это принял?
- Совершенно спокойно. Он считал, что я правильно делаю, стараясь обеспечить себя под старость. По-моему, ему было приятно, что я буду жить здесь.
- Господин Эмиль не ревновал к Марселену?
- С чего бы? Я же вам сказала, что между нами ничего не было.
- Словом, вы об этом обязательно хотели поговорить со мной?
- Я подумала обо всех предположениях, которые вы могли бы сделать и которые не соответствовали бы действительности.
- Например, что Марселей мог шантажировать господина Эмиля, и тот, чтобы избавиться от него...
- Марсель не занимался шантажом, а господин Эмиль скорее умрет с голоду, чем решится зарезать Цыпленка.
- Это точно, что вы в последние дни не приезжали на остров?
- В этом легко убедиться.
- Потому что вы все время были в своем заведении, в Ницце? Что ж, превосходное алиби.
- А мне оно нужно?
- Вы же сами утверждали, что я сейчас говорю как полицейский. Марселен все-таки мог стеснять вас. В особенности, если принять во внимание, что господин Эмиль - лакомый кусочек, очень лакомый. Если он женится на вас, он оставит вам после смерти приличное состояние.
- Да, довольно приличное. Теперь я сомневаюсь, правильно ли сделала, что приехала. Я не предвидела, что вы будете говорить со мною так. Я вам искренне во всем призналась.
- Глаза у нее блестели, как будто она готова была заплакать, и Мегрэ созерцал теперь старое, плохо раскрашенное лицо, сморщенное в детской гримасе.
- Делайте что хотите. Я не знаю, кто убил Марселя.
- Это катастрофа.
- В особенности для него.
- Да, и для него. Но он-то, по крайней мере, спокоен. Вы меня арестуете?

Жинетта сказала это с чуть заметной улыбкой, хотя было видно, что она боится и говорит более серьезным тоном, чем ей хотелось бы.

- Пока не собираюсь.

- Мне нужно поехать на похороны завтра утром.

Если вы желаете, я сразу же вернусь. Надо будет только послать за мной лодку на мыс Жьен.

- Может быть, пошлю.

- Вы ничего не скажете Жюстине?

- Не скажу, если не будет крайней необходимости.

Но я ее не предвижу.

- Вы на меня сердитесь?

- Да нет.

- Нет, сердитесь. Я это сразу почувствовала, еще прежде чем сошла с "Баклана". Я-то вас тут же узнала. И разволновалась, потому что вспомнила целый кусок своей жизни.

- Период, о котором вы жалеете?

- Может быть. Не знаю. Иногда я спрашиваю себя об этом.

Она встала, вздохнув, не надевая туфель. Ей хотелось расшнуровать корсет, и поэтому она ждала, чтобы комиссар ушел.

- Делайте как знаете, - вздохнула она наконец, когда он взялся за ручку двери.

У него слегка сжалось сердце, когда он оставил ее одну, постаревшую, запуганную, в маленькой комнатке, куда заходящее солнце проникало сквозь слуховое окно, окрашивая все: и обои, и стеганое одеяло - в розовый цвет, похожий на румяна.

***

- Стаканчик белого, господин Мегрэ.

Игроки в шары на площади закончили партию и окружили бар, разговаривая очень громко, с сильным акцентом. В углу ресторана, у окна, м-р Пайк сидел за столиком напротив Жефа де Грефа; оба были поглощены игрой в шахматы.

Возле них на банкетке сидела Анна и курила сигарету, вставленную в длинный мундштук. Она оделась.

На ней было хлопчатобумажное платье, но чувствовалось, что под ним та же нагота, как и под парео.

Тело у нее было мясистое, чрезвычайно женственное, настолько созданное для ласк, что ее невольно хотелось представить себе в постели.

Де Греф облачился в серые шерстяные брюки и морскую тельняшку в синюю и белую полоску. На ногах были туфли на веревочной подошве, как почти у всех на острове, как те, что купил себе безупречный м-р Пайк.

Мегрэ поискал глазами инспектора, но Леша не было видно.

Ему пришлось принять стакан вина, который придвинул Поль, а люди у бара потеснились, чтобы освободить ему место.

- Итак, комиссар?

С ним уже заговаривали, и он знал, что через несколько минут лед будет сломан. Несомненно, обитатели острова с утра только и ждали этого момента, чтобы познакомиться с ним. Их было

довольно много, не меньше десяти, все в одежде рыбаков. Двое-трое выглядели посolidнее; вероятно, это были мелкие рантье.

Что бы там ни подумал м-р Пайк, надо выпить.

- Вам нравится наше местное вино?

- Очень.

- В газетах пишут, что вы пьете только пиво. А Марселен говорил, что это не правда, что вы не отказываетесь и от графинчика кальвадоса. Бедный Марселей! Ваше здоровье, комиссар.

Поль, хозяин, который знал, чего надо ждать в подобных случаях, не ставил бутылку на место и держал ее наготове в руке.

- Это правда, что он был ваш приятель?

- Да, я его знал. Он был неплохой парень.

- Конечно. А правильно написано в газете, что он родом из Гавра?

- Правильно.

- Это с его-то акцентом?

- Когда я был с ним знаком, лет пятнадцать назад, он говорил без акцента.

- Слышишь, Титен? Что я всегда говорил?

Выпили по четыре, по пять стаканов, перебрасываясь словами, просто так, для своего удовольствия.

- Чего вы сегодня хотите поесть, комиссар? Разумеется, у нас есть рыбная похлебка. Но может быть, вы не любите провансальской рыбной похлебки?

Мегрэ поклялся, что любит как раз только это кушанье, и все пришли в восторг. Сейчас не время было по очереди знакомиться с каждым из окружающих: отдельные лица не очень запоминаются в общей массе.

- А вы любите анисовую водку, настоящую, ту, которая запрещена? Налей всем по рюмке пастиса, Поль.

Наливай, наливай! Комиссар ничего не скажет.

Шарло сидел на террасе и читал газету; перед ним стояла рюмка.

- У вас уже есть какие-нибудь предположения?

- О чем?

- Да об убийстве же! Морен Бородач, который родился на острове и не уезжал с него семьдесят лет, никогда не слышал ни о чем подобном. Были случаи, когда люди тонули. Одна женщина с Севера лет пять-шесть назад пыталась покончить с собой, проглотив снотворное. Один итальянский матрос, поссорившись с Батистом, ударил его ножом в руку. Но чтобы настоящее преступление... Никогда, комиссар! Здесь даже самые злые становятся кроткими, как ягнята.

Все смеялись, пытались что-то сказать, потому что главное для них - говорить, сказать все равно что, чокнуться со знаменитым комиссаром.

- Вы лучше поймете это, когда пробудете здесь несколько дней. Вам следовало бы приехать сюда в отпуск, вместе с женой. Вас научили бы играть в шары.

Правда, Казимир? Казимир в прошлом году выиграл приз на конкурсе газеты "Пти-Провансаль", а вы, наверное, понимаете, что это значит.

Церковь в конце площади из розовой превратилась в лиловую, небо понемногу окрашивалось в бледно-зеленый цвет, и люди один за другим выходили из бара.

Порой вдали раздавался резкий голос женщины, кричавшей:

- Эй, Жюль, суп подан!

А не то какой-нибудь мальчишка храбро являлся за отцом и тянул его за руку.

- Значит, не сыграем партию?

- Уже поздно.

Мегрэ объяснили, что после партии в шары обычно играют в карты, но сегодня не успели из-за него. Матрос с "Баклана", немой великан с огромными босыми ногами, улыбался комиссару, показывая ослепительные зубы, и время от времени протягивал свой стакан, издавая странное кудахтанье, заменявшее слова "за ваше здоровье".

Посмотрев вниз, Мегрэ увидел, что де Греф со своей девушкой ушли и англичанин остался один перед шахматной доской.

Мы будем обедать через полчаса, - объявил Мегрэ.

Поль тихо спросил его, указывая на инспектора Скотленд-Ярда:

- Вы думаете, ему нравится наша кухня?

Несколько минут спустя Мегрэ и его коллега шагали по острову, направляясь к гавани. Они уже усвоили местные привычки. Солнце зашло, и в воздухе чувствовалось некое бесконечное успокоение. Звуки были уже не те, что днем. Теперь слышался легкий плеск воды о камни мола; серый цвет этих камней сделался резче и стал черным, таинственным; миноносец с белым номером на корпусе, выписанным крупными цифрами, бесшумно скользил к открытому морю со скоростью, казавшейся головокружительной.

- Я едва не проиграл ему, - начал м-р Пайк. - Он очень силен, очень уверен в себе.

- Это он предложил вам сыграть?

- Я взял шахматы, чтобы поупражняться. Он сел за соседний стол со своей подругой, и по тому, как он смотрел на фигуры, я сразу понял, что ему хочется сразиться со мной.

Наступило долгое молчание. Они шли по молу. Около белой яхты качалась маленькая лодка с надписью на корме: "Цветок любви". Это была лодка де Грефа; парочка находилась на борту. Под тентом, в кабине, где едва хватало места для двоих и нельзя было даже выпрямиться во весь рост, горел свет. Оттуда доносились звон ложек и стук посуды. Там ужинали.

Когда полицейские миновали яхту, м-р Пайк медленно, с обычной точностью продолжал:

- Он как раз тот тип молодого человека, которого терпеть не могут в хороших семьях. Правда, во Франции вряд ли можно часто встретить такой тип.

Мегрэ очень удивился: впервые с тех пор, как он познакомился с англичанином, его коллега высказывал общие идеи. М-р Пайк сам казался немного смущенным, словно вдруг застеснялся.

- Почему вы думаете, что во Франции таких нет?

- Я хочу сказать, нет молодых людей именно такого типа.

Он тщательно подыскивал слова. Они остановились на конце мола, напротив гор, видневшихся на континенте.

- Мне кажется, что здесь молодой человек из хорошей семьи может делать глупости, как у вас говорится, покупать себе женщин, автомобили или играть в казино. Но разве ваши шалопаи играют в шахматы? Сомневаюсь. Разве они читают Канта, Шопенгауэра, Ницше и Кьеркегора? Это маловероятно, не так ли? Они хотят только жить в свое удовольствие, не дожидаясь наследства родителей.

Они прислонились к стене, окаймлявшей мол с одной стороны.

- Де Греф не принадлежит к этой породе шалопаев. Я даже не думаю, что ему хочется иметь много денег. Это анархист почти чистой воды. Он бунтует против всего, что знал в жизни, против всего, чему его учили, против своего отца, судейского чиновника, против своей буржуазной

матери, против родного города, против нравов своей страны. - М-р Пайк запнулся и чуть покраснел:

- Простите меня.

- Продолжайте, прошу вас.

- Мы обменялись только несколькими фразами, но, по-моему, я его понял, потому что в моей стране немало таких людей, да, наверное, и в других странах, где царят строгие моральные принципы. Вот почему я сказал, что во Франции вряд ли можно встретить очень много таких мальчишек. У вас нет ханжества. Может быть, и есть, но не столько.

Намекал ли он на среду, в которую им обоим пришлось окунуться со времени их приезда сюда, на г-на Эмиля, Шарло, Жинетту: ведь все эти люди жили среди других, и позор не оставлял на них заметного следа?

Мегрэ был слегка насторожен, чувствовал себя немного напряженно. М-р Пайк не нападал на него прямо, однако его подмывало защищаться.

- Из чувства протеста, - продолжал м-р Пайк, - эти молодые люди отрицают все скопом - и хорошее, и плохое. Вот пример. Де Греф похитил девочку у ее семьи. Она мила, очень соблазнительна. Однако я думаю, что он сделал это не потому, что соблазнился ею, а потому, что она была из хорошей семьи и по воскресеньям ходила с мамашей в церковь. Потому что ее отец, вероятно, строгий и благомыслящий господин.

Потому также, что, похищая ее, он многим рисковал.

Я, наверное, ошибаюсь, правда?

- Не думаю.

- Есть люди, которые, попав в чистое помещение с изящной обстановкой, испытывают потребность ее осквернить. У де Грефа потребность осквернять жизнь, осквернять все, что угодно.

На этот раз Мегрэ был поражен. Его, как говорят, "посадили в калошу": он понимал, что у м-ра Пайка возникла та же мысль, что у него. Когда де Греф признался, что несколько раз бывал на борту "Северной звезды", Мегрэ мгновенно сообразил, что он ходил туда не только ради выпивки и что между обеими парами существовали какие-то более тесные и неблагоприятные отношения.

- Это очень опасные молодые люди, - заключил м-р Пайк. И добавил:

- Возможно, они к тому же очень несчастливы.

Потом, по-видимому найдя воцарившееся молчание слишком торжественным, англичанин заметил уже не таким серьезным тоном:

- Знаете, он прекрасно говорит по-английски. У него даже нет никакого акцента. Я не удивился бы, если бы мне сказали, что он окончил один из наших первоклассных колледжей.

Пора было идти ужинать. Полчаса прошли уже давно. Почти совсем стемнело, и лодки в гавани покачивались в ритме дыхания моря. Мегрэ выколотил трубку, постучав ею о каблук, поколебался, не набить ли другую. Проходя мимо лодочки голландца, он внимательно посмотрел на нее.

Говорил ли м-р Пайк только для того, чтобы говорить? Или хотел по-своему дать ему какой-то совет?

Разгадать это было трудно, пожалуй, даже невозможно. Французский язык инспектора был превосходен, даже слишком превосходен, и все-таки оба они говорили на разных языках, мысли их текли по разным извилинам мозга.

- Это очень опасные молодые люди, - подчеркнул инспектор Скотленд-Ярда.

Разумеется, ни за что на свете он не хотел бы дать повод подумать, что вмешивается в дознание, которое ведет Мегрэ. Он не стал расспрашивать о том, что произошло в комнате Жинетты. Не вообразил ли он, что его коллега не до конца с ним откровенен? Или еще хуже, судя

по тому, что он только что сказал о французских нравах, - не подумал ли он, что Мегрэ и Жинетта...

Комиссар проворчал:

- Она объявила мне о своей помолвке с господином Эмилем. Это должно остаться в тайне из-за старухи Жюстины, которая постаралась бы расстроить этот брак даже после своей смерти.

Мегрэ отдавал себе отчет, что по сравнению с режущими фразами м-ра Пайка речь его была неопределенна, а мысли еще более расплывчаты.

Англичанин в нескольких словах сказал то, что ему нужно было сказать. Проведя полчаса с де Грефом, он пришел к совершенно точным соображениям не только по поводу этого молодого человека, но и по поводу мира вообще.

Что же касается Мегрэ, то ему трудно было выразить какую-либо мысль. У него это получалось совсем иначе. Как всегда в начале расследования, он чувствовал многое, но не мог бы сказать, как этот мысленный туман в конце концов рано или поздно прояснится.

Это было немного унижительно. Он словно ронял свой престиж.

- Странная женщина! - все же пробурчал он.

Вот и все, что комиссар нашелся сказать о ней, а ведь он знал ее уже давно, почти вся жизнь ее была ему известна, и говорила она с ним совершенно искренне.

Странная женщина! В некотором отношении она привлекала его, а с другой стороны, он в ней разочаровался, и сама она это прекрасно чувствовала. Быть может, в дальнейшем у него и составитя о ней определенное мнение.

После одной только партии в шахматы, после нескольких слов, которыми партнеры обменялись во время игры, м-р Пайк точно проанализировал характер своего партнера.

Уж не следовало ли заключить из этого, что англичанин выиграл первый раунд?

Глава 5

НОЧЬ В "КОВЧЕГЕ"

Запах. Он привлек внимание Мегрэ, еще когда тот надеялся, что сейчас уснет. В сущности, здесь было несколько запахов. Основной - запах дома, который нельзя было не почувствовать сразу же, с порога кафе.

В нем Мегрэ пытался разобраться еще утром. Этот запах был для него непривычен: он поражал комиссара всякий раз при входе, и всякий раз ноздри комиссара сжимались. Это, конечно, запах вина с примесью аниса, а потом кухонные ароматы. И так как кухня была южная, с обилием чеснока, красного перца, оливкового масла и шафрана, все это создавало непривычный букет.

Но зачем думать об этом? Мегрэ закрыл глаза. Ему хотелось спать. Бесплезно было припоминать все марсельские и провансальские рестораны, где ему приходилось бывать и в Париже, и в других городах. Запах там был другой, ну и ладно! А теперь нужно спать, спать. Ведь он достаточно выпил, чтобы заснуть мертвым сном.

Разве он не уснул, как только улегся? Окно было открыто, и внимание комиссара привлек какой-то шум.

Наконец он понял: это шелестят деревья на площади.

Запахи, доносившиеся снизу, пожалуй, могли вызвать в его памяти небольшой бар в Канне, который содержала толстая женщина. Когда-то Мегрэ вел там расследование и часами лениво просиживал в этом баре.

Но сейчас в его комнате запах был какой-то совсем непонятный. Интересно, чем тут набивают матрасы?

Может быть, как в Бретани, морскими водорослями, которые пахнут йодом? Впрочем, в этой кровати лежало до него немало людей. Ему даже почудилось, что в комнате пахнет кремом, которым женщины натираются для загара.

Он тяжело перевернулся на другой бок. Кажется, в десятый раз. Кто-то опять открыл дверь, вышел в коридор и направился к уборной. В этом не было ничего особенного, но Мегрэ невольно подумал, что туда ходит гораздо больше людей, чем проживает в гостинице. И он принялся перебирать в памяти обитателей "Ковчега". Поль с женой спали над его комнатой, в мансарде, куда вела особая лестница. Интересно, где спит Жожо? Во всяком случае, не на втором этаже.

У нее тоже был свой, особенный запах, то ли от напмаженных волос, то ли от тела и одежды. Запах неясный и пряный. Он отвлекал Мегрэ, когда он слушал, что говорит ему девушка.

Еще один повод для м-ра Пайка подумать, что он с ним недостаточно откровенен. После обеда комиссар поднялся на минутку к себе в номер - вымыть руки и почистить зубы. Дверь оставалась открытой, и он даже не услышал, как на пороге бесшумно появилась Жожо. Сколько ей могло быть лет? Шестнадцать? Двадцать? Во взгляде ее читались одновременно и восхищение, и страх, как у девчонок, которые обивают пороги театров, выклянчивая у актеров автографы. Мегрэ произвел на нее впечатление. Как же! Ведь он тоже был знаменитостью.

- Ну что, малышка, хотите мне что-нибудь сказать?

Она закрыла за собой дверь, и это ему не понравилось.

Никогда не знаешь, что могут подумать люди. К тому же Мегрэ не забывал, что в доме находится англичанин.

- Я насчет Марселена, - сказала она, краснея. - Однажды он говорил со мной. Это было днем. Марселей тогда так много выпил, что остался отдыхать после обеда тут же на скамейке в кафе.

Вот оно что! Войдя днем в кафе, когда там было пусто, Мегрэ обратил внимание на человека, который дремал на скамейке, прикрыв голову газетой. Должно быть, прохладный уголок. И все-таки странный дом! Что касается запаха...

- Я подумала, что это может вам пригодиться. Марселен мне сказал, что, если бы захотел, мог бы иметь вот такую кучу.

- Кучу чего?

- Ну, ясное дело, банковских билетов.

- Давно это было?

- Кажется, дня за два до того, как это случилось.

- Был тогда кто-нибудь в кафе?

- Нет, никого. Я как раз мыла прилавок.

- Вы об этом кому-нибудь говорили?

- Кажется, нет.

- Больше он ничего не сказал?

- Нет. Только добавил: "Что бы я с ними делал, крошка Жожо? Ведь здесь и так хорошо".

- Он никогда за вами не ухаживал, не делал никаких предложений?

- Нет.

- А другие?

- Почти все.

- А когда здесь бывала Жинетта, - она ведь приезжает почти каждый месяц, - Марселей когда-нибудь поднимался к ней в комнату?

- Что вы! Конечно нет. Он обходился с ней очень почтительно.

- Можно с вами, Жожо, говорить, как со взрослой?

- Конечно, мне уже девятнадцать.

- Ладно. Так вот: были у Марселена какие-нибудь связи с женщинами?

- Конечно.

- На острове?

- Во-первых, с Ниной. Это моя двоюродная сестра.

Она занимается любовью с кем попало. Видно, ничего с собой поделать не может.

- У него в лодке?

- Где придется. Потом со вдовой Ламбер, которая содержит кафе по ту сторону площади. Ему случалось проводить у нее ночь. Бывало, наловит морских окуней и тащит к ней. Думаю, что раз Марселей мертв, я могу сказать: он глушил рыбу динамитом.

- Вопрос о его женитьбе на вдове Ламбер не вставал?

- Сдается мне, ей не больно-то хотелось второй раз замуж.

И Жожо улыбкой дала понять, что вдова Ламбер особа не из заурядных.

- Это все, Жожо?

- Да. А теперь мне лучше уйти.

Жинетта тоже не спала. Она лежала в соседней комнате, по другую сторону перегородки, и Мегрэ казалось, что он слышит ее дыхание. Ворочаясь, он постоянно задевал локтем стенку, а Жинетта, должно быть, всякий раз вздрагивала от этого.

Она долго не ложилась. Что она могла делать? Занималась косметикой, умывалась? Временами в комнате у нее была такая тишина, что Мегрэ начинал думать, не пишет ли она что-нибудь. Облокотиться на подоконник, подышать свежим воздухом она тоже не может - окошко в ее комнате слишком высоко.

А этот пресловутый запах... Да это просто запах Поркероля. Когда они вечером гуляли по молу с м-ром Пайком, они и там чувствовали его. Вода, перегретая за день солнцем, источала свой аромат, а легкий ветерок приносил с суши другие. Что это за деревья на площади? Не эвкалипты ли? А может быть, на острове есть и другие пахучие растения?

Кто-то снова вышел в коридор. Неужели м-р Пайк?

Это уже в третий раз. Должно быть, испортил себе желудок непривычной для него кухней Поля.

М-р Пайк много пил. Интересно, любит ли он выпить вообще? Шампанское, во всяком случае, любит, а Мегрэ и не подумал им его угостить. Англичанин весь вечер пил с майором, и они так быстро нашли общий язык, что их смело можно было принять за старых знакомых. Они уселись в уголке, а Жожо по собственному почину приносила им шампанское.

Беллэм пил его не из фужера, а из большого стакана, как пиво. Он словно сошел со страниц "Панча" <Английский сатирический журнал> со своими серебристыми волосами, румяными щеками, большими светлыми глазами, подернутыми влагой, и огромной сигарой, которую он не вынимал изо рта.

Это был ребенок лет семидесяти - семидесяти двух с лукавыми искорками в глазах. Голос у него, наверное от сигар и шампанского, стал хриплым. Даже после нескольких бутылок он трогательно сохранял чувство собственного достоинства.

- Я хочу представить вам майора Беллэма, - вдруг сказал среди вечера м-р Пайк. - Оказывается, мы с ним учились в одном колледже. Конечно, не в один и тот же год и даже не в одно десятилетие.

Чувствовалось, что это было приятно им обоим. Майор называл комиссара "г-н Мегрэтт".

Время от времени он бросал на Жожо или на Поля едва уловимый взгляд, означавший, что нужно подать на стол еще одну бутылку шампанского. Другим знаком он подзывал Жожо, которая подходила к их столику, наполняла стакан и относила кому-нибудь в зале.

С первого взгляда могло показаться, что в этом было какое-то высокомерие или снисходительность. Но у майора все получалось так мило, так просто, что те, кого он угощал, нимало не смущались. Он делал это так, словно ставил хорошие отметки. Когда стакан доходил по назначению, майор поднимал свой и издали, молча, выпивал за здоровье этого человека.

Так он угощал всех или почти всех. Шарло весь вечер не отходил от "журавля". Сначала он опускал монетки в автомат: он мог позволить себе тратить сколько хотел. Выручка все равно доставалась ему. По-видимому, ему принадлежал и "журавль". Он опускал в щель монету и с неослабным вниманием поворачивал ручку, направлявшую маленький хромированный рычажок со щипчиками, рычажок захватывал то копеечный портсигар, то трубку, то дешевенький бумажник.

Быть может, Жинетта не могла уснуть от волнения?

Не был ли Мегрэ с нею слишком суров? Да, он действительно суров, но вовсе не от досады, как могло ей показаться. Неужели она подумала, что это с досады?

Роль самаритянина всегда выглядит нелепо. Комиссар нашел девушку в пивной на площади Терн и отправил в санаторий, но ему никогда в голову не приходило, что он спас ее душу, "подобрал потаскушку с панели".

Другой, который, как она сказала, "походил на Мегрэ", в свою очередь, проявил к ней участие. Это был врач из санатория. Может быть, он на что-то надеялся?

Она стала тем, чем хотела стать. Нелепо огорчаться из-за этого.

Он держался с ней сурово, потому что иначе было нельзя. Для подобных женщин, даже менее порочных, соврать - все равно что чихнуть, а порой они лгут даже без надобности, просто так, беспричинно. Она ему сказала не все. Он был в этом уверен. Может быть, потому она и не может заснуть? Несомненно, ее что-то тревожит.

Один раз она даже встала. Мегрэ слышал шаги босых ног в ее комнате. Уж не собирается ли она сейчас к нему зайти? В этом не было ничего невозможного, и Мефэ уже приготовился к мысли, что придется наспех натянуть брюки, которые он бросил на коврик.

Но Жинетта не пришла. Послышалось звяканье стакана. Видно, ее мучила жажда. А может быть, ей нужно было запить снотворное?

За весь вечер он выпил один бокал шампанского.

Потом пил только вино, а под конец, Бог знает зачем, проглотил рюмку анисовой.

А кто заказал анисовку? Да, вспомнил, это был зубной врач. Вернее, бывший зубной врач. Имя его он забыл.

Еще одно чудо природы. На Поркероле встречались одни феномены, по крайней мере в "Ковчеге". А может быть, так и следовало себя вести? Может быть, они правы, а люди по другую сторону моря, там, на континенте, ошибаются, ведя себя иначе?

Прежде этот дантист, вероятно, был человеком вполне приличным, даже холемым. Он держал зубоврачебный кабинет в одном из самых шикарных кварталов Бордо, а ведь бордосцы очень требовательны. Попал он на Поркероль случайно, во время отпуска, и остался там навсегда, только съездил на неделю домой, чтобы ликвидировать свои дела.

Он не носил воротничка. Один из Моренов, рыбак, раз в месяц стриг ему волосы. Тот самый, кого называли Морен-парикмахер. Дантист оброс щетиной, видно, дня три уже не брился, даже не

следил за руками и вообще ни за чем уже больше не следил. Он ничего не делал, только читал, сидя в тени в кресле-качалке у себя на веранде.

Женился он на местной девушке, которая, вероятно, была красива, но очень быстро стала толстухой. У нее был крикливый голос и усики на верхней губе.

Зубной врач был счастлив. По крайней мере, уверял, что счастлив. Он говорил убежденно:

- Вот увидите! Стоит вам здесь немного пожить, вас заберет, как других, и вы отсюда никуда уже не уедете.

Мегрэ знал, что такое случалось с белыми на некоторых островах Тихого океана. Попадая туда, они теряли интерес ко всему и уподоблялись туземцам. Однако он не мог подумать, что подобные вещи возможны в трех милях от французского берега.

Когда дантиста о ком-нибудь спрашивали, он всегда давал оценку человеку сообразно степени его ассимиляции на острове. Он называл это иначе. Придумал новую болезнь - поркеролит.

А доктор? Ведь там был доктор. Мегрэ его еще не видел, но слышал о нем от Леша. По мнению дантиста, доктор был поркерольцем до мозга костей.

- Полагаю, что вы с доктором друзья?

- Что вы! Да мы никогда и не видимся. Только издали раскланиваемся.

Доктор приехал на Поркероль с определенными намерениями. Он был болен и собирался здесь полечиться. Это был старый холостяк. Жил он очень уединенно в маленьком домике с окнами в сад. Сад утопал в цветах. Хозяйством он занимался сам, и дома у него была страшная грязь. Из-за своей болезни доктор даже в случае необходимости не выходил по вечерам из дома, а зимой, когда наступали морозы, что в этих местах бывает крайне редко, не показывался иногда целыми неделями.

- Вот увидите! Увидите! - настаивал зубной врач с саркастической улыбкой. - Впрочем, у вас, вероятно, уже сложилось впечатление о нашем образе жизни. Подумайте только, ведь так каждый вечер!

В самом деле обстановка была совсем не такая, какая бывает в кафе, не походила она и на атмосферу салона. Безалаберность, царившая здесь, напоминала скорее вечеринку в ателье художника.

Все хорошо знали друг друга, и никто ни перед кем не выкаблучивался. Майор, воспитанник привилегированного английского колледжа, котирировался здесь не выше, чем бродяга Марселей или какой-нибудь Шарло.

Время от времени кто-нибудь пересаживался за другой столик, менял партнера.

Сначала г-н Эмиль и Жинетта молча сидели за столиком у стойки, как давно женатые люди. Эмиль, как обычно, заказал чай, Жинетта - крюшонную рюмочку зеленоватого ликера.

Иногда они вполголоса перебрасывались несколькими словами. Ничего не было слышно, только видно, как шевелились губы. Потом Жинетта со вздохом поднялась и пошла за шашками. Они лежали в шкафчике, на котором стоял проигрыватель.

Начали играть. Можно было подумать, что так продолжалось изо дня в день, из года в год, что люди могли так и состариться, сидя все на том же месте, и даже движения их рук никогда не менялись.

Нет сомнения, приди сюда Мегрэ через пять лет, он застал бы дантиста за той же рюмкой анисовки, с той же свирепой и самодовольной улыбкой, а Шарло так же автоматически управлял бы своим "журавлем". И не было никаких оснований предполагать, что это может когда-нибудь измениться.

Жених с невестой передвигали шашки по доске, с удивительной серьезностью всматриваясь в них перед каждым ходом. А майор между тем пил шампанское стакан за стаканом и рассказывал анекдоты м-ру Пайку.

Никто никуда не спешил. Никто, казалось, не думал о завтрашнем дне. Когда не нужно было обслуживать клиентов, Жожо, облокотившись о стойку и подперев ладонью подбородок, задумчиво глядела на посетителей.

Мегрэ много раз ловил на себе ее взгляд, но как только он оборачивался, она начинала смотреть в другую сторону.

Поль, хозяин, как всегда в одежде повара, ходил от столика к столику и угощал каждого по очереди. Должно быть, это ему влетало в кругленькую сумму, но в конечном счете, видимо, оправдывалось.

Что касается его жены, маленькой бесцветной блондинки с жесткими чертами лица, которую почти никто не замечал, она устраивалась в одиночестве за столиком и подсчитывала дневную выручку.

- И вот так каждый вечер, - сказал Леша.

- А где ж жители острова? - спросил Мегрэ. - Я имею в виду рыбаков.

- После ужина их здесь никогда не увидишь. Они выходят в море до света и рано ложатся спать. В любом случае они бы вечером в "Ковчег" не явились. Это своего рода негласное соглашение. Днем и по утрам здесь бывает разный народ, но по вечерам жители острова, настоящие аборигены, ходят в другие кафе.

- Что они там делают?

- Ничего. Однажды я нарочно зашел посмотреть.

Иногда слушают радио. Молча, ни на кого не глядя, выпивают рюмочку.

- А здесь всегда так тихо?

- Как когда. Подождите. Шум может возникнуть внезапно, с минуты на минуту. Достаточно пустяка, случайно брошенной фразы, угощения, поставленного одним или другим, чтобы все собрались вместе и начался галдеж.

Но этого не произошло. Вероятно, из-за присутствия Мегрэ.

Окно было открыто, но ему все равно было жарко.

Он, как маньяк, продолжал прислушиваться к малейшему шуму в доме. Жинетте по-прежнему не спалось.

Иногда в комнате над ним слышались шаги. Что касается м-ра Пайка, то он уже, должно быть, в четвертый раз выходил в коридор. Видно, Мегрэ спал урывками и не очень крепко, так что мысли его не исчезали, а только расплывались и путались.

М-р Пайк сыграл с ним дурную шутку, когда во время прогулки по молу говорил о голландце. Теперь комиссар мог думать о де Грефе, только находясь под впечатлением сказанного о нем Пайком.

Однако портрет молодого человека, нарисованный Пайком, его не удовлетворял. Де Греф тоже был здесь, в "Ковчеге", вместе с Анной. Девушке, вероятно, очень хотелось спать, голова ее все сильнее склонялась на плечо спутника.

Де Греф с ней почти не разговаривал. Он, должно быть, редко это делал. Он был хозяин, и ей надлежало только следовать за ним, ожидая его приказаний.

Де Греф смотрел по сторонам. Очень худым лицом он напоминал дикого зверя.

Другие здесь тоже, конечно, были не ягнята, но де Греф бесспорно был хищником. Он втягивал носом воздух, как хищник (это было похоже на тик), слушая все, что говорилось, и дергал носом. Такова была его единственная заметная реакция.

Майор мог бы сойти в джунглях за толстокожее животное - слона или скорее бегемота. А г-н Эмиль?

Пожалуй, за проворного зверька с острыми зубками.

Смешно! Что подумал бы м-р Пайк, если бы прочел мысли Мегрэ? Правда, у комиссара было смягчающее обстоятельство. Он много выпил и пришел в дремотное состояние. Знай он, что не сможет по-настоящему уснуть, он выпил бы еще несколько стаканов, чтобы погрузиться в глубокий сон без сновидений.

В общем, Леша славный малый. Такой славный, что Мегрэ не прочь взять его в свой отдел. Только еще немного молод, слишком горяч. Легко возбуждается, как гончий пес, который готов бежать в любую сторону.

Леша уже бывал на юге Франции, так как состоял в опербригаде Драгиньяна, но на Поркероле ему приходилось бывать только раз или два. Теперь он прожил здесь всего три дня и уже успел хорошо изучить остров.

- Люди с "Северной звезды" приходят сюда не каждый вечер? - поинтересовался у него Мегрэ.

- Почти каждый. Иногда попозднее. Они имеют привычку, когда море спокойно, совершать прогулки на шлюпке при лунном свете.

- Отношения между миссис Уилкоккс и майором дружеские?

- Напротив. Они старательно избегают разговаривать друг с другом, и каждый из них смотрит на другого так, словно тот прозрачный.

В конечном счете, это было понятно. Они принадлежали к одной и той же среде, а теперь оба являлись Бог знает с кем.

Майор, должно быть, испытывал смущение, когда напивался на глазах у м-с Уилкоккс, потому что на их родине джентльмены имеют обыкновение делать это у себя дома, вдали от любопытных глаз.

Что касается англичанки, то в глазах бывшего офицера индийской армии Морикур был птицей не высокого полета.

Они приехали к одиннадцати часам. Как почти всегда бывает, м-с Уилкоккс оказалась совсем не такой, какой ее представлял себе комиссар.

Он ожидал увидеть настоящую леди, а она была расплывшейся, увядающей женщиной, с рыжими крашеными волосами и надтреснутым голосом, похожим на голос майора Беллэма, только более звонким. Наряд ее составляло полотняное платье, зато на шее - колье из трех ниток, должно быть, настоящего жемчуга, а на пальце - кольцо с большим бриллиантом.

Войдя в "Ковчег", м-с Уилкоккс сразу же стала искать глазами Мегрэ. Должно быть, Филипп рассказывал ей о комиссаре. Усевшись, она не переставала его разглядывать и перешептываться на его счет со спутником.

Что она могла о нем говорить? Может быть, со своей стороны, она представляла себе его таким молодым первым любовником? Или решила, что он выглядит не слишком умным?

Эта пара пила виски, добавляя совсем немного содовой. Филиппу приходилось все время ублажать свою хозяйку, поэтому внимательный взгляд Мегрэ приводил его в бешенство. Видимо, молодой человек не любил, когда на него смотрят во время исполнения им служебных обязанностей. Но английская дама, казалось, делала это нарочно. Вместо того чтобы позвать Жожо или Поля, она послала своего чичисбея сменить стакан, который показался ей не совсем

чистым, затем отправила к стойке взять сигарет. А потом, в третий раз, еще Бог знает зачем, отослала на улицу.

Она старалась утвердить свою власть над наследником Морикуров и, может быть, заодно показать, что не стыдится своей роли.

Проходя, они кивнули молодому де Грефу и его подруге. Совсем незаметно. Словно обменялись какими-то масонскими знаками.

Майор, сверх ожидания, удалился первым - нетвердой походкой, но сохраняя чувство собственного достоинства, а м-р Пайк немного проводил его.

Затем ушел дантист.

- Вот увидите! Вот увидите! - повторял он на прощанье, предсказывая, что Мегрэ тоже в скором времени "опоркеролится".

Шарло, которому надоело возиться с "журавлем", сел верхом на стул и стал наблюдать за игрой в шашки. Раз-другой молча указал ход Жинетте.

Как только г-н Эмиль ушел, Шарло тоже отправился спать. Жинетта не уходила. Казалось, она ждала приказаний Мегрэ. Наконец подошла к его столу и прошептала с едва заметной улыбкой:

- Вы на меня все еще сердитесь?

Видно было, что она очень устала, и комиссар посоветовал ей пойти спать. Он поднялся сразу вслед за ней: ему пришло в голову, что он, может быть, встретится сейчас с Шарло.

В какую-то минуту, когда комиссар пытался уснуть, - может быть, он уже спал и это был сон? - ему показалось, что он вдруг вспомнил что-то важное.

- Только бы не забыть. Необходимо завтра утром это вспомнить.

Он чуть было не поднялся, чтобы записать на клочке бумаги мелькнувшую мысль. Это было очень любопытно. Мегрэ был доволен. Он несколько раз повторил:

- Только бы не забыть завтра утром!

В туалете кто-то снова спустил воду. Она стекала медленно, не меньше десяти минут. Это раздражало. Шум все усиливался. Раздались какие-то взрывы. Мегрэ вскочил, открыл глаза и сел в постели. Комната была залита солнцем; напротив, в проеме открытого окна, виднелась колокольня маленькой церкви.

Взрывы доносились со стороны гавани. Это чихали моторы рыбацких лодок - их заводили. Все рыбаки одновременно выходили в море. Один из моторов, после нескольких выхлопов, упрямо останавливался, наступала тишина, потом снова слышалось чиханье: мотор никак не заводился.

Мегрэ решил одеться и выйти на улицу, но, взяв часы, лежавшие на ночном столике, увидел, что еще только половина пятого. Запах был резче, чем накануне. Видимо, из-за утренней сырости. В доме стояла тишина. Тишина стояла на площади. Казалось, листва эвкалиптов застыла в предрассветной прохладе. Слышны были только моторы в порту, иногда доносился чей-то голос. Потом и ворчание моторов затихло.

Снова открыв глаза, Мегрэ почувствовал другой запах, который он вдыхал по утрам с раннего детства - запах свежего кофе. В доме жизнь была ключом, на площади слышались шаги, по булыжникам мостовой скрипели тачки.

Комиссар сразу подумал, что должен вспомнить что-то важное, но в голове не возникло ничего определенного. От анисовой водки вязало рот. Он поискал кнопку звонка в надежде, что сможет попросить кофе, но звонка в комнате не оказалось. Тогда он надел брюки, рубашку, сунул ноги в домашние туфли, причесался и открыл дверь в коридор. Из комнаты Жинетты доносился резкий запах мыла и духов. Как видно, она занималась утренним туалетом.

Не с ней ли связана догадка, которая его осенила ночью? Мегрэ спустился в зал. На столах высились пирамиды из стульев. Дверь на террасу была открыта, там тоже громоздились стулья. Кафе пустовало.

Он вошел в кухню, которая показалась ему очень темной: его глаза не сразу привыкли к полумраку.

- Доброе утро, господин комиссар. Хорошо спалось?

Это была Жожо в своем черном платье, которое у нее буквально прилипало к телу.

- Будете пить кофе?

На мгновение он подумал о г-же Мегрэ, которая в этот час готовит первый завтрак в их парижской квартире с окнами, выходящими на бульвар Ришар-Ленуар.

Он вдруг представил себе, что в Париже дождь. В день отъезда там был страшный холод, как зимой. Здесь это казалось невероятным.

- Хотите, я освобожу столик?

Зачем? В кухне было очень уютно. Жожо растапливала печь виноградной лозой, и от этого приятно пахло.

Мегрэ все пытался припомнить свое вчерашнее открытие, а сам говорил что попало. Должно быть, ему было неловко наедине с Жожо.

- Господин Поль еще не спустился?

- Что вы! Он уже давно в гавани. Он ходит туда каждое утро за свежей рыбой. - Жожо посмотрела на настенные часы. - "Баклан" отвалит через пять минут.

- Больше никто не выходил?

- Только месье Шарло.

- Надеюсь, он был без вещей?

- Да. Он ушел вместе с месье Полем. Ваш друг тоже ушел, не меньше чем полчаса назад.

Через открытые двери Мегрэ обзирал площадь.

- Он, вероятно, купается. Ушел в пляжном костюме, с махровым полотенцем под мышкой.

Мысль о догадке не оставляла Мегрэ. Это имело отношение к Жинетте, но как-то касалось и Жожо. Он вспомнил, что в дремоте ему мерещилось, будто она поднимается по лестнице.

Накануне он настойчиво спрашивал у Жинетты: "Зачем вы приехали?" А она ему несколько раз соврала.

Сначала сказала, что приехала специально, чтобы с ним повидаться.

Вскоре Жинетта призналась, что помолвлена с г-ном Эмилом. Значит, приехала она для того, чтобы снять вину со своего хозяина, чтобы убедить комиссара, что ее хозяин не имеет никакого отношения к убийству Марселена.

А ведь комиссар не зря как следует прижал ее к стене: ему удалось развязать ей язык. Правда, она еще не все выболтала.

Он стоял возле печки и маленькими глотками пил кофе. Удивительное совпадение: чашка из дешевого фаянса, но сделанная под старинную, как две капли воды походила на ту, из которой он пил в детстве. Тогда он считал, что она - единственная в мире.

- Есть ничего не будете?

- Позже.

- Через четверть часа у булочника уже будет готов свежий хлеб.

Наконец Мегрэ размяк, и Жожо, должно быть, удивилась, увидев у него на губах улыбку. Вспомнил! Разве Марселен не говорил Жожо о "целой куче денег", которую мог бы загрести?

Правда, он был тогда пьян, но ведь в таком состоянии он пребывал почти всегда. С каких пор у него появилась возможность загрести эту "кучу денег"? Жинетта приезжала на остров примерно каждый месяц. Была она и в прошлом месяце. Проверить это легко. Кроме того, возможно, что Марселей ей написал.

Если ему предоставлялась возможность заработать большую сумму денег, то это мог сделать и кто-нибудь другой, знай он, например, то, что было известно Марселену.

Мегрэ продолжал стоять с чашкой в руке, глядя на освещенный прямоугольник двери, а Жожо бросала на него быстрые любопытные взгляды.

Леша уверял, будто Марселей погиб оттого, что слишком много говорил о "своем друге Мегрэ", и на первый взгляд это казалось притянутым за волосы.

Странно было видеть почти голого м-ра Пайка, силуэт которого выделялся на фоне света, с мокрым полотенцем в руке и слипшимися на лбу волосами.

Вместо того чтобы поздороваться с ним, Мегрэ пробормотал:

- Одну минуту...

Вот оно что! Он почти догадался. Теперь мысли будут нанизываться одна на другую. Можно начать с догадки, что Жинетта приехала на остров, потому что знала причину смерти Марселена.

Совсем не обязательно, что она приехала для того, чтобы помешать найти преступника. Если бы она вышла замуж за г-на Эмиля, то стала бы богатой. Но ведь старуха Жюстина не умирала и вопреки диагнозу врачей еще могла прожить долгие годы. Узнай Жюстина, что замышляется, она совершила бы любую подлость, лишь бы помешать сыну жениться на ком-либо после ее смерти.

А вот Марселей говорил, что может загрести "большую кучу денег".

- Извините, мистер Пайк. Хорошо вам спалось?

- Очень хорошо, - ответил невозмутимый англичанин.

Должен ли Мегрэ признаться ему, что ночью он считал, сколько раз спускали в уборной воду? Наверное, это было бы слишком. К тому же после морской ванны инспектор Скотленд-Ярда был свеженьким, как только что вытщенная из воды рыба.

Сейчас, во время бритья, комиссар сможет поразмыслить о "целой куче денег".

Глава 6

ЛОШАДЬ МАЙОРА

Англичане все-таки молодцы. Разве какой-нибудь французский коллега на месте м-ра Пайка удержался бы от искушения взять реванш? Даже Мегрэ, который по характеру не был насмешником, чуть было не намекнул с простодушным видом на то, что инспектор из Скотленд-Ярда так часто спускал ночью воду в уборной.

Может быть, накануне вечером и тот и другой перебрали больше, чем думали? Во всяком случае, это казалось весьма неожиданным.

Они все еще были втроем - Мегрэ, м-р Пайк и Жожо - в кухне, дверь которой оставалась открытой.

Мегрэ допивал кофе, а м-р Пайк в купальном костюме стоял, застя ему свет, в то время как Жожо пыталась отыскать в буфете бекон для англичанина. Было без трех восемь, когда Мегрэ, глядя на часы, произнес самым неподражаемо невинным тоном:

- Интересно, протрезвел ли Леша после своих вчерашних рюмочек?

Жожо вздрогнула, но не обернулась. Что до м-ра Пайка, то, несмотря на хорошее воспитание, даже он не сумел скрыть удивление. Однако инспектор с безупречной простотой отчеканил:

- Я только что видел, как он садился на "Баклан"; видимо, лодка дожидается Жинетту.

Мегрэ начисто забыл о похоронах Марселена. Хуже того, он вдруг вспомнил, что накануне долго и даже слишком настойчиво говорил о них с инспектором.

Присутствовал ли при их разговоре м-р Пайк? Этого он сказать не мог, но хорошо помнил, что сам в это время сидел на банкетке.

- Ты поедешь вместе с ней, дружок, - толковывал он Леша. - Понял? Правда, я не уверен, что это что-нибудь даст. Но вдруг зрелище это вызовет у нее какую-нибудь реакцию? Или кто-нибудь попытается под шумок поговорить с ней? А быть может, увидишь знакомое лицо и это тебе что-то подскажет? Нужно всегда ходить на похороны. Это мой старый принцип, который часто себя оправдывал. Только гляди в оба.

Мегрэ даже вспомнил, что, обращаясь к Леша, все время называл инспектора на "ты", вспомнил также, что рассказал ему несколько историй с похоронами, которые навели его на след преступника.

Теперь ему было ясно, почему Жинетта производила столько шума у себя в комнате. Он слышал, как она открыла дверь и крикнула сверху:

- Принеси-ка мне чашку кофе, Жожо, да побыстрей.

Сколько у меня еще осталось времени?

- Три минуты, мадам.

И как раз в этот момент рев сирены на "Баклане" оповестил, что катер вот-вот отойдет.

- Я схожу на причал, - объявил комиссар.

Времени, чтобы подняться наверх, не оставалось, поэтому Мегрэ вышел на улицу, как был - в комнатных туфлях и без воротничка. Но не один он был в таком виде. Возле катера собрались группы людей, все те же, что были здесь и накануне, когда Мегрэ впервые ступил ногой на поркерольский берег. Видимо, они присутствовали при всех прибытиях и отчалах.

Прежде чем начать день, они приходили поглазеть, как "Баклан" покидает гавань, а затем, еще до того как привести себя в порядок, выпивали глоток белого у Поля или в других кафе.

Дантист, менее сдержанный, чем м-р Пайк, упорно смотрел на комнатные туфли Мегрэ, на его небрежный вид, и улыбка удовлетворения на его лице недвусмысленно означала: "Я вас предупреждал! Вот видите, уже начинается!" Очевидно, он имел в виду поркеролит, которым сам был заражен до мозга костей. Но он удовольствовался лишь тем, что громко спросил:

- Ну как, хорошо спали?

Леша, уже сидевший на катере, стремительный, нетерпеливый, снова выбежал на берег, чтобы поговорить с комиссаром.

- Я не хотел вас будить. Почему она не идет? Батист говорит, что, если она сейчас не явится, они уйдут без нее.

На катере толпились и другие люди, собравшиеся на похороны Марселена: разряженные по-праздничному рыбаки, каменщики, торговка табаком. Шарло поблизости не было, хотя Мегрэ только что видел его на площади. На "Северной звезде" не замечалось никаких признаков жизни. В ту минуту, когда немой уже собирался отдать швартовы, появилась запыхавшаяся, вся благоухающая Жинетта в шуршащем черном шелковом платье и черной шляпе с вуалью. Ее втащили на борт так ловко, словно исполняли цирковой номер, и, только усевшись, Жинетта увидела стоявшего на причале комиссара и слегка кивнула ему.

Море было такое гладкое, такое светлое, что тот, кто Долго на него глядел, потом не сразу мог различать контуры предметов. "Баклан" оставлял за собой кривую серебристую борозду. Провожавшие, по привычке и следуя традиции, постояли минуту, посмотрели вслед катеру, затем

медленно направились к площади. Какой-то рыбак, только что насадивший на свой гарпун осьминога, пытался его снять, а щупальца животного обвивали его татуированную руку.

Поль, свежий как огурчик, уже стоял за стойкой "Ковчега" и наливал клиентам белое вино. М-р Пайк, успевший одеться, сидел за столиком и ел яичницу с беконом.

Мегрэ выпил стаканчик и поднялся к себе. Немного погодя, когда он стоял со спущенными подтяжками у окна и брился, кто-то постучал в дверь.

Это был англичанин.

- Я вам не помешаю? Разрешите?

Он уселся на единственный стул и долго молчал.

- Я провел часть вечера за беседой с майором, - сказал наконец англичанин. - Знаете, майор Беллэм был одним из наших самых знаменитых игроков в поло.

М-р Пайк, вероятно, был разочарован реакцией, вернее, полным отсутствием реакции у Мегрэ. У комиссара было смутное представление об этом виде спорта. Он знал только, что играют верхом и что не то в Булонском лесу, не то в Сен-Клу существует весьма аристократический клуб игроков в поло.

М-р Пайк с невинным видом протянул ему руку помощи:

- Он младший в семье.

Для м-ра Пайка это говорило о многом. Ведь в Англии, кажется, в аристократических семьях наследником титула и состояния является старший сын, а остальные сыновья вынуждены делать карьеру в армии или на флоте.

- Его старший брат - член палаты лордов. Майор выбрал индийскую армию.

Наверное, то же самое, только наоборот, происходило и с м-ром Пайком, когда Мегрэ с недомолвками рассказывал ему о таких людях, как Шарло, г-н Эмиль или Жинетта. Но м-р Пайк был терпелив и, не подавая вида, ставил точки над "и" с удивительной быстротой.

- Человеку с известным именем неприятно жить в Лондоне, если он не занимает видного положения. В индийской армии очень увлекаются конным спортом. Чтобы играть в поло, необходимо иметь несколько пони, целую конюшню.

- Майор никогда не был женат?

- Младшие сыновья редко женятся. Взяв на себя заботы о семье, Беллэм вынужден был бы отказаться от лошадей.

- И он предпочел их?

М-ру Пайку это совсем не казалось удивительным.

- По вечерам холостяки собираются в клубе, единственное их развлечение - выпивка. Майор за свою жизнь очень много выпил. В Индии он пил виски.

К шампанскому он пристрастился только здесь.

- Майор не сказал вам, почему решил обосноваться на Поркероле?

- С ним случилось несчастье. Из-за неудачного падения с лошади он в течение трех лет был прикован к постели, причем половину времени лежал в гипсе. Когда он встал на ноги, ему сообщили, что отныне верховая езда ему запрещена.

- Поэтому он и покинул Индию?

- Поэтому он и живет здесь. Я убежден, что в разных местах с подобным климатом, на Средиземном море или в Тихом океане, вы можете встретить пожилых джентльменов вроде майора, которые сльвут за оригиналов. У них нет средств поселиться в Лондоне и вести жизнь, приличествующую их рангу, а из-за приобретенных ими привычек на них косо смотрели бы в английской деревне.

- Он не говорил вам, почему не раскланивается с миссис Уилкокс?

- Мне это и без того ясно.

Следовало ли выяснять? А может быть, м-ру Пайку не очень хочется слышать, что говорят о его соотечественнице? Ведь для него м-с Уилкоккс представляет в женском варианте то, чем был майор в мужском.

Вытирая лицо, Мегрэ думал, надеть ли ему пиджак.

Инспектор Скотленд-Ярда был в одной рубашке. Было уже жарко, но комиссар не мог, как его стройный коллега, позволить себе ходить без подтяжек, а человек без пиджака в подтяжках всегда напоминает лавочника на пикнике.

Пришлось надеть пиджак. Больше в комнате делать было нечего. Поднявшись со стула, м-р Пайк добавил:

- Несмотря ни на что, майор остался джентльменом.

Мегрэ спустился по лестнице, англичанин последовал за ним. Он не спрашивал у комиссара, что тот собирается делать, но и не отставал от него ни на шаг, а этого уже было достаточно, чтобы день у Мегрэ был испорчен.

Он почти решил, - конечно, оттого, что рядом был английский коллега, - вести себя в это утро как высокопоставленный полицейский чин. Обычно комиссар уголовной полиции не бегаёт по улицам и не рыскает по бистро в поисках убийцы. Это важный господин, который проводит большую часть времени в кабинете, командуя, как генерал в своем штабе, маленькой армией бригадиров, инспекторов и техников.

Мегрэ никогда не мог на это решиться. Он, как гончий пес, не мог обойтись без того, чтобы самому не шарить, вынюхивать, скрестись, втягивать носом запах.

За первые два дня Леша проделал значительную работу и вручил Мегрэ донесение о всех допросах, которые успел провести.

Мегрэ поместился в углу ресторана, который все утро был свободен, и детально изучил бумаги, переданные ему Леша.

Затем, бросив тревожный взгляд на м-ра Пайка, спросил:

- У вас в Англии случается, что ваши коллеги по Скотленд-Ярду бегают по улицам, как новички?

- Я знаю по крайней мере трех или четырех, которых никогда не увидишь в кабинете.

Тем лучше! Мегрэ тоже не собирался сидеть на месте. Он начинал догадываться, почему поркерольцев всегда можно встретить в одних и тех же местах. Это был инстинкт. Их невольно притягивали солнце и красота пейзажа. Вот, например, сейчас Мегрэ и его спутник без всякой цели вышли на улицу, почти не отдавая себе отчета в том, что спускаются к гавани.

Мегрэ был убежден, что, если бы случай заставил его провести остаток дней на острове, он каждое утро совершал бы ту же прогулку и в этот час в зубах у него была бы лучшая из трубок, которые он выкуривает за день. Там, по другую сторону залива, возле мыса Жьен, "Баклан" выгружал пассажиров. Даже невооруженным глазом удавалось различить катер, казавшийся маленьким белым пятнышком.

Немой скоро погрузит ящики с овощами и фруктами для мэра и для кооператива, мясо для мясника и мешки с почтой. Люди, вероятно, сядут на катер, как сделали это накануне Мегрэ и м-р Пайк, и, без сомнения, так же ослепнут от восторга, увидев морское дно.

Матросы на большой белой яхте драили палубу песком. Это были люди средних лет; время от времени они ходили пропустить рюмочку к Морену Бородачу: они не якшались с портовым людом.

Справа от порта по другому склону скалы извивалась тропинка, которая вела к хижине. Дверь хижины была открыта.

На пороге сидел рыбак. Голыми пальцами ног он придерживал натянутые сети, а в его ловких, как у вышивальщицы, руках сновал челнок, при помощи которого он чинил сети.

Здесь и убили Марселена. Оба полицейских заглянули внутрь. Посреди хижины стоял огромный котел, каким в деревнях пользуются при приготовлении пойла свиньям. Здесь он был наполнен какой-то коричневой смесью, и в нем кипятились сети, чтобы предохранить их от действия морской воды.

Старые паруса, должно быть, служили Марселену подстилкой. По углам в беспорядке валялись горшки с краской, бидоны с машинным маслом и керосином, железный лом, старые весла.

- Другим тоже случается здесь ночевать? - спросил Мегрэ у рыбака.

Тот равнодушно поднял голову.

- Иногда в дождь здесь ночует старый Бенуа.

- А если нет дождя?

- Тогда он предпочитает ночевать на свежем воздухе, в разных местах. Иногда в бухточке или на палубе парохода, иногда на скамейке на площади.

- Вы его сегодня видели?

- Недавно он проходил вон там.

Рыбак указал на тропинку, которая шла на некоторой высоте вдоль берега моря и с одной стороны была обсажена соснами.

- Он был один?

- Мне показалось, что вскоре к нему присоединился господин из "Ковчега". Тот, что носит полотняный костюм и белую фуражку.

Рыбак имел в виду Шарло.

- И он прошел обратно?

- Да, примерно с полчаса назад.

***

"Баклан" по-прежнему казался белым пятнышком в лазури, но теперь это пятнышко уже отчетливо отделилось от берега. Множество лодок усеивало море, одни стояли неподвижно, другие медленно плыли, оставляя позади себя светящийся след.

Как и накануне вечером, Мегрэ с м-ром Пайком спустились в гавань, прошли по молу и машинально глянули на мальчонку, пытавшегося поймать морского угря с помощью коротенькой удочки.

Когда они достигли лодки голландца, Мегрэ заглянул в нее и был удивлен, увидя там Шарло, беседовавшего с де Грефом.

М-р Пайк по-прежнему молча следовал за комиссаром. Ожидал ли он чего-то, что должно было произойти? Пытался ли угадать мысли Мегрэ?

Они дошли до конца мола, повернули обратно и снова прошли мимо "Цветка любви". Шарло все еще был там.

Трижды они промерили стометровый мол и только на третий раз увидели, как Шарло вышел на палубу яхточки, простился и ступил на доску, служившую сходнями.

Мегрэ с м-ром Пайком были совсем близко от него.

Они чуть не столкнулись. В этот час автобус из Жьена должен прибыть в Йер. Люди, приехавшие на похороны, выпьют по рюмочке, а потом отправятся в морг.

- Вот так встреча! А я вас сегодня все утро искал.

- Как видите, я не покидал острова.

- Вот об этом мне и нужно с вами побеседовать. Я не вижу никакой необходимости задерживать вас здесь. Кажется, вы говорили, что приехали сюда только на два-три дня и остались из-за смерти Марселена. Инспектор счел нужным задержать вас тут. А я возвращаю вам свободу.

- Благодарю.

- Прошу только предупредить, где я смогу вас найти в случае, если вы мне понадобится.

Шарло, куривший сигарету, задумчиво посмотрел на кончик ее.

- В "Ковчеге", - наконец ответил он.

- Значит, вы не уезжаете?

- Сейчас нет. - И, подняв голову, он посмотрел в глаза комиссару. - Вас это удивляет? Кажется, вам это Даже неприятно? Но, надеюсь, мне это дозволено?

- Не смею вам мешать. Признаюсь, мне только любопытно, что заставило вас изменить первоначальное намерение.

- Профессия меня не очень связывает. Не так ли?

У меня нет ни конторы, ни завода, ни торгового дома.

Нет ни рабочих, ни служащих, которые бы меня дожидались. А здесь так хорошо! Разве вы не находите?

Он и не пытался скрыть иронии.

По дорожке к гавани спускался мэр, по-прежнему в длинной серой блузе, толкая перед собой ручную тележку. На обычных местах уже стояли зазывалы из "Гранд-отеля" и почтальон в форменной фуражке.

"Баклан" теперь дошел до середины пролива и через четверть часа должен был пристать к берегу.

- Долго вы беседовали со старым Бенуа?

- Увидев вас сейчас возле хижины, я сразу подумал, что вы меня об этом спросите. Вы, конечно, будете допрашивать старика. Я вам не могу помешать. Только хочу заранее предупредить, что он ничего не знает. Во всяком случае, я в этом, кажется, убедился, а ведь понять его язык не так уж легко. Быть может, вам в этом смысле больше посчастливится.

- Вы пытаетесь что-нибудь разузнать?

- Возможно, то же, что и вы.

Это был почти вызов, хотя и брошенный добродушно.

- С чего бы вас это заинтересовало? Марселей говорил с вами?

- Не больше, чем с другими. Он всегда со мной немного робел. Ведь ни одна шестерка не чувствует себя свободно с паханом.

Сейчас придется объяснить значение слова "пахан" м-ру Пайку, который, видимо, отложил его про запас в какую-нибудь клеточку мозга.

Мегрэ тоже вошел в игру, говорил небрежно, легкомысленным тоном, словно бросал ничего не значащие слова.

- Скажите, Шарло, вы знаете, почему убили Марселена?

- Я знаю примерно столько же, сколько вы. И, поверьте, делаю, вероятно, те же выводы, но с другого конца.

Шарло улыбался, щурясь от солнца.

- Жожо говорила с вами?
- Со мной? Разве вам не сказали, что мы ненавидим друг друга, как кошка и собака.
- Вы спали с ней и чем-то ее обидели?
- Она не захотела. Как раз это-то нас и разделяет.
- Я только думаю, Шарло, не лучше ли вам вернуться в Пон-дю-Лас.
- Благодарю за совет, но я предпочитаю оставаться здесь.

От "Северной звезды" отделилась шлюпка. Можно было различить силуэт Морикура, садившегося на весла. Он был один. Видимо, как и другие, торопился к приходу "Баклана", чтобы получить на почте свою корреспонденцию.

Шарло, наблюдавший за выражением лица Мегрэ, казалось, в то же время наблюдал и за его мыслями. Когда комиссар посмотрел на лодку голландца, он бросил:

- Странный парень. Однако не думаю, чтобы это был он.
- Вы имеете в виду убийцу Марселена?
- От вас ничего не скроешь. Учтите, что убийца сам по себе меня не интересует. Но во всех случаях, кроме драки, никого не убивают без причины. Не так ли? Даже тогда, и особенно тогда, когда этот человек заявляет каждому встречному, что он друг комиссара Мегрэ.
- Вы были в "Ковчеге", когда Марселей говорил обо мне?
- Все там были. Я имею в виду тех, кто интересует вас в данное время. А у Марселена, особенно после того как он выпивал несколько стаканов, был достаточно пронзительный голос.
- Вы не знаете, почему он говорил обо мне именно в тот вечер?
- В этом-то все дело. Представьте, это был первый вопрос, который я себе задал, когда узнал о смерти Марселена. Я стал думать, к кому относились слова бедняги. Вы понимаете?

Мегрэ все прекрасно понимал.

- И нашли вы подходящий ответ?
- Нет еще. Если бы мне удалось его найти, я вернулся бы в Пон-дю-Лас ближайшим пароходом.
- Вот не знал, что вам нравится играть роль сыщика-любителя.
- Шутите, комиссар.

Мегрэ по-прежнему упорно, хотя и не подавая вида, старался заставить партнера сказать что-то такое, чего тот говорить не хотел.

Это была забавная игра - на молу под палящим солнцем, в присутствии м-ра Пайка, который выполнял роль арбитра и проявлял щепетильную нейтральность.

- В конечном счете, вы исходите из того, что Марселен был убит не без причины.
- Вы правильно поняли.
- Вы считаете, что убийца хотел присвоить что-то, принадлежащее Марселену?
- Этого не считаем ни я, ни вы. Иначе ваша репутация была бы чертовски раздутой.
- Кто-то хотел заткнуть ему рот?
- Вот это уже вернее, комиссар.
- Быть может, Марселей узнал что-нибудь, а кому-то это показалось опасным?
- Почему вы так хотите знать, что думаю я, когда сами осведомлены не хуже меня?
- И о "большой куче" денег?
- Да, и о "большой куче" денег. - И, закурив новую сигарету, Шарло изрек:
- Меня всегда интересовали большие кучи денег. Теперь до вас дошло?

- Поэтому сегодня вы и нанесли визит голландцу?

- Ну, он-то беден, как церковная крыса.

- Значит, вы хотите сказать, что это не он?

- Этого я не говорил. Я только сказал, что Марселей не мог надеяться что-нибудь из него вытянуть.

- Вы забываете его подругу.

- Анну?

- Да. Ее отец очень богат.

Шарло задумался, потом пожал плечами. "Баклан" уже миновал первый скалистый мыс и подходил к порту.

- Вы разрешите мне идти? Быть может, мне кого-нибудь придется встретить.

Ироническим жестом притронувшись к фуражке, Шарло направился к причалу.

Пока Мегрэ набивал трубку, м-р Пайк заметил:

- Я думаю, что этот парень очень умен.

- С его профессией без этого далеко не уйдешь.

Зазывала из "Гранд-отеля" уже завладел багажом какой-то молодой пары. Мэр поднялся на палубу и разглядывал приклеенные к ящикам этикетки. Шарло помог молодой женщине спуститься на берег и повел ее в "Ковчег". Он не обманул, сказав, что кого-то встречает. Видно, накануне говорил по телефону.

Кстати, откуда инспектор Леша звонил позавчера Мегрэ, чтобы ввести его в курс дела? Если из "Ковчега", где телефон висит на стене возле стойки, значит, их разговор могли слышать. Не забыть бы задать ему этот вопрос.

Дантист был здесь в том же виде, что и утром, небритый, быть может, даже невымытый, в старой соломенной шляпе. Он глядел на "Баклан", и для него этого было вполне достаточно. Казалось, он наслаждается жизнью.

Разве Мегрэ и м-р Пайк не могли пойти вслед за всеми, медленно направиться к "Ковчегу", подойти к стойке и выпить стакан белого вина, которое им подадут, даже не спросив, что они хотят заказать?

Комиссар краем глаза следил за спутником, а тот, со своей стороны, тоже наблюдал за Мегрэ, хотя на вид и казался безучастным.

Почему, в конце концов, нужно вести себя не так, как другие? В Йере происходили сейчас похороны Марселена. Жинетта, заменяя членов семьи покойного, шла за похоронными дрогами и, должно быть, прикладывала к лицу скатанный в комочек носовой платок. Там, на аллеях, окаймленных неподвижными пальмами, была удушливая жара.

- Вам нравится здешнее белое, мистер Пайк?

- Не отказался бы выпить стаканчик.

Пустую площадь переехал почтальон, толкая ручную тележку, в которой были свалены мешки с почтой.

Подняв голову, Мегрэ увидел настежь раскрытые окна "Ковчега", а в одном из них, на переднем плане, облокотившегося на подоконник Шарло. Позади него, в золотистом рассвете, молодая женщина стягивала через голову платье.

- Он много говорил, но я все думаю, не хотел ли он сказать больше.

Это еще придет. Людям типа Шарло трудно устоять от желания покуражиться. Когда Мегрэ и англичанин уселись на террасе, они увидели г-на Эмиля в панаме, еще более чем когда-либо похожего на белую мышь. Он пересекал площадь и направлялся к почте, расположенной наверху,

слева от церкви. Через открытую дверь были видны человека четыре-пять, стоявших в ожидании, пока почтмейстерша разберет корреспонденцию.

Была суббота. Жожо босиком мыла облицованный красными плитками пол. Грязная вода струйками стекала на террасу.

Поль принес им белого вина. Не два стакана, как обычно, а бутылку.

- Вы знаете, что за женщина прошла в комнату Шарло? - спросил его комиссар.

- Да. Его приятельница.

- Она из какого-нибудь заведения?

- Не думаю. Она не то танцовщица, не то певица в ночном кабаре в Марселе. Приезжает сюда уже в третий или четвертый раз.

- Он звонил ей по телефону?

- Да, вчера днем, когда вы были у себя в комнате.

- Вы не слышали, что он ей сказал?

- Просто попросил приехать к нему на воскресенье.

Она тут же согласилась.

- Шарло с Марселеном дружили? - продолжал допытываться Мегрэ.

- Не помню, чтобы мне доводилось видеть их вместе. Я имею в виду вдвоем.

- Я хотел бы, чтоб вы попытались вспомнить получше. В тот вечер, когда Марселей говорил обо мне...

- Я понимаю, что вы хотите сказать. Этот же вопрос мне задал ваш инспектор.

- Я полагаю, в начале вечера посетители сидели за разными столиками, как и вчера?

- Да. Сначала они всегда так сидят.

- Вы помните, что произошло потом?

- Кто-то включил проигрыватель. Не знаю - кто, но ясно помню, что играла музыка. Голландец со своей подружкой пошли танцевать. Это у меня запечатлелось в памяти: я обратил внимание, что двигалась она в его руках безвольно, как тряпичная кукла.

- Кто-нибудь еще танцевал?

- Миссис Уилкоккс с месье Филиппом. Он очень хорошо танцует.

- А где в это время находился Марселей?

- Помнится, он стоял у стойки.

- Он был очень пьян?

- Не очень, но достаточно. Подождите, мне припоминается одна деталь. Марселей настаивал, чтобы миссис Уилкоккс пошла с ним танцевать.

- Марселей?

Намеренно или нет, но как только заговаривали о его соотечественнице, м-р Пайк принимал отсутствующий вид.

- И она пошла?

- Да. Они сделали несколько шагов. Марселей, должно быть, споткнулся. Он любил паясничать на людях.

Она первая стала всех угощать. Правильно. У них на столе стояла бутылка виски. Она не любит, когда виски подают в стопках. Марселей выпил виски и потребовал белого вина.

- А что делал майор?

- Как раз о нем я сейчас и подумал. Он сидел в противоположном углу. Я пытаюсь вспомнить, кто был с ним. Кажется, Полит.

- А кто такой Полит?

- Один из Моренов. Тот, у кого зеленая лодка. Летом он возит туристов вокруг острова. Носит фуражку капитана дальнего плавания.

- А он действительно капитан?

- Он служил на флоте и, кажется, имеет звание старшины. Полит часто сопровождает майора в Тулон. Зубной врач пил вместе с ними. Марселей со стаканом в руке стал переходить от столика к столику. Если не ошибаюсь, мешал виски с белым вином.

- Как он начал говорить обо мне? С кем? Был он в это время за столиком майора или миссис Уилкоккс?

- Пытаюсь вспомнить поточнее. Вы сами видели, как здесь бывает, а вчера еще был тихий вечер. Голландцы сидели возле миссис Уилкоккс. Мне кажется, разговор начался за этим столиком. Марселей стоял посреди зала, когда я услышал, как он возвысил голос: "Мой друг комиссар Мегрэ... Вот именно, мой друг. И я знаю, что говорю. Я могу это доказать".

- И он показал письмо?

- Это я не видел. Я был занят. Мы с Жожо обслуживали клиентов.

- Ваша жена была в это время в зале?

- Кажется, уже поднялась наверх. Она обычно уходит к себе, как только подсчитает выручку. Она себя неважно чувствует и должна побольше спать.

- Значит, Марселей мог с таким же успехом обратиться и к майору Беллэму, и к миссис Уилкоккс, и к голландцу? Даже к Шарло и к любому другому? Например, к зубному врачу или к господину Эмилю?

- Полагаю, что да.

Поля позвали в дом, и он, извинившись, ушел. Люди, выходявшие с почты, пересекали залитую солнцем площадь, на углу которой стояла женщина. Рядом с "Ковчегом" мэр разгружал свои ящики.

- Вас к телефону, господин Мегрэ.

Он вошел в полумрак кафе и взял трубку.

- Это вы, шеф?.. Говорит Леша... Все закончилось.

Я нахожусь в баре возле кладбища. Известная вам дама здесь, со мной. Она не покидает меня от самого "Баклана". Уже успела рассказать мне всю свою жизнь.

- Как все прошло?

- Очень хорошо. Она купила цветов. Другие люди с острова тоже положили цветы на могилу. На кладбище было очень жарко. Не знаю, как мне быть. Кажется, придется пригласить ее позавтракать.

- Она слышит разговор?

- Нет, я в кабине. Вижу ее через стекло. Она пудрится, глядя в маленькое зеркальце.

- Она никого не встретила? Не звонила по телефону?

- Она не покидала меня ни на секунду: мне пришлось тащиться с ней в цветочный магазин, и я шел с ней рядом за похоронными дрогами, совсем как член семьи.

- Из Жьена в Йер вы ехали в автобусе?

- Я вынужден был пригласить ее в свою машину. На острове все в порядке?

- Все в порядке.

Вернувшись на террасу, Мегрэ увидел, что дантист сидит рядом с м-ром Пайком и, видимо, собирается разделить с ним бутылку белого вина.

На пороге с пакетом газет под мышкой стоял Филипп де Морикур, не решаясь зайти в "Ковчег".

Г-н Эмиль осторожными шагами направился к своей вилле, где его ожидала старая Жюстина, и, как всегда, из кухни доносились запахи провансальской рыбной похлебки.

Глава 7

ПОСЛЕПОЛУДЕННЫЕ ЧАСЫ ТЕЛЕФОНИСТКИ

Это было не прозвище. Толстая девушка не придумала себе такое имя. Ее действительно окрестили Аглаей.

Она была очень толстая, особенно в бедрах, раздобревшая, как женщина пятидесяти - шестидесяти лет. А лицо ее, наоборот, казалось от этого еще более юным. Аглае было не больше двадцати шести.

***

В эти последующие часы Мегрэ открыл для себя совсем новый квартал Поркероля. По-прежнему сопровождаемый м-ром Пайком, он впервые из конца в конец пересек площадь, направляясь к зданию почты.

Неужели запах ладана действительно доносился из старенькой церкви? Ведь там, должно быть, не часто происходили торжественные службы.

Это была такая же площадь, что и напротив "Ковчега". Однако можно было поручиться, что здесь, наверху, воздух теплее, плотнее. Садики перед стоявшими тут двумя-тремя домами были полны цветов и пчелиных ульев. Шум гавани доносился сюда лишь приглушенно. Двое стариков играли в петанк <распространенная во Франции игра в шары>, бросая обитые гвоздями шары не далее чем на несколько метров, и было забавно смотреть, с какими предосторожностями они нагибались.

Один из них, Фердинан Галли, патриарх всех Галли на острове, содержал в этом углу площади кафе, но комиссар ни разу не видел, чтобы туда кто-нибудь шел.

Видимо, бывали там только соседи, да еще его родственники, тоже Галли. Его партнером был опрятный, совершенно глухой пенсионер в фуражке железнодорожника. Другой восьмидесятилетний старец дремал на скамейке у почты, поглядывая на игру.

Эта зеленая скамейка стояла у открытой двери почты, и Мегрэ пришлось после полудня провести на ней несколько часов.

- А я все думала, подниметесь ли вы наконец сюда! - воскликнула Аглая, увидев входившего Мегрэ. - Я была уверена, что вам придется звонить по телефону, а ведь не очень-то приятно разговаривать из "Ковчега", где слышно каждое слово.

- Долго придется дожидаться Парижа, мадемуазель?

- Я дам вам его вне очереди, через несколько минут.

- Тогда соедините меня, пожалуйста, с уголовной полицией.

- Я помню номер: мне пришлось соединять вас с инспектором, когда он вам звонил.

Мегрэ чуть было не спросил: "И вы слушали наш разговор?" Но она не замедлила просветить его на этот счет.

- С кем будете говорить в уголовной полиции?

- Вызовите бригадира Люка. Если его не будет на месте, тогда инспектора Торранса.

Через несколько минут на проводе послышался голос Люка.

- Какая у вас погода, старина? - спросил Мегрэ. - По-прежнему дождь?.. Ливни?.. Ладно, слушай, Люка.

Выясни и сообщи мне все, что можешь, относительно некоего Филиппа де Морикура. Да, Леша видел документы и утверждает, что это его настоящее имя. Последним его местожительством в Париже были меблированные комнаты на левом берегу, улица Жакоб, семнадцать-а... Что именно я хочу узнать?.. Точнее сказать не могу. Узнай, что удастся, и сразу позвони мне.

Не нужно никакого номера. Просто проси Поркероль.

Позвони также в полицейское управление Остенде.

Спроси, знают ли там некоего Бебельманса, который, насколько мне известно, является крупным судовладельцем. Это еще не все... Не разъединяйте нас, мадемуазель. Есть у тебя свои люди на Монпарнасе? Послушай, что там говорят о Жефе де Грефе... Что-то вроде художника. Некоторое время жил на Сене, в лодке, пришвартованной у моста Мари. Записал?.. Да, это все. Звони мне, не ожидай, пока соберешь все сведения. Пошли столько людей, сколько понадобится. У вас там все хорошо?.. У кого родился ребенок?.. У жены Жанвье?..

Поздравь его от меня.

Выйдя из кабины, Мегрэ увидел, как Аглая без тени смущения снимает с головы наушники.

- Вы всегда слушаете разговоры?

- Я осталась у аппарата на тот случай, если бы вас прервали. Я не доверяю телефонистке из Йера. Настоящая ведьма!

- И такую помощь вы оказываете всем?

- Утром мне некогда, я разбираю почту, но днем я не так занята.

- Вы регистрируете телефонные разговоры, которые заказывают жители острова?

- Это моя обязанность.

- Могли бы вы составить мне список всех заказов, которые выполняли за последние дни?

- Сейчас. Я это сделаю за несколько минут.

- А телеграммы принимаете тоже вы?

- Много телеграмм бывает только в сезон. Кстати, сегодня утром я отправила одну, которая должна вас заинтересовать.

- Откуда вы знаете?

- Отправитель ее, видимо, тоже интересуется теми, о ком вы только что запрашивали, во всяком случае одним из них.

- У вас есть копия телеграммы?

- Сейчас поищу.

Через минуту она протянула комиссару бланк:

"Париж, улица Бланш, Фреду Массону, у Анжело. Хотел бы получить подробные сведения Филиппе де Морикуре адрес Париж улица Жакоб тчк Прошу телеграфировать Поркероль тчк Привет Шарло".

Мегрэ дал прочитать телеграмму м-ру Пайку, который только покачал головой.

- Приготовьте мне, пожалуйста, мадемуазель, список вызовов. Мы с приятелем подождем на улице.

Тут они впервые и уселись на скамейке, в тени эвкалиптов, возвышавшихся на площади. Стена за их спиной была розовая и горячая. Они вдыхали доносившийся до них сладкий запах.

- Я хочу попросить у вас разрешения ненадолго удалиться, - сказал м-р Пайк, глядя на церковные часы. - Если вы, конечно, ничего не имеете против.

Неужели он из вежливости делает вид, что боится, как бы его уход не огорчил Мегрэ?

- Майор пригласил меня выпить стаканчик в пять часов у него на вилле. Я оскорбил бы его отказом.

- Пожалуйста.

- Я подумал, что вы, вероятно, будете заняты.

Комиссар едва успел выкурить трубку, глядя на двух старцев, играющих в шары, как из окошка послышался резкий голос Аглаи:

- Месье Мегрэ! Готово.

Комиссар поднялся, взял протянутый листок и снова сел на скамейку, рядом с инспектором из Скотленд-Ярда.

Почтмейстерша выполнила работу старательно, аккуратным почерком школьницы, сделав несколько орфографических ошибок.

В списке часто встречалось слово "мясник". Видимо, он ежедневно звонил в Йер, чтобы заказать мясо на следующий день. Затем попадался кооператив. Тут звонки были тоже частые, но более разнообразные.

- Вы делаете заметки? - полюбопытствовал м-р Пайк, видя, что Мегрэ открыл большую записную книжку.

Может быть, это означало, что Мегрэ впервые, по его мнению, вел себя как настоящий комиссар?

В списке чаще всего встречалось имя Жюстины. Она вызывала Ниццу, Марсель, Безье, Авиньон и за одну неделю четыре раза говорила с Парижем.

- Сейчас узнаем, - сказал Мегрэ. - Мне кажется, что телефонистка постаралась подслушать ее разговоры.

А в Англии тоже так водится?

- Не думаю, чтобы это было законно, но, возможно, тоже случается.

Накануне Шарло - Мегрэ это было уже известно - звонил в Марсель. Звонил, чтобы вызвать сюда свою приятельницу. Они с Пайком видели, как она сходила с "Баклана". А теперь он играл с ней в карты на террасе "Ковчега". Ведь полицейским видны были издали "Ковчег" и движущиеся вокруг него фигуры людей. Отсюда, где было так спокойно, это напоминало кишачий улей.

Самое интересное заключалось в том, что в списке стояло имя Марселена. Он вызывал какой-то номер в Ницце за два дня до смерти.

Мегрэ внезапно вскочил и вошел в помещение почты. М-р Пайк последовал за ним.

- Знаете вы, что это за номер, мадемуазель?

- Конечно. Это номер заведения, где работает известная вам дама. Жюстина вызывает его ежедневно: вы можете в этом убедиться, посмотрев список.

- Вы слушали разговоры Жюстины?

- Частенько. Но теперь перестала: это всегда одно и то же.

- Она сама говорит по телефону или ее сын?

- Говорит она, а господин Эмиль слушает.

- Не понимаю.

- Да ведь Жюстина совсем глухая. Трубку подносит к уху господин Эмиль и тут же передает ей, что говорят. Потом она кричит в аппарат так громко, что ее трудно понять. Первое слово у нее

постоянно одно и то же: "Сколько?" Ей сообщают цифру выручки, а господин Эмиль, стоя рядом, записывает. И так она поочередно вызывает все свои дома.

- Вероятно, в Ницце к телефону подходит Жинетта.

- Да, она ведь там управляющая.

- Ну а когда Жюстина говорит с Парижем?

- Это бывает реже. И всегда с одним и тем же, неким господином Луи. Каждый раз она требует женщин.

Он сообщает ей возраст и цену. Она отвечает "да" или "нет". Иногда торгуется, как на деревенской ярмарке.

- Вы не замечали последнее время чего-нибудь необычного в этих разговорах? Сам господин Эмиль никому не звонил?

- Думаю, что он не осмелился бы.

- Что, мать не разрешает?

- Она ему почти ничего не разрешает.

- А Марселей кому-нибудь звонил?

- Я как раз собиралась об этом сказать. Он приходил на почту редко, только чтобы получить денежный перевод. Думаю, что за год ему не случилось говорить по телефону и трех раз.

- С кем?

- Один раз он звонил в Тулон, заказывал какую-то запчасть мотора для своей лодки. Другой раз в Ниццу.

- Жинетте?

- Да. Сообщал, что не получил денежного перевода. Он получал их почти каждый месяц. Оказалось, что Жинетта ошиблась. Сумма, указанная прописью, не соответствовала той, что была написана цифрами, и я не могла выдать деньги. Она выслала другой перевод со следующей почтой.

- Когда это было?

- Месяца три назад. Дверь тогда была закрыта, значит, было холодно, была зима.

- А последний разговор?

- Сначала я слушала, потом пришла мадам Галли купить марок.

- Долго он говорил?

- Дольше, чем обычно. Это легко проверить. - Аглая полистала свою книгу. - Два раза по три минуты.

- Вы слышали начало. Что же Марселей говорил?

- Приблизительно вот что: "Это ты?.. Да, я... Нет, дело не в деньгах... Денег я мог бы теперь иметь сколько захочу..."

- А она ничего не ответила?

- Она только пробормотала: "Ты снова пил, Марсель?" Он поклялся, что у него с утра капли во рту не было. Потом попросил: "Не могла бы ты оказать мне услугу... Есть у вас в доме "Большой Ларусс"? <Французский энциклопедический словарь> Вот и все, что я знаю. В эту минуту на почту вошла мадам Галли, а клиентка она не из приятных: всегда уверяет, что своими налогами оплачивает служащих, и всегда грозит, что будет жаловаться.

- Поскольку разговор длился только шесть минут, мало вероятно, что Жинетта успела за это время посмотреть в словарь, вернуться к аппарату и дать Марселену интересующие его сведения.

- Она ответила ему телеграфом. Вот! Я вам приготовила. - И Аглая протянула ему желтый бланк:

"Умер 1890 Жинетта".

- Вот видите, насколько хуже было бы для вас, если бы вы не поднялись сюда и не поговорили со мной.

- Следили вы за лицом Марселена, когда он читал телеграмму?

- Он перечитал ее два-три раза, чтобы удостовериться, что это действительно так, потом вышел, насвистывая.

- Словно узнал что-то приятное?

- Точно. И еще, кажется, у него был такой вид, будто он кем-то восхищается.

- Вы слушали вчера разговор Шарло?

- С Бебе?

- Кого вы имеете в виду?

- Так Шарло называет свою приятельницу. Она должна была приехать нынче утром. Если хотите, я могу повторить, что он ей сказал: "Ну как, Бебе, все в порядке?.. У меня тоже все помаленьку... Спасибо... Так вот, я остаюсь здесь еще на несколько дней, и мне хотелось бы немного порезвиться. Приезжай ко мне".

- И она приехала, - заключил Мегрэ. - Благодарю вас, мадемуазель. Мы с другом посидим на скамейке возле двери, подождем звонка из Парижа.

Прошло три четверти часа. Мегрэ с англичанином следили за игрой в шары. Пара новобранцев пришла отправить почтовые открытки. Явился и мясник, чтобы заказать обычный разговор с Йером. Время от времени м-р Пайк поглядывал на церковные часы. Иногда открывал рот, собираясь задать вопрос, но всякий раз передумывал.

От жары оба они погрузились в приятную истому.

Издали им было видно, как мужчины собираются на большую партию в петанк, в которой участвуют с десяток игроков.

Дантист принимал участие в игре. "Баклан" отошел от острова и направился к мысу Жьен, откуда должен был доставить инспектора Леша и Жинетту.

Наконец раздался голос Аглаи:

- Париж на проводе.

На вызов ответил Люка, который в отсутствие Мегрэ всегда сидел у него в кабинете. Из окна Люка мог видеть Сену и мост Сен-Мишель, а Мегрэ лишь рассеянно смотрел на Аглаю.

- Часть сведений уже собрана, шеф. Скоро поступят материалы из Остенде. С кого начинать?

- С кого хочешь.

- Тогда начнем с Морикура. С этим было нетрудно.

Торранс вспомнил, что видел такую фамилию на обложке книги. Это действительно его настоящее имя. Отец его был капитаном кавалерии, он давно умер. Мать живет в Сомюре. Насколько мне удалось узнать, состояния у них нет никакого. Филипп де Морикур много раз пытался жениться на богатой наследнице, но всякий раз свадьба расстраивалась.

Аглая без всякого стеснения слушала их разговор и через стекло подмигивала Мегрэ, чтобы показать, какие фразы ей особенно понравились.

- Морикур выдает себя за литератора. Опубликовал два сборника стихов, оба у одного из издателей на левом берегу. В Париже был завсегда кафе "Флора", где его многие знают. При случае сотрудничал в газетах. Это вы и хотели узнать?

- Продолжай.

- Больше никаких подробностей не знаю: я ведь справлялся по телефону, чтобы выиграть время. Но я отправил кое-кого за сведениями, и не далее чем сегодня вечером или завтра вы будете иметь дополнительные. Жалоб на него нет, вернее, была одна, пять лет назад, но потом дело уладилось.

- Я слушаю.

- Одна дама, живущая в Отеле, имя которой мне должны сообщить, доверила ему редкий экземпляр книги, которую он взялся перепродать. Но проходили месяцы, а Морикур к ней больше не показывался. Тогда она подала жалобу. Удалось узнать, что книгу он перепродал какому-то американцу. Что касается денег, то он обещал их выплатить в рассрочку. Я говорил по телефону с его бывшим квартирным хозяином. Обычно Морикур платил за квартиру неаккуратно, опаздывал на два-три срока, но в конце концов уплачивал по частям.

- Это все?

- Почти. Вы знаете людей этого сорта. Всегда хорошо одеты, всегда безупречно себя держат.

- А как насчет пожилых дам?

- Точно не выяснено. Связи у него были, но он всегда хранил их в строгой тайне.

- Ну а другой?

- Вы знаете, что они были раньше знакомы? Кажется, де Греф - способный человек. Некоторые даже уверяют, что он мог бы, если захотел, стать одним из лучших художников своего поколения.

- А он этого не хочет?

- В конце концов, он со всеми перессорился, да еще увез девушку из почтенного бельгийского семейства.

- Знаю.

- Так вот, когда де Греф приехал в Париж, он устроил выставку своих работ в маленьком зале на улице Сены. Продать ничего не удалось, и в день закрытия выставки голландец сжег все свои полотна. Некоторые уверяют, что у него на лодке происходили настоящие оргии. Он иллюстрировал эротические книжки, которые продают из-под полы. На это он, главным образом, и жил. Вот и все, шеф. Теперь я сижу у телефона и дожидаясь звонка из Остенде. У вас там все в порядке?

Через стекло кабины м-р Пайк показал Мегрэ часы.

На них было ровно пять, и англичанин удалился по направлению к вилле майора.

Комиссар сразу повеселел; ему даже показалось, что У него начинается отпуск.

- Ты передал мои поздравления Жанвье? Позвони моей жене и попроси, пожалуйста, от моего имени, чтобы она навестила его жену и отнесла ей подарок или цветы. Только, ради Бога, не серебряный стаканчик.

Он опять остался наедине с Аглаей, отделенный от нее только решетчатой перегородкой. Девушка явно веселилась. Нисколько не стесняясь, заявила:

- Интересно бы посмотреть какую-нибудь книжку с иллюстрациями де Грефа. Как вы думаете, они у него с собой, на лодке? - Затем, без всякого перехода, продолжала:

- Забавно! Оказывается, ваша профессия намного легче, чем думают. Со всех сторон к вам стекаются сведения. Так вы считаете, что убил кто-то из них двоих?

На ее конторке стоял большой букет мимоз и мешочек с конфетами, который она протянула комиссару.

- Здесь у нас так редко что-нибудь случается! Что касается господина Филиппа, то я забыла вам сказать: он много пишет. Я, конечно, писем его не читаю. Он бросает их в ящик, но я узнаю его почерк и чернила. Не знаю почему, но он пользуется только зелеными.

- Кому же он пишет?
- Фамилий не помню, но пишет он всегда в Париж. Время от времени отправляет письмо своей матери. Письма, которые он посылает в Париж, гораздо толще.
- А много корреспонденции он получает?
- Довольно много. Кроме того, журналы и газеты. Ежедневно для него приходит что-нибудь печатное.
- Ну а миссис Уилкоккс?
- Она тоже много пишет: в Англию, на Капри, в Египет. Я особенно запомнила Египет, потому что позволила себе попросить у нее марки для моего племянника.
- По телефону она звонит?
- Звонила раза два-три из кабины и всегда заказывала Лондон. К сожалению, я не понимаю по-английски. - И добавила:
- Я сейчас буду закрывать. Мне полагается закрыть, уже пять. Но если вы хотите остаться, чтобы ждать разговора...
- Какого разговора?
- А разве месье Люка не сказал, что он позвонит вам, как только получит сведения из Остенде? Вероятно, она была не опасна, однако во избежание разговоров Мегрэ предпочел не оставаться с ней наедине. Аглая была удивительно любопытна. Например, она задала ему такой вопрос:
- А своей жене вы не будете звонить?

Мегрэ предупредил ее, что, если его вызовут по телефону, он будет на площади, недалеко от "Ковчега", и, покуривая трубку, спокойно спустился к тому месту, где разыгрывалась партия в шары. Теперь он мог вести себя совершенно непринужденно, ведь рядом не было м-ра Пайка, который наблюдал за каждым его словом и жестом. Ему тоже очень хотелось поиграть в петанк, и он несколько раз задавал вопросы относительно правил игры.

Комиссар был очень удивлен, когда убедился, что дантист, которого все называли Леоном, оказался первоклассным игроком. Сделав вприпрыжку три шага, он попадал на расстоянии двадцати метров в шар противника, который откатывался вдаль, а сам зубной врач принимал скромный вид, как будто считал свой подвиг чем-то совершенно естественным.

***

Комиссар зашел в кафе выпить стаканчик белого и застал Шарло у игрового автомата, в то время как его приятельница, сидя на банкетке, рассматривала иллюстрированный журнал.

- А где же ваш приятель? - удивился Поль.

Для м-ра Пайка это, наверное, тоже было чем-то вроде отпуска. Он находился в обществе соотечественника.

Мог говорить на родном языке, употребляя выражения и остроты, понятные только бывшим воспитанникам одного и того же колледжа.

Предвидеть прибытие "Баклана" было нетрудно.

Каждый раз наблюдалось одно и то же: на площади словно возникало некое течение, устремлявшееся вниз, к морю. Проходили люди, все они направлялись к гавани. Потом, когда катер подваливал к причалу, наступал как бы отлив. Те же люди проходили в обратном направлении, а вместе с ними вновь прибывшие с чемоданами и пакетами.

Мегрэ тоже пошел по направлению к морю, рядом с мэром, толкавшим свою неизменную ручную тележку. Он сразу увидел на палубе "Баклана" инспектора и Жинетту, которых можно

было принять за двух приятелей. Там были и рыбаки, возвращавшиеся с похорон, и две старые девы, туристки, направлявшиеся в "Гранд-отель".

В группе людей, встречавших "Баклан", комиссар узнал Шарло, который пришел вслед за ним и так же, как он, выполнял, казалось, некий ритуал, сам не очень-то в него веря.

Ничего новенького, шеф? - поинтересовался Леша, едва ступив на берег. - Если бы вы знали, какая там жара!

- Все прошло хорошо?

Жинетта, конечно, оставалась с ними. Она казалась очень усталой. Во взгляде ее сквозила тревога.

Все трое направились к "Ковчегу", и Мегрэ казалось, что он уже с давних пор ежедневно проходит этот путь.

- Хотите пить, Жинетта?

- Охотно выпила бы аперитив.

Они пили его вместе, на террасе, и Жинетта всякий раз смущалась, когда чувствовала на себе взгляд Мегрэ.

А он задумчиво уставился на нее, как человек, мысли которого далеко.

- Я поднимусь к себе, - сказала она, ставя на стол пустую рюмку.

- Вы позволите мне подняться вместе с вами?

Леша, почуяв что-то новое, пытался отгадать, в чем дело, но не осмеливался задавать комиссару вопросы.

Он остался за столиком, а Мегрэ поднялся по лестнице вслед за Жинеттой.

- Знаете, - сказала она, когда они вошли в комнату, - я ведь действительно хочу переодеться.

- Это меня не стесняет.

Она пыталась пошутить:

- А если стесняет меня? - Однако она тут же сняла шляпу. - Все-таки мне очень тяжело. По-моему, Марселен жил здесь счастливо.

Должно быть, по вечерам в это время Марселей тоже играл в шары на площади в лучах заходящего солнца.

- Все были с ним очень милы. Его здесь любили.

Она поспешно сняла корсет, оставивший глубокие следы на ее молочно-белой коже. Мегрэ, повернувшись к ней спиной, смотрел в окошко.

- Вы помните вопрос, который я вам задал? - спросил он безразличным тоном.

- Вы несколько раз его повторяли. Никогда бы не подумала, что вы можете быть таким резким.

- А я, со своей стороны, никогда бы не подумал, что вы будете пытаться что-то от меня скрыть.

- Разве я от вас что-нибудь скрыла?

- Я вас спрашивал, почему вы приехали сюда, на Поркероль, хотя знали, что тело Марселена уже перевезено в Йер?

- А я вам ответила.

- Вы мне солгали.

- Не понимаю, что вы имеете в виду.

- Почему вы не сказали мне о телефонном звонке?

- О каком звонке?

- О том, что Марселей звонил вам накануне смерти.

- Я совсем забыла про это.

- И про телеграмму тоже?

Мегрэ, не оборачиваясь, знал, как она реагирует на его слова, и продолжал следить за партией в шары, которая разыгрывалась неподалеку от террасы. Оттуда доносился гул голосов. Слышался звон стаканов.

Он чувствовал себя спокойно, уверенно, да и м-ра Пайка не было рядом.

- О чем вы думаете?

- Я думаю о том, что поступила не правильно, и вы это прекрасно знаете.

- Вы уже оделись?

- Сейчас, только надену платье.

Комиссар направился к двери и приоткрыл ее, желая убедиться, что в коридоре никого нет. Когда он вернулся на середину комнаты, Жинетта стояла перед зеркалом и причесывалась.

- Вы ни с кем не говорили о "Ларуссе"?

- А с кем мне было говорить?

- Не знаю. Например, с господином Эмилем или Шарло.

- Не такая уж я дура, чтобы говорить про это.

- Потому что хотели сделать то, что не удалось Марселену? Знаете, Жинетта, вы ведь очень своекорыстны.

- Это всегда говорят женщинам, которые пытаются обеспечить свое будущее. - В голосе ее вдруг почувствовалась горечь.

- Я думаю, вы скоро выйдете замуж за господина Эмиля?

- При условии, что Жюстина решится умереть и в последний момент не оставит таких распоряжений, которые помешают ее сыну на ком-либо жениться. Только не думайте, что я это сделаю с большой радостью!

- Словом, если бы комбинация Марселена удалась, вы не стали бы выходить замуж?

- Во всяком случае, не за этого зануду.

- Тогда вы бросили бы свое заведение в Ницце?

- Ни минуты не задумываясь, клянусь вам.

- И что бы вы стали делать?

- Уехала бы в деревню. Все равно куда. Разводила бы цыплят и кроликов.

- Что же Марселей сказал вам по телефону?

- Вы снова скажете, что я лгу.

Он пристально посмотрел на нее и уронил:

- Теперь уж нет.

- Ладно! Наконец-то вы стали мне верить! Так вот, он мне сказал, что случайно попал на замечательное дело. Именно так он и выразился. И еще добавил, что на этом деле можно сорвать большой куш, но он еще окончательно не решил.

- Он ни на кого не намекал?

- Нет. Но я не помню, чтобы он когда-нибудь напускал на себя такую таинственность. Ему нужна была справка. Он меня спросил, нет ли у нас в доме "Большого Ларусса". Я ответила, что в нашем доме таких книг не держат. Тогда он стал настаивать, чтобы я пошла в муниципальную библиотеку и посмотрела.

- Что же ему хотелось узнать?

- Ну что ж, была не была! Все равно вы до всего уже дознались, и у меня не осталось никаких шансов.

- Неужели никаких?

- К тому же я в этом деле ничего не поняла. Мне казалось, что если я приеду сюда, то здесь на месте что-нибудь придумаю.

- Кто же умер в тысяча восемьсот девяностом году?

- Значит, вам показали телеграмму? Так он ее не уничтожил?

- На почте, как обычно, сохранилась копия.

- Какой-то Ван-Гог, художник. Я прочитала, что он покончил с собой. Он был очень бедный, а теперь за его полотна дерутся, и стоят они Бог знает сколько. Я думала, уж не отыскал ли Марсель какую-нибудь из его картин.

- А это было не так?

- Думаю, что нет. Когда он мне звонил, он даже не знал, что этот господин умер.

- Что же вы тогда подумали?

- Клянусь вам, я ничего не поняла. Я только подумала, что раз Марсель с помощью этих сведений может загрести деньги, то почему это не могу сделать я. Но это пришло мне в голову, только когда Марселя уже убили.

Ведь для своего удовольствия никого не убивают. У Марселя не было врагов. У него нечего было украсть. Понимаете?

- Вы полагаете, что преступление связано с картиной Ван-Гога? - В голосе Мегрэ не было иронии. Он сидел, глядя в окно и покуривая трубку. - Вы, безусловно, были правы, - добавил он.

- Теперь поздно. Раз вы уж здесь, мне все это ни к чему. А вам все еще нужно, чтобы я оставалась на острове? Учтите, для меня это отдых от работы, а пока вы меня здесь задерживаете, старая хрычовка ничего не может сказать.

- В таком случае оставайтесь.

- Благодарю вас. Вы опять становитесь таким, каким я вас знала в Париже.

Он не дал себе труда ответить ей комплиментом.

- А теперь отдыхайте.

Мегрэ спустился с лестницы, прошел мимо Шарло, который бросил на него насмешливый взгляд, и уселся на террасе рядом с Леша.

Наступило самое сладостное время дня. Весь остров отдыхал, и море вокруг него, и деревья, и скалы, и даже почва под ногами прохожих на площади теперь, когда спала дневная жара, казалось, дышали в ином ритме.

- Узнали что-нибудь новое, шеф?

Мегрэ попросил проходившую мимо Жожо принести ему чего-нибудь выпить.

- Боюсь, что да, - ответил он наконец, вздыхая.

И так как инспектор посмотрел на него с удивлением, продолжал:

- Я хочу сказать, что мне, конечно, не придется здесь долго оставаться. А тут так хорошо, не правда ли? Но ведь, с другой стороны, есть еще и мистер Пайк.

Не лучше ли из-за м-ра Пайка и из-за того, что он станет рассказывать в Скотленд-Ярде, быстро и с успехом закончить дело?

- Господин Мегрэ, Париж на проводе.

Видимо, Люка получил информацию из Остенде.

Глава 8

М-Р ПАЙК И БАБУШКА

Было воскресенье и настолько воскресное, что от этого чуть ли не тошнило. Полусерьезно-полушутя Мегрэ всегда охотно утверждал, что у него есть способность чувствовать воскресенье, еще не встав с кровати, даже еще не открыв глаза.

Здесь с колоколами творилось нечто невообразимое.

Однако это были не настоящие церковные колокола, а тонкоголосые, легкие, как те, что бывают в часовнях и монастырях. Вероятно, воздух здесь был чище, плотнее, чем всюду. Было хорошо слышно, как язык колокола ударял по бронзе, извлекая из нее какую-то маленькую ноту, но тут-то и начиналось удивительное.

Первое звено звуков вырисовывалось в бледном и еще свежем небе, расширялось несмело, как кольцо табачного дыма, принимало совершенную форму круга, из которого, словно по волшебству, выходили другие круги, все крупнее, все чище. Звуковые круги уходили за пределы площади, домов, распространялись за гавань и разносились далеко над морем, где покачивались маленькие лодки. Чувствовалось, что звуки летят над холмами и скалами, и они еще не успевали замереть, как язык снова ударял по металлу, и возникали другие звуковые круги; они опять множились, рождая все новые и новые, и их слушали с таким же невинным изумлением, с каким смотрят на фейерверк.

Даже в простом звуке шагов по неровной почве площади было что-то пасхальное, и Мегрэ, бросив взгляд в окно, ожидал увидеть девочек, пришедших к первому причастию и путающихся маленькими ножками в своих длинных вуалях.

Как и накануне, он надел туфли, брюки, накинул пиджак поверх ночной рубашки с воротом, вышитым красным шелком, спустился по лестнице, вошел в кухню и был разочарован. Он бессознательно хотел, чтобы повторилось вчерашнее утро, хотел сесть у плиты возле Жожо, приготавливающей кофе, увидеть прозрачный прямоугольник открытой двери. Но сегодня здесь уже было с полдюжины рыбаков. На пол была опрокинута целая корзина рыбы: розовые морские ежи, синие и зеленые рыбины, нечто вроде морской змеи, с красными и желтыми пятнышками, названия которых Мегрэ не знал. Еще живые, они обвивались вокруг ножки стула.

- Желаете чашку кофе, господин Мегрэ?

Его обслуживала не Жожо, а сам хозяин. Может быть, потому, что было воскресенье, Мегрэ чувствовал себя как ребенок, которого лишили обещанного удовольствия.

С ним это бывало, в особенности по утрам, когда он подходил к зеркалу, чтобы побриться. Он смотрел на свое широкое лицо, на большие глаза, под которыми часто появлялись мешки, на поредевшие волосы.

Нарочно, словно для того, чтобы напугать самого себя, принимал строгий вид. Говорил себе:

- Вот господин дивизионный комиссар!

Кто посмел бы не принимать его всерьез? Множество людей с нечистой совестью дрожали при упоминании его имени. Он обладал властью допрашивать их до тех пор, пока они не закричат от страха, посадить в тюрьму, послать на гильотину.

На этом самом острове находится некий человек, который так же, как он, слышит звон колоколов, дышит воскресным воздухом, человек, который еще накануне вечером пил вино в том же ресторане, что и он, и который через несколько дней будет раз и навсегда заперт в четырех стенах.

Мегрэ проглотил чашку кофе, налил другую, отнес ее к себе в комнату; он с трудом мог поверить, что все это серьезно: еще так недавно он носил короткие штанишки и утром, по

морозцу, с закоченевшими от холода пальцами переходил площадь у себя в деревне, чтобы прислуживать во время мессы в маленькой церкви, освещенной только восковыми свечами.

Теперь он был взрослым, и никто этому не удивлялся; только он сам время от времени с трудом мог представить себе, что это действительно так.

Может быть, и у других иногда возникает такое же ощущение? Например, м-р Пайк: не спрашивает ли он себя иногда, как люди могут принимать его всерьез? Не возникает ли у него порой, хотя бы изредка, такое ощущение, словно все это только игра, "жизнь в шутку"?

А майор? Может быть, он просто толстый мальчишка, какие бывают в каждом классе, пухлый и сонный, над которым даже учитель невольно начинает подсмеиваться?

Вчера вечером, незадолго до происшествия с Политом, м-р Пайк произнес ужасную фразу: это было внизу, когда почти все, как и накануне вечером, собрались в "Ковчеге". Естественно, инспектор Скотленд-Ярда сел за столик майора, и в эту минуту оба они, несмотря на разницу в возрасте и телосложении, казалось, принадлежали к одной семье. Им не только привили в колледже одинаковые манеры, но и позже, Бог знает где, они научились одинаково вести себя после выпивки.

Они не были грустны, скорее охвачены тоской по родине и держались как бы отчужденно. Они производили впечатление двух "боженек", с меланхолическим снисхождением вззирающих на мирскую суету. Когда Мегрэ подсел к ним, м-р Пайк вздохнул:

- На прошлой неделе она стала бабушкой.

Он не смотрел на ту, о ком говорил, имя которой всегда избегал называть. Но речь могла идти только о м-с Уилкокс. Она была здесь, в другом конце зала, и сидела на банкетке в обществе Филиппа. Голландец с Анной занимали соседний столик.

М-р Пайк помолчал, потом прибавил уже не таким бесстрастным голосом:

- Ее дочь и зять не позволяют ей показываться в Англии. Майор хорошо их знает.

Бедная старушка! Потому что вдруг обнаружилось, что м-с Уилкокс в действительности старая женщина. Не хотелось даже насмеяться над ее косметикой, над ее крашеными волосами - у корней они были седыми - и над ее искусственным возбуждением.

Это была бабушка, и Мегрэ в тот момент вспомнил свою: он попытался представить себе, как бы он реагировал в детстве, если бы ему показали такую женщину, как м-с Уилкокс, и предложили: "Пойди поцелуй бабушку!"

Ей запрещали жить на родине, и она не протестовала. Она прекрасно знала, что последнее слово будет не за ней и что она окажется не правой. Как те пьяницы, которым дают только строго определенную сумму карманных денег и которые пытаются плутовать, стреляя рюмку то здесь, то там.

Случалось ли ей, как случается пьяницам, расчувствоваться, думая о своей судьбе, и плакать в одиночестве, забившись в угол?

Может быть, с ней это бывает, когда она много выпьет? Филипп в случае надобности наливал ей рюмку, в то время как Анна, сидя на своей банкетке, думала только об одном: когда же наконец она пойдет спать?

Мегрэ брился. Он не мог попасть в единственную ванную, которую заняла Жинетта.

Время от времени он бросал взгляд на площадь, которая была уже не того цвета, как в прежние дни. Кюре как раз служил заутреню. У него в деревне кюре справлялся с этим так быстро, что юный Мегрэ едва успевал бросать ему ответные возгласы, бегом поспевая подавать церковные сосуды.

Странная у него профессия! Ведь он такой же человек, как другие, а у него в руках судьба других.

Вчера вечером он по очереди рассматривал их всех, выпив немного, как раз столько, чтобы чувства слегка обострились. Де Греф со своим четким профилем временами поглядывал на него, не скрывая иронии, и, казалось, бросал ему вызов. Филипп, несмотря на свое громкое имя и своих предков, был слеплен из более грубого теста и старался соблюдать внешнее достоинство всякий раз, как м-с Уилкоккс приказывала ему что-нибудь, словно лакею.

Вероятно, он мстил ей в другое время, в этом можно было не сомневаться, но пока что ему приходилось публично терпеть унижения.

Вчера он стерпел такое, что всем вокруг стало неловко. Бедному Поллу, который, к счастью, не знал, кто нанес удар Филиппу, еле-еле удалось немного поднять общее настроение.

Там, внизу, они, наверное, говорили об этом. На острове о таком происшествии, вероятно, будут говорить весь день. Разболтает ли Полит о своем подвиге?

Теперь это уже не имело значения.

Полит стоял у стойки, со своей капитанской фуражкой на голове; он уже опустошил некоторое количество рюмок; голос его звучал так громко, что заглушал все разговоры. По приказанию м-с Уилкоккс Филипп пересек зал, чтобы завести проигрыватель; ему это приходилось делать часто.

Тогда, перемигнувшись с Мегрэ, Полит тоже направился к проигрывателю и остановил его. Потом он повернулся к Морикуру и с саркастическим видом посмотрел ему в глаза.

Филипп, не протестуя, сделал вид, что не заметил этого.

- Я не люблю, когда на меня так смотрят! - отчеканил тогда Полит, сделав несколько шагов по направлению к Филиппу.

- Но... Я ведь даже не смотрю на вас...

- Вы не достаиваете меня взглядом?

- Я этого не говорил.

- Думаете, я не понимаю?

М-с Уилкоккс прошептала что-то по-английски своему соседу. М-р Пайк нахмурил брови.

- Может быть, я недостаточно хорош для вас? Жалкий сутенеришка!

Филипп сильно покраснел, но не двигался с места, стараясь смотреть в другую сторону.

- Попробуйте повторить, что я недостаточно хорош для вас?

В тот же миг де Греф быстро посмотрел на Мегрэ каким-то особенно острым взглядом. Неужели он понял? Леша, ничего не подозревая, хотел подняться и встать между ними, и Мегрэ пришлось схватить его под столом за руку.

- Что вы скажете, если я попорчу вашу хорошенькую мордашку? Что вы на это скажете?

Тут Полит, по-видимому считая, что достаточно подготовил себе путь, размахнулся и ударил Филиппа по лицу.

Тот поднес руку к носу. Но этим и ограничился. Он не пытался ни защищаться, ни напасть в свою очередь.

Он только пробормотал:

- Я вам ничего не сделал.

М-с Уилкоккс кричала, повернувшись к прилавку:

- Месье Поль! Месье Поль! Выбросьте вон этого громилу! Безобразие!

Ее акцент придавал особую сочность словам "громила" и "безобразие".

- Что касается вас... - начал Полит, повернувшись к голландцу.

Здесь реакция была совсем иной. Не поднимаясь с места, де Греф напряжился и уронил:

- А ну-ка, попробуй, Полит!

Чувствовалось, что он не даст себя в обиду, что он готов ринуться на обидчика, что мышцы его напряжены.

Наконец вмешался Поль:

- Успокойся, Полит. Выйди на минутку на кухню.

Мне надо с тобой поговорить.

Капитан позволил увести себя, упираясь только для виду.

Леша, который не совсем понял, все же задумчиво спросил:

- Что это может значить, шеф?

Мегрэ не ответил. Он принял как можно более добродушный вид, когда инспектор Скотленд-Ярда посмотрел ему в глаза.

Поль стал извиняться, как принято. Полит больше не появлялся, его вывели через заднюю дверь. Сегодня он будет расхаживать с геройским видом.

Ясно было одно: Филипп не стал защищаться. Лицо его на мгновение выразило страх, физический страх, который зарождается в глубине живота и преодолеть который он был не в силах.

После этого он беспрестанно пил, мрачно глядя перед собой, и в конце концов м-с Уилкоккс увела его.

Больше ничего не произошло. Шарло со своей танцовщицей пошли спать довольно рано, и, когда Мегрэ тоже поднялся к себе в комнату, они еще не заснули. Жинетта и г-н Эмиль вполголоса болтали между собой. Никто больше не поставил всем выпить - может быть, из-за недавнего происшествия?

***

- Входи, Леша! - крикнул комиссар через дверь.

Инспектор был уже готов.

- Мистер Пайк пошел купаться?

- Он внизу, ест яичницу с беконом. Я ходил смотреть, как отчаливает "Баклан".

- Не заметил ничего особенного?

- Ничего. По воскресеньям сюда приезжает много народу из Йера и Тулона. Все устремляются на пляжи и усеивают их банками от сардин и пустыми бутылками. Через час начнется высадка.

Сведения из Остенде не дали ничего неожиданного. Г-н Бебельманс, отец Анны, оказался важной персоной: долго был мэром города и однажды даже выставил свою кандидатуру на выборах в Национальное собрание. После отъезда дочери запретил произносить при нем ее имя. Когда умерла его жена, Анне даже не сообщили об этом.

- Можно сказать, что здесь встречаются все, кто по той или иной причине сбился с пути, - заметил Мегрэ, надевая пиджак.

- Дело скорее в здешнем климате, - возразил инспектор, которого мало тревожили подобные вопросы. - Я сегодня уже проверил один револьвер.

Леша добросовестно выполнял свои обязанности. Выяснил, у кого на острове есть револьверы. И по очереди ходил к этим людям, осматривая их оружие, не особенно надеясь что-нибудь выяснить, а просто потому, что так уж положено.

- Что сегодня будем делать?

Мегрэ, направлявшийся к двери, медлил с ответом.

Они спустились к м-ру Пайку, сидевшему за столиком.

- Я полагаю, вы протестант? - осведомился Мегрэ. - В таком случае, вы не пойдете к воскресной обедне?

- Я протестант, и я уже был у заутрени.

Будь здесь только синагога, он, может быть, точно так же пошел бы туда, чтобы присутствовать на какой угодно церковной службе, потому что было воскресенье.

- Не знаю, захотите ли вы пойти со мной. Сейчас я должен посетить одну даму, с которой вы не очень любите встречаться.

- Вы пойдете на яхту?

Мегрэ кивнул головой, и м-р Пайк отодвинув свою тарелку, взял соломенную шляпу, которую купил накануне в лавке мэра, потому что он уже обжегся на солнце и лицо у него стало почти таким же красным, как у майора.

- Вы идете со мной?

- Может быть, вам понадобится переводчик.

- Мне тоже идти? - спросил Леша.

- Да, я хотел бы, чтоб и ты пошел. Ты умеешь грести?

- Я же родился на берегу моря.

Они зашагали к гавани. Инспектор попросил у одного из рыбаков разрешения воспользоваться шляпкой, и все трое уселись в нее. Им было видно, как Анна и де Греф завтракают на палубе своей лодочки.

По случаю воскресенья море тоже принарядилось, оделось в муаровый атлас, и с каждым ударом весел на солнце сверкали жемчужины. "Баклан" стоял по другую сторону пролива у мыса Жьен, дожидаясь выходявших из автобуса пассажиров. Видно было дно моря, лиловые морские ежи в углублениях скал, иногда стрелой проносились морские окуни; колокола призывали к воскресной обедне, и во всех домах, наверное, пахло кофе и духами, которыми женщины опрыскивали выходные платья.

"Северная звезда" показалась Мегрэ и его спутникам гораздо больше и выше, когда они подплыли к ней вплотную; Леша запрокинул голову и окликнул:

- Эй, на яхте!

Прошло несколько минут, пока через борт не перегнулся матрос, одна щека которого была покрыта мыльной пеной: в руке он держал бритву.

- Можно видеть вашу хозяйку?

- А вы не можете вернуться сюда через час или два?

М-ру Пайку, видимо, стало неловко; Мегрэ помолчал немного, думая о "бабушке".

- Если можно, мы подождем на палубе, - сказал он матросу. - Поднимайся, Леша.

Один за другим они поднялись по трапу. На палубном тенте были иллюминаторы, вделанные в медные кольца, и Мегрэ заметил, что к одному из них на мгновение прильнуло женское лицо, которое затем исчезло в полумраке.

Еще через секунду открылся люк, ведущий в каюту, и показалась голова Филиппа с растрепанной шевелюрой, с глазами, еще припухшими от сна.

- Что вам нужно? - с неудовольствием спросил он.

- Поговорить с миссис Уилкокс.

- Она еще спит.

- Это не правда. Я ее видел.

На Филиппе была шелковая пижама в голубую полоску. Чтобы попасть в каюты, нужно было спуститься на несколько ступеней, и Мегрэ, неповоротливый и упрямый, не стал дожидаться приглашения.

- Вы позволите?

На яхте царила любопытная смесь роскоши и неряшества, утонченности и грязи. Палуба была тщательно надраена, все медные части сверкали, канаты аккуратно свернуты, рубка с компасом и мореходными инструментами сияла, как голландская кухня.

Спустившись по трапу, они очутились в каюте. Переборки из красного дерева, стол, привинченный к полу, две банкетки, обитые красной кожей, а на столе невымытые стаканы, куски хлеба, початая банка сардин, игральные карты... В каюте стоял отвратительный смешанный запах алкоголя и несвежей постели.

Должно быть, дверь в соседнюю каюту, служившую спальней, поспешно закрыли, и м-с Уилкоккс, убегая, забыла на полу атласную туфлю.

- Прошу прощения, что побеспокоил, - вежливо сказал Мегрэ Филиппу. - Вы, вероятно, завтракали?

Он без иронии посмотрел на недопитые бутылки с английским пивом, надкусанный хлеб, масло, завернутое в бумагу.

- Это что, обыск? - спросил молодой человек, приглаживая рукой волосы.

- Считайте, как хотите. Я до сих пор полагал, что это просто визит.

- В такой ранний час?

- Многие в такой час уже успели устать.

- Миссис Уилкоккс привыкла вставать поздно.

За дверью был слышен плеск воды. Филиппу хотелось привести себя в более приличный вид, но для этого пришлось бы показать посетителям слишком интимный беспорядок, царивший в другой каюте. У него не было под рукой халата. Его пижама измялась. Он машинально выпил глоток пива. Леша, согласно инструкции комиссара, остался на палубе и должен был заняться обоими матросами.

Как и предполагал Мегрэ, они были не англичане: их наняли в Ницце, и, судя по акценту, они, вероятно, происходили из Италии.

- Садитесь, мистер Пайк, - сказал Мегрэ, потому что Филипп забыл предложить им сесть.

Бабушка Мегрэ всегда ходила к ранней мессе в шесть утра, и когда вся семья вставала, она уже была дома, в черном шелковом платье, с белым чепцом на голове; в камине пылал огонь; завтрак был накрыт на белой накрахмаленной скатерти.

Иные здешние старушки тоже побывали у заутрени, а другие пересекали теперь площадь по диагонали, направляясь к распахнутым вратам церкви, откуда пахло ладаном.

А м-с Уилкоккс уже выпила пива, и утром стала заметнее седина у пробора ее крашенных волос. Она ходила взад и вперед за переборкой и ничем не могла помочь своему секретарю.

А он, с небольшим кровоподтеком на щеке в том месте, куда его накануне ударил Полит, был похож в своей полосатой пижаме на надувшегося школьника.

Ведь если в каждом классе среди учеников есть один толстый мальчик, похожий на резиновый шарик, там всегда есть также ученик, который проводит все перемены молча в своем углу и про которого товарищи говорят: "Это ябеда!"

На стенках висели гравюры, но комиссар не мог судить об их качестве. Иные были довольно легкомысленны, оставаясь, однако, в пределах хорошего вкуса.

М-р Пайк и Мегрэ сидели, словно в зале ожидания, и англичанин держал на коленях свою соломенную шляпу.

В конце концов Мегрэ закурил трубку.

Сколько лет вашей матери, господин де Морикур?

- Почему вы это спрашиваете?

- Просто так. Если судить по вашему возрасту, ей должно быть лет пятьдесят.

- Сорок пять. Она была очень молода, когда я родился. Она вышла замуж в шестнадцать лет.

- Миссис Уилкоккс старше ее, правда?

М-р Пайк опустил голову. Казалось, комиссар нарочно старается сгустить царящую неловкость. Леша чувствовал себя лучше: он был на воздухе и, сидя на поручнях, болтал с одним из матросов, который чистил ногти.

Наконец кто-то приблизился к двери, и она отворилась. Вошла м-с Уилкоккс; она быстро закрыла за собой дверь, чтобы скрыть царивший в каюте беспорядок.

Она успела одеться и подмазаться, но лицо ее под толстым слоем косметики оставалось опухшим, глаза смотрели тревожно.

Должно быть, у нее был жалкий вид по утрам, когда она старалась перебить вкус перегара во рту бутылкой крепкого пива.

"Бабушка..." - невольно подумал Мегрэ.

Он встал, поклонился, представил спутника:

- Вы, может быть, знакомы с мистером Пайком?

Это ваш соотечественник. Он служит в Скотленд-Ярде.

Но здесь он не в командировке. Простите, что я побеспокоил вас так рано, миссис Уилкоккс.

Несмотря ни на что, она оставалась светской дамой и взглядом она дала понять Филиппу, что вид у него неприличный.

- Вы позволите мне пойти одеться? - спросил тот, злобно взглянув на комиссара.

- Может быть, тогда вы почувствуете себя спокойнее.

- Садитесь, господа. Могу я предложить вам что-нибудь?

Она заметила, что Мегрэ потушил трубку.

- Курите, пожалуйста. Я, кстати, тоже закурю сигарету. - Ей наконец удалось улыбнуться. - Простите, тут такой беспорядок, но яхта ведь не дом и здесь мало места.

Что думал м-р Пайк в этот момент? Что его французский коллега грубиян и скотина?

Весьма возможно. Мегрэ, впрочем, тоже не слишком гордился той работой, которую ему приходилось выполнять.

- Вы, кажется, знакомы с Жефом де Грефом, миссис Уилкоккс?

- Это способный молодой человек, и Анна очень мила. Они несколько раз были на яхте.

- Говорят, он талантливый художник.

- По-моему, да. Мне представился случай купить у него картину, и я с удовольствием показала бы ее вам, если бы не отправила к себе на виллу во Фьезоле.

- У вас есть вилла в Италии?

- О, совсем скромная. Но она великолепно расположена, на холме, из окон видна вся панорама Флоренции. Вы были во Флоренции, господин комиссар?

- Не имел удовольствия.

- Я живу там несколько месяцев в году и посылаю туда все, что мне случается купить во время моего бродяжничества.

Ей показалось, что она снова чувствует почву под ногами.

- Не хотите ли все-таки чего-нибудь выпить?

Ее, видимо, мучила жажда, и она косилась на пиво, которое не успела докончить, а теперь не решалась пить одна.

- Не попробуете ли это пиво? Я выписываю его прямо из Англии.

Мегрэ согласился, чтобы сделать ей приятное. Она стала доставать бутылки из стенного шкафа, куда был встроен холодильник. Большинство переборок в каюте представляли собой шкафы, а в каждой банкетке был скрыт сундук.

- Вы много покупаете во время своих скитаний, не так ли?

Она засмеялась.

- Кто вам это сказал? Я покупаю, потому что мне доставляет удовольствие покупать, это правда. В Стамбуле, например, меня всегда соблазняет что-нибудь у торговцев на базаре. Я возвращаюсь на яхту с ужасной дрянью. Здесь мне это кажется красивым. Но потом, когда я приезжаю на виллу и нахожу эти вещи...

- Вы встретили Жефа де Грефа в Париже?

- Нет, только здесь, недавно.

- А своего секретаря?

- Он со мной уже два года. Это очень культурный молодой человек. Мы познакомились в Канне.

- Он там работал?

- Он посылал репортажи в одну парижскую газету.

Морикур, наверное, подслушивал за переборкой.

- Вы превосходно говорите по-французски, миссис Уилкокс.

- Я одно время училась в Париже. Гувернантка у меня была француженка.

- Марселей часто приходил на яхту?

- Разумеется. По-моему, на яхте побывали почти все жители острова.

- Вы помните ту ночь, когда его убили?

- Кажется, помню.

Мегрэ посмотрел на ее руки: они не дрожали.

- Он много говорил обо мне в тот вечер.

- Мне об этом рассказывали. Я не знала, кто вы такой. Я спросила у Филиппа.

- А господин де Морикур знал?

- Оказывается, вы знаменитость.

- Когда вы покинули "Ноев ковчег"...

- Я вас слушаю.

- Марселей уже ушел оттуда?

- Этого я не могу вам сказать. Я знаю, что мы добирались до гавани, двигаясь вдоль самых домов, - такой сильный был мистраль. Я даже думала, что нам не удастся добраться до яхты.

- Вы с господином де Морикуром сразу же сели в лодку?

- Сразу же. Что бы мы еще стали делать? Вот теперь я вспомнила, что Марселей проводил нас до шлюпки.

- Вы никого не встретили?
- В такую погоду на улице, вероятно, никого не было.
- А де Греф и Анна уже вернулись к себе на лодку?
- Возможно. Не помню. Впрочем, подождите...

И тут Мегрэ с изумлением услышал голос м-ра Пайка, который впервые позволил себе вмешаться в расследование. Человек из Скотленд-Ярда сказал внушительно, но как бы не придавая этому значения:

- В Англии, миссис Уилкокс, мы были бы обязаны напомнить вам, что каждое слово, произнесенное вами, может свидетельствовать против вас.

Она с изумлением посмотрела на него, посмотрела на Мегрэ, и в глазах ее появилось смятение.

- Так это допрос? - спросила она. - Но, скажите, господин комиссар... Я полагаю, вы не подозреваете нас с Филиппом в том, что мы убили этого человека?

Мегрэ помолчал, внимательно разглядывая свою трубку.

- Я никого не подозреваю а priori <Заранее (лат.)>, миссис Уилкокс. Однако это допрос, и вы имеете право не отвечать мне.

- Почему бы я не стала вам отвечать? Мы сразу же вернулись на яхту. У нас даже набралась вода в шлюпку, и пришлось уцепиться за трап, чтобы подняться на борт.

- Филипп больше не уходил с яхты?

В глазах ее отразилось колебание. Ее стесняло присутствие соотечественника.

- Мы сразу же легли, и он не мог уйти с яхты так, чтобы я этого не слышала.

Филипп выбрал как раз этот момент, чтобы появиться в белых шерстяных брюках, с только что зажженной сигаретой в зубах. Он хотел казаться смелым и обратился прямо к Мегрэ:

- У вас есть ко мне вопросы, господин комиссар?

Мегрэ сделал вид, что не замечает его.

- Вы часто покупаете картины, сударыня?

- Довольно часто. Это одно из моих хобби. Конечно, у меня нет того, что называется картинной галереей, но есть довольно хорошие вещи.

- Во Фьезоле?

- Да, во Фьезоле.

- Итальянские мастера?

- Ну, до этого мне далеко. Я скромнее и довольствуюсь более современными картинами.

- Например, Сезанном или Ренуаром?

- У меня есть очаровательный маленький Ренуар.

- А Дега, Мане, Моне?

- Есть один рисунок Дега, "Балерина".

- А Ван-Гог?

Мегрэ не смотрел на нее, а устремил взгляд на Филиппа, который, казалось, проглотил слюну и уставился глазами в одну точку.

- Я как раз только что купила картину Ван-Гога.

- Сколько времени назад?

- Несколько дней. Когда мы ездили в Йер, чтобы отправить ее, Филипп?

- Точно не помню, - ответил тот почти беззвучно.

Мегрэ помог им.

- Не было ли это за день или два до убийства Марселена?

- За два дня, - сказала она. - Я вспомнила.

- Вы здесь нашли эту картину?

Она не догадалась подумать и секундой позже уже кусала губы с досады, что ответила сразу.

- Филипп через своего приятеля... - начала она.

Трое мужчин молчали. Она вдруг поняла, посмотрела на всех по очереди и воскликнула:

- Что это значит, Филипп?

Она вскочила и подошла к комиссару.

- Вы не хотите сказать?.. Объяснитесь! Да говорите же! Почему вы замолчали? Филипп? Что это?..

Тот по-прежнему не шевелился.

- Прошу прощения, сударыня, за то, что уведу вашего секретаря.

- Вы его арестуете? Да ведь я же говорю вам, что он был здесь, что он не покидал меня всю ночь, что...

Она посмотрела на дверь каюты, служившей спальней; чувствовалось, что она вот-вот отворит ее, покажет широкую кровать и воскликнет: "Как мог он уйти, чтобы я этого не заметила?"

Мегрэ и м-р Пайк тоже встали.

- Следуйте за мной, господин де Морикур.

- У вас есть постановление?

- Возьму у судебного следователя, если вы потребуете, но думаю, что это не понадобится.

- Вы меня арестуете?

- Пока нет.

- Куда же вы меня ведете?

- В такое место, где мы сможем спокойно разговаривать. Вам не кажется, что так будет лучше?

- Скажите, Филипп... - начала м-с Уилкоккс.

Не отдавая себе в этом отчета, она обратилась к нему по-английски. Филипп не слушал ее, не смотрел на нее, не думал о ней. Поднимаясь на палубу, не бросил на нее Даже прощального взгляда.

- Вы немного сможете от меня узнать, - сказал он Мегрэ.

- Весьма возможно.

- Вы наденете мне наручники?

"Баклан", пришвартованный у мола, высаживал одетых в светлое пассажиров. Туристы, забравшись на скалы, уже удиили рыбу.

М-р Пайк вышел из каюты последним; когда он сел в лодку, лицо его было красным. Леша, удивленный тем, что у него прибавился пассажир, не знал, что сказать.

Мегрэ, сидя на корме, опустил левую руку в воду, как бывало, когда он был маленьким и отец катал его в лодке по пруду.

Колокольный звон разносился все так же, кругами.

Глава 9

СТРОПТИВЫЕ УЧЕНИКИ МЕГРЭ

Против мелочной лавчонки они остановились и спросили у мэра ключ. Мэр был занят с покупателями и крикнул что-то жене, маленькой бледной женщине с волосами, уложенными узлом на затылке. Она долго искала ключ. Все это время Филипп стоял между Мегрэ и Пайком с упрямым и надутым видом, и это более чем когда-либо походило на сцену в школе, на наказанного строптивца ученика и неумолимого директора лицея.

Трудно было себе представить, что с "Баклана" может высадиться столько людей. Правда, сегодня утром пролив пересекли и другие катера. Пока туристы не отправились на пляжи, на площади было целое нашествие.

В полумраке кооператива можно было видеть Анну, обтянутую парео, с сеткой для провизии в руках. Де Греф сидел с Шарло на террасе "Ковчега".

Оба они видели, как Филипп прошел в сопровождении двух полицейских. Проводили их глазами. На столике перед ними стояла бутылка прохладного вина.

Наконец жена мэра принесла ключ, и через минуту Мегрэ уже открывал дверь мэрии. Он сразу же отворил и окно, потому что в зале стоял запах плесени и пыли.

Комиссар тихо сказал несколько слов Леша, и тот вышел.

- Садитесь, Морикур.

- Это приказание?

- Вот именно.

Мегрэ подвинул ему один из складных стульев, которыми пользовались во время праздника Четырнадцатого июля. Казалось, м-р Пайк понял, что при подобных обстоятельствах комиссар не любит, чтобы вокруг него стояли; он тоже поставил себе стул в уголке и уселся.

- Я полагаю, вам есть что мне сказать?

- Я арестован?

- Да.

- Я не убивал Марселена.

- Дальше.

- А дальше ничего. Я ничего не скажу. Можете допрашивать меня сколько вам угодно и применять все отвратительные способы, чтобы заставить говорить, я ничего не скажу.

Совсем как порочный мальчишка! Может быть, из-за своих утренних ощущений Мегрэ никак не удавалось принять Морикура всерьез, вбить себе в голову, что он имеет дело с мужчиной.

Комиссар не садился. Он бесцельно расхаживал взад и вперед, касался свернутого знамени, на мгновение останавливался перед окном и видел, как девочки в белом переходят площадь под надзором двух монахинь в рогатых чепцах. Он не так уж ошибся, когда подумал о первом причастии.

Жители острова в это утро ходили в чистых полотняных брюках, которые на солнце, заливавшим площадь, были роскошного глубоко-синего цвета, а белые Рубашки просто сверкали. Игроки в шары уже начали партию. Г-н Эмиль мелкими шажками направлялся к почте.

- Вы, конечно, отдаете себе отчет в том, что вы гаденыш?

Огромный Мегрэ стоял совсем близко от Филиппа, смотрел на него сверху вниз, и молодой человек инстинктивно поднял руки, чтобы защитить лицо.

- Я говорю - гаденыш, тварь, и эта тварь боится, трусит. Есть люди, которые обирают квартиры, они рискуют. А другие связываются со старухами, крадут у них редкие книги, чтобы потом продать, а если их поймают, начинают плакать, просить прощения и говорить о своей бедной матери.

Казалось, м-р Пайк старался стать как можно меньше, сидеть как можно тише, чтобы ни в чем не мешать коллеге. Не слышно было даже его дыхания, но звуки с острова проникали в открытое окно и странно смешивались с голосом комиссара.

- Кто это придумал продавать ей фальшивые картины?

- Я буду отвечать только в присутствии адвоката.

- Значит, ваша несчастная мать должна лезть из кожи, чтобы заплатить известному адвокату! Вам ведь подавай только известного адвоката, не так ли? Вы мерзкий субъект, Морикур!

Комиссар ходил по залу, заложив руки за спину, более чем когда-либо похожий на директора лица.

- В школе у меня был соученик вроде вас. Он был ябеда, как и вы. Время от времени приходилось давать ему взбучку, и, когда мы это делали во дворе, наш учитель старался повернуться к нам спиной или просто уходил подальше. Вам вчера дали взбучку, а вы даже не шевельнулись, вы остались на месте, бледный и дрожащий, возле старухи, которая вас содержит. Это я попросил Полита дать вам по физиономии, потому что мне нужно было знать, как вы будете реагировать, - я еще не был уверен.

- Вы опять собираетесь бить меня?

Морикур держался нагло, но видно было, что он дрожит от страха.

- Бывают подлецы разного сорта, Морикур, и, к несчастью, бывают такие, которых никак не удастся послать на каторгу. Я вам сразу скажу, что сделаю все, что в моих силах, чтобы вы туда отправились.

Раз десять он подходил к сидящему молодому человеку, и каждый раз тот инстинктивным жестом защищал лицо.

- Признайся, это ты придумал продавать картины.

- Вы имеете право говорить мне "ты"?

- Все равно я заставлю тебя признаться, даже если мне на это придется потратить трое суток. Я знал одного покрепче тебя. Он тоже держался нагло, когда его привели на набережную Орфевр. Также был хорошо одет. С ним долго пришлось повозиться. Нас было с полдюжины, мы сменяли друг друга. Знаешь, что с ним случилось через тридцать шесть часов? Он наделал в штаны.

Комиссар посмотрел на красивые белые брюки Морикура и вдруг резко приказал:

- Сними галстук.

- Зачем?

- Хочешь, чтобы я сам это сделал? Вот так! Теперь развяжи шнурки туфель. Вытащи их. Увидишь, что через несколько часов ты станешь похож на преступника.

- Вы не имеете права!

- Я присваиваю его себе. Ты раздумывал, как бы выкачать побольше денег из старой дуры, к которой присосался. Твой адвокат, конечно, заявит, что оставлять такие большие состояния в руках подобных женщин аморально, и будет утверждать, что для тебя обобрать ее было непреодолимым искушением. Сейчас нас это не касается. Это он скажет для присяжных. Поскольку она покупает картины и ничего в них не понимает, ты решил, что на этом можно здорово заработать, и столкнулся с де Грефом. Не ты ли и выписал его сюда, в Поркероль?

- А де Греф - это маленький святой, правда?

Это подлец другого сорта. Сколько поддельных картин он написал для твоей старухи?

- Я же предупреждал вас, что ничего не скажу.

- Картина Ван-Гога, конечно, не первая. Только вышло так, что кто-то увидел ее, когда она, наверное, была еще не совсем закончена. Марселей болтался повсюду. Он лазил на лодку де Грефа

так же, как и на борт "Северной звезды". Я полагаю, он застал голландца как раз тогда, когда тот подписывал картину не своим именем. Потом увидел ту же картину у миссис Уилкоккс, и это его озадачило. Он не сразу понял ваше мошенничество. Он не был уверен. Он никогда не слышал о Ван-Гоге и позвонил одной своей приятельнице, чтобы справиться о нем.

Филипп, надувшись, не отрывал глаз от пола.

- Я не утверждаю, что ты его убил.

- Я его не убивал.

- Ты, наверное, слишком труслив для такой работы. Марселей подумал, что поскольку вы двое хотите здорово заработать на старухе, то почему бы ему не быть третьим? Он дал вам это понять. Вы не согласились. Тогда, чтобы решить дело в ту или иную сторону, он заговорил о своем друге Мегрэ. Сколько Марселен у вас требовал?

- Не стану отвечать.

- Я не тороплюсь. В эту ночь Марселей был убит.

- У меня есть алиби.

- Правда: в час его смерти ты был в постели у бабушки.

Даже в маленьком зале мэрии слышался запах аперитивов, которые подавали на террасе "Ковчега". Де Греф, наверное, еще там. Вероятно, Анна присоединилась к нему со своими покупками. Леша, сидя за соседним столиком, наблюдает за ним и в случае надобности не позволит ему уйти.

Ну а Шарло теперь уже, конечно, понял, что он, во всяком случае, явился слишком поздно. А ведь он тоже надеялся получить свою долю.

- Собираешься отвечать, Филипп?

- Нет.

- Заметь, что я тебе ничего не вкручиваю. Я не рассказываю тебе, будто у нас есть доказательства, что де Греф уже признался. В конце концов ты заговоришь, потому что ты трус, потому что ты ядовитая гадина. Дай сюда свои сигареты.

Мегрэ взял пачку, которую протянул ему молодой человек, и швырнул ее за окно.

- Могу я попросить вас об услуге, мистер Пайк?

Скажите, пожалуйста, Леша, который сидит на террасе "Ковчега", чтобы он привел сюда голландца. Без девушки. Я хотел бы также, чтобы Жожо принесла нам несколько бутылок вина.

Словно из деликатности, Мегрэ в отсутствии коллеги не произнес ни слова. Он по-прежнему расхаживал, заложив руки за спину, а по другую сторону окна продолжалась воскресная жизнь.

- Входите, де Греф. Будь у вас галстук, я велел бы вам развязать его так же, как шнурки от туфель.

- Я арестован?

Мегрэ только утвердительно кивнул головой.

- Садитесь. Не слишком близко от вашего друга Филиппа. Дайте мне свои сигареты и бросьте ту, которую вы курите.

- У вас есть постановление?

- Мне вышлют его телеграфом на вас двоих, чтобы у вас больше не было сомнений по этому поводу.

Голландец сел в то кресло, которое мэр, должно быть, занимал во время бракосочетаний.

- Один из вас двоих убил Марселена. По правде говоря, не важно кто: вы оба одинаково виновны.

Вошла Жожо с подносом, уставленным бутылками и стаканами. Она растерянно оглядела обоих молодых людей.

- Не бойтесь, Жожо. Это всего лишь жалкие грязные убийцы. Не говорите там сейчас об этом, а то все население острова соберется под окном, да вдобавок еще воскресные туристы.

Мегрэ не спеша разглядывал то одного, то другого.

Голландец вел себя гораздо спокойнее, у него не было и тени фанфаронства.

- Может быть, лучше оставить вас одних и вы сами между собой договоритесь? Ведь в конце концов основную ответственность понесет один из вас. Один поплатится головой или отправится на каторгу до конца своих дней, ну а другой отделается несколькими годами тюрьмы. Который же?

Ябеда уже вертелся на стуле, и можно было ожидать, что он сейчас поднимет руку, как в школе.

- Закон, к сожалению, не может считаться с тем, что вы оба несете одинаковую ответственность. Ну а я убежден, что вы один другого стоите, с той лишь разницей, что к де Грефу у меня все-таки чуть-чуть больше симпатии.

Филипп все так же беспокойно вертелся, едва сдерживаясь, чтобы не заговорить.

- Признавайтесь, де Греф, что вы делали это не только ради денег. Вы тоже не хотите отвечать? Как угодно. Пари держу, что вы уже давно развлекаетесь изготовлением фальшивых картин, чтобы доказать себе, что вы не просто любитель, который занимается живописью только по воскресеньям, не какой-нибудь мазилка. Вы много их продали? Ну, да это не важно. Зато как бы вы отомстили профанам, которые вас не понимают, если бы увидели, что одно из ваших произведений, подписанное прославленным именем, оказалось в Лувре или в каком-нибудь из музеев Амстердама! Мы посмотрим ваши последние произведения. Выпишем их из Фъезоле. Во время суда господа эксперты их проанализируют. Вам несладко придется, де Греф!

Было почти забавно видеть физиономию Филиппа, выражавшую одновременно и отвращение, и обиду. Оба более чем когда-либо были похожи на мальчишек. Филипп завидовал словам, с которыми Мегрэ обращался к его соучастнику, и, должно быть, сдерживался, чтобы не запротестовать.

- Признайтесь, господин де Греф, вы отчасти даже рады, что вся эта история выплыла наружу?

Слово "господин", обращенное к де Грефу, тоже оскорбляло Морикура до глубины души.

- Если знаешь что-нибудь один, от этого в конце концов становится тошно. Вы не любите жизнь, господин де Греф?

- Ни вашу, ни ту, которую мне навязали.

- Вы ничего не любите?

- Я не люблю себя.

- Вы не любите и девочку, которую вы похитили, просто чтобы взбесить ее родителей. С каких пор у вас появилось желание убить кого-либо из себе подобных?

Не по необходимости, не для того, чтобы заработать или убрать неудобного свидетеля. Я говорю о желании убить для того, чтобы убить, чтобы посмотреть, как это происходит, какие при этом бывают ощущения. А потом еще даже ударить труп молотком, чтобы доказать себе, что у вас крепкие нервы.

Губы голландца растягивала тонкая улыбка, и Филипп искоса поглядывал на него, ничего не понимая.

- Хотите, я вам обоим сейчас предскажу, что произойдет? Вы решили молчать - и тот, и другой. Вы уверены, что против вас нет доказательств. Никто не был свидетелем смерти Марселена. Никто на острове не слышал выстрела из-за мистраля. Оружие не нашли, оно, наверное, в

безопасном месте, на дне моря. Я не потрудился разыскивать его. Отпечатки пальцев тоже ничего не дадут. Следствие продлится долго. Следователь будет допрашивать вас терпеливо, справится о вашем прошлом, - и в газетах станут много писать о вас.

Не преминут подчеркнуть, что вы оба из хороших семей. Ваши друзья с Монпарнаса, де Греф, подтвердят, что у вас талант. Вас представят как человека особенного, непонятого. Упомянут о двух томиках стихов, опубликованных Морикуром.

Подумать только, Филипп был страшно доволен, что ему наконец тоже поставили хорошую отметку!

- Журналисты будут брать интервью у председателя суда в Гронингене, у госпожи де Морикур в Сомюре. В мелких газетках будут смеяться над миссис Уилкокс, и, конечно, ее посольство будет ходатайствовать о том, чтобы ее имя упоминалось как можно реже.

Комиссар одним духом выпил полстакана пива и сел на подоконник, повернувшись спиной к залитой солнцем площади.

- Де Греф будет упорно молчать, потому что у него такой характер, потому что он не боится.

- А я заговорю?

- Ты заговоришь. Потому что ты ябеда, потому что для всех станет ясно, что из вас двоих ты наиболее мерзкий субъект, потому что ты захочешь представиться невинным, потому что ты трус и вообразишь, что, заговорив, спасешь свою драгоценную шкуру.

Де Греф повернулся к сотоварищу с неописуемой улыбкой на губах.

- Наверное, ты заговоришь уже завтра, когда очутишься в настоящем полицейском участке и несколько молодцов станут допрашивать тебя, пуская в ход кулаки. Ты не любишь, когда тебя бьют, Филипп.

- Бить меня не имеют права.

- А ты не имеешь права обирать бедную женщину, которая не понимает, что делает.

- Она прекрасно все понимает. Вы защищаете ее, потому что у нее есть деньги.

Мегрэ даже не подошел к Морикуру, а тот все-таки поднял руки, защищая лицо.

- И уж, конечно, ты заговоришь, когда узнаешь, что у де Грефа больше, чем у тебя, шансов выпутаться.

- Он все-таки был на острове.

- У него тоже есть алиби. Ты был со старухой, он - с Анной.

- Анна скажет...

- Что?

- Ничего.

В "Ковчеге" начался завтрак. Проговорилась Жожо, или люди сами что-то почуяли, но вокруг мэрии уже бродили какие-то фигуры. Сейчас здесь соберется толпа.

- Я не прочь бы оставить вас обоих здесь. Что вы на этот счет думаете, мистер Пайк? Конечно, кто-нибудь должен наблюдать за ними, иначе мы рискуем тем, что их разорвут на мелкие кусочки. Останешься, Леша?

Леша уселся за стол, облокотившись на него.

Мегрэ и его британский собрат вышли на площадь, залитую солнцем, которое сейчас жгло во всю силу.

Они заговорили не сразу.

- Вы разочарованы, мистер Пайк? - спросил наконец комиссар, уголком глаза посмотрев на англичанина.

- Почему?

- Не знаю. Вы приехали во Францию, чтобы изучать наши методы, а их, оказывается, не существует. Морикур заговорит. Я мог бы заставить его заговорить сейчас же.

- Применяя тот метод, о котором вы упоминали?

- Тот или другой. Впрочем, заговорит он или нет - не имеет значения. Он отопрется от своих слов. Снова признается и снова отопрется. Вы увидите, что в присяжных будут нарочно поддерживать сомнение. Оба адвоката будут грызться, как кошка с собакой, каждый из них будет стараться обелить своего клиента и переложить всю ответственность на клиента коллеги.

Даже не вставая на цыпочки, они могли видеть в окно мэрии обоих молодых людей, сидящих на своих стульях. На террасе "Ковчега" завтракал Шарло, справа от него сидела его подруга, а слева Жинетта, которая издали словно старалась объяснить комиссару, что никак не могла отказаться от этого приглашения.

- Приятнее иметь дело с профессионалами. - Может быть, при этих словах Мегрэ подумал о Шарло. - Но они как раз редко убивают. Настоящие преступления часто возникают словно случайно. Эти мальчишки начали игру, не зная, к чему она их приведет. Это казалось им почти шуткой. Выудить деньги у полоумной старухи миллионерши при помощи картин, подписанных прославленными именами! И вдруг однажды утром какой-то субъект, какой-то Марселей, в неподходящий момент поднимается на палубу лодки...

- Вы их жалеете?

Мегрэ только пожал плечами.

- Вот увидите, психиатры заспорят, в какой степени оба вменяемы.

М-р Пайк, который щурил глаза от солнца, долго смотрел на коллегу, словно стараясь проникнуть в глубь его мыслей, потом протянул:

- А-а!

Комиссар не спросил, что должно означать это заключение. Заговорив о другом, он полюбопытствовал:

- Вам нравится Средиземное море, мистер Пайк?

И так как англичанин в нерешительности медлил с ответом, Мегрэ продолжал:

- Я думаю, не слишком ли здесь для меня плотный воздух. Наверное, мы сможем выехать уже сегодня вечером.

Белая колокольня была словно встроена в небо, а оно, казалось, состояло из некоего твердого и вместе с тем прозрачного материала. Мэр с любопытством заглядывал в мэрию снаружи через окно. Что делал Шарло? Мегрэ увидел, как он встал из-за стола и быстро пошел по направлению к гавани.

Комиссар посмотрел на него, нахмутив брови, и уронил:

- Только бы...

Он устремился в том же направлении, а м-р Пайк, ничего не понимая, пошел за ним.

Когда они подошли к молу, Шарло был уже на палубе маленькой лодки с забавным названием "Цветок любви".

Он наклонился над люком, ведущим в каюту, посмотрел внутрь, потом исчез и снова появился на палубе, неся кого-то на руках.

Когда Мегрэ и м-р Пайк тоже поднялись на лодку, Анна лежала на палубе.

- Вы об этом и не подумали? - неприязненно процедил Шарло.

- Веронал?

- В каюте на полу валяется пустая трубочка.

Их было уже пять, потом стало десять, потом вокруг мадемуазель Бебельманс собралась целая толпа. Местный врач приближался мелкими шажками, с огорченным видом твердя:

- На всякий случай я захватил рвотное.

М-с Уилкоккс с одним из своих матросов стояла на палубе "Северной звезды", они передавали друг другу морской бинокль.

- Видите, мистер Пайк, я тоже допускаю ошибки.

Она поняла, что де Грефу нечего опасаться, кроме ее свидетельских показаний, и боялась, что ее заставят говорить.

Он растолкал толпу, собравшуюся у мэрии. Леша закрыл окно. Молодые люди все еще сидели на своих местах; на столе стояли бутылки пива.

Мегрэ, словно медведь, заходил по комнате, потом остановился перед Морикуром и вдруг, когда его жест никак нельзя было предугадать и молодой человек не успел даже заслониться рукой, двинул его по физиономии.

От этого ему стало легче. Он проговорил почти спокойным голосом:

- Прошу прощения, мистер Пайк.

Потом повернулся к де Грефу, который наблюдал за ним.

- Анна умерла.

В тот день он не дал себе труда их допрашивать. Он старался не видеть гроб, все еще стоявший в углу, знаменитый гроб старика Бенуа, который служил уже для Марселена и теперь должен был послужить для юной уроженки Остенде.

Словно в насмешку, лохматая голова живехонького Бенуа виднелась среди толпы.

Леша и двое арестованных в наручниках отплыли в рыбачьей лодке к мысу Жьен.

В пять часов Мегрэ с м-ром Пайком сели на "Баклан"; там уже были Жинетта и Шарло со своей танцовщицей и все туристы, которые провели воскресенье на пляжах острова.

"Северная звезда" покачивалась на якоре у входа в гавань. Мегрэ, нахмурившись, курил трубку, и, так как губы его шевелились, м-р Пайк, нагнувшись к нему и спросил:

- Простите, что вы сказали?

- Я сказал: мерзкие мальчишки!

Затем быстро отвернулся и стал разглядывать морское дно.

<http://book.zehinli.info>

1949г.